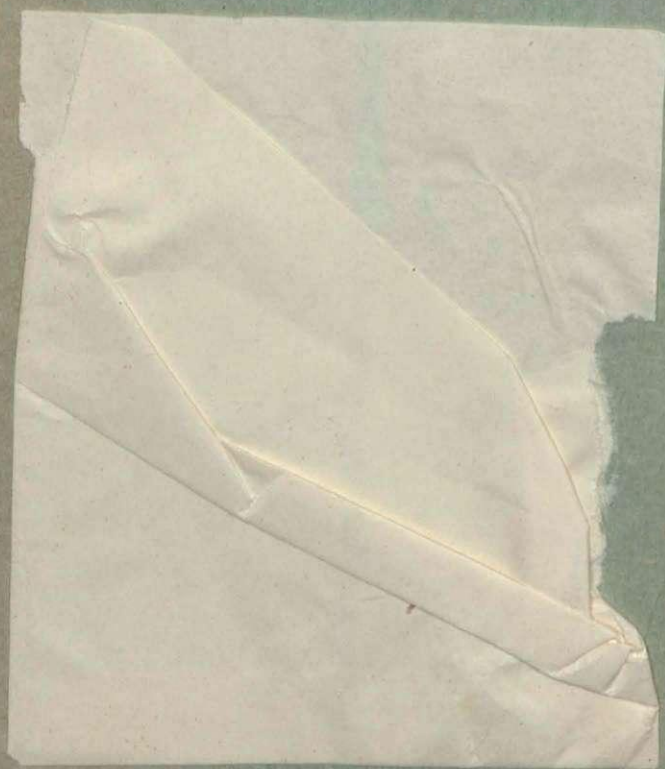
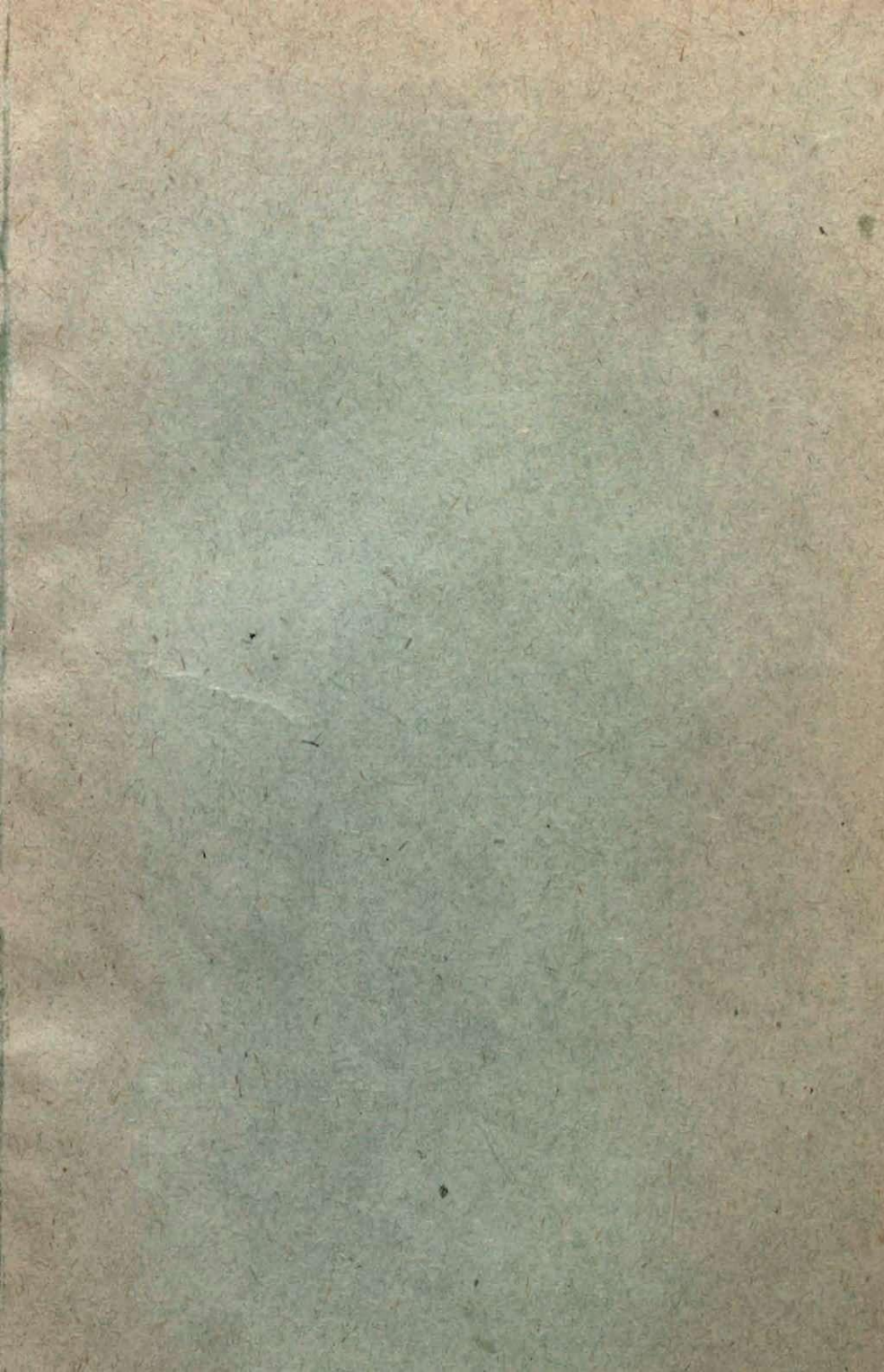

$\int \frac{10}{370}$

*S^{10.}
370.*

НОРВЕЖСКІЯ СКАЗКИ

П. ХР. АСБЪЕРНСЕНА

ПЕРЕВОДЪ С. М. МАКАРОВОЙ

Съ 28 отдѣльными картинами и 73 полнотипажамы
въ текстѣ

82
ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУГЪ

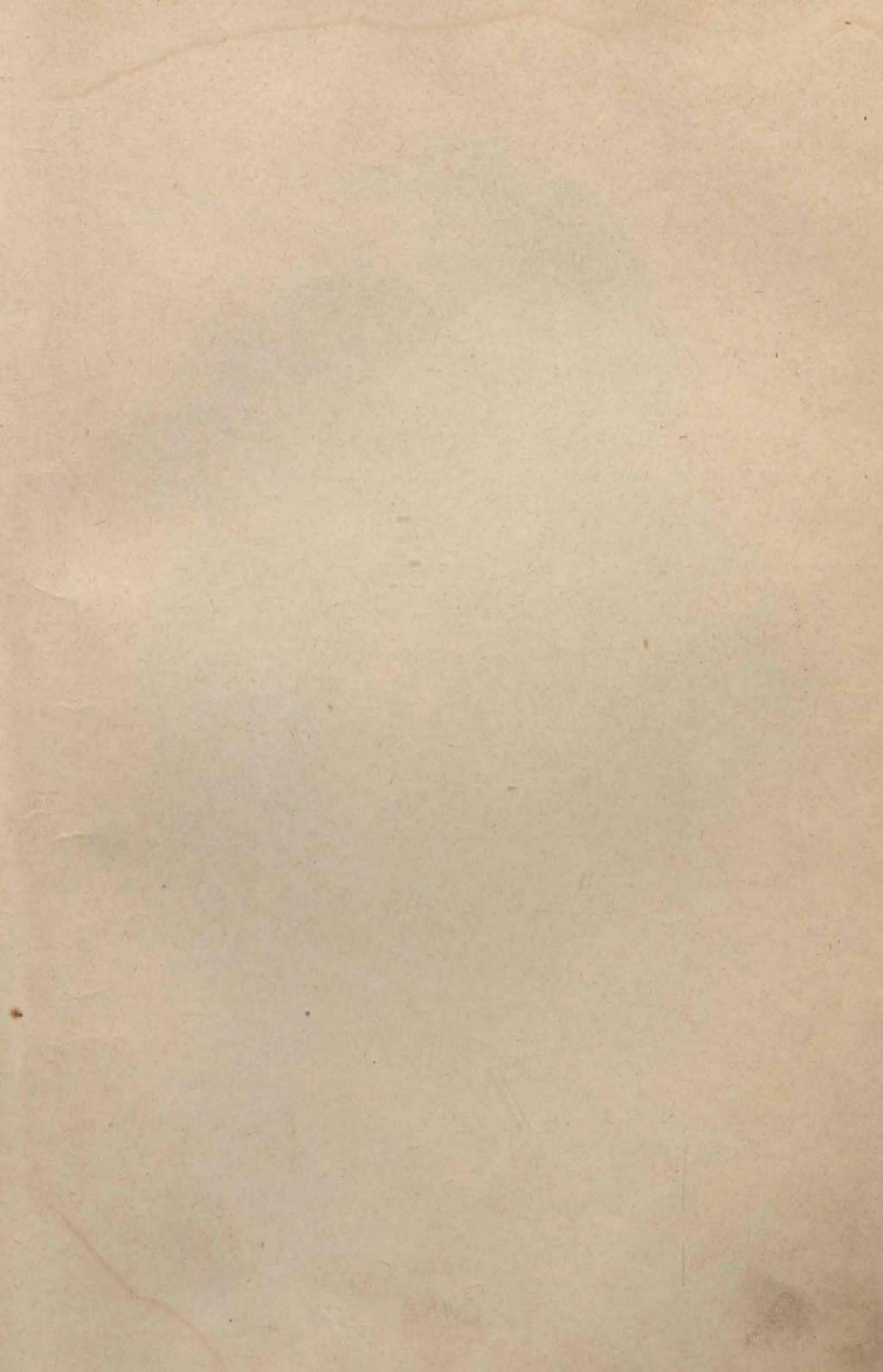
Гостинный дворъ, № № 17 и 18

МОСКВА

Петровка, домъ Михалкова, № 5

НОРВЕЖСКІЯ СКАЗКИ

НОРВЕЖСКІЯ СКАЗКИ

П. ХР. АСБЪЕРНСЕНА

ПЕРЕВОДЪ С. М. МАКАРОВОЙ

Съ 28 отдѣльными картинами и 73 политипажами
въ текстѣ

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУГЪ

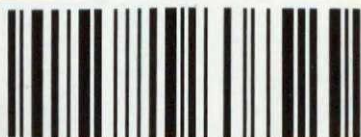
Гостинный дворъ, № № 17 и 18

МОСКВА

Петровка, домъ Михалкова, № 5

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 30 Сентября 1885 г.

22524-0

2011146940

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ (Сиб., Васил. остр., 17 л., д. № 5).

КНИГА ИМЕЕТ

Листов
печатных

Выпуск

В перепл.
един. соедин.
№№ вып.

Таблиц

Карт

Иллюстр.

Служебн.
№ №

№ №
списка и
порядковый

1952 г.

17

28

217

1548

141-100000

ВСТУПЛЕНІЕ.

Въ современной норманской литературѣ можно назвать трехъ писателей, которые вышли изъ узкаго, домашняго, провинціальнаго круга и завоевали себѣ мѣсто среди европейскихъ знаменитостей.

Двое изъ нихъ Ибсенъ и Бьорнсенъ — имена поэтовъ по призванію; третье — имя ученаго, котораго непреодолимая склонность къ литературѣ создала поэтомъ, помимо его воли. Повѣсти Бьорнсена и комедіи Ибсена принадлежатъ къ традиціямъ фантастическаго искусства, но рассказы Асбьернсена, часть которыхъ предлагается теперь нашимъ читателямъ, ввели въ литературу нѣчто совершенно своеобразное, — именно безыскусственную народную рѣчь. У насъ, въ Россіи, языкъ этотъ введенъ давно Пушкинымъ, Гоголемъ, Толстымъ и многими другими писателями, и мы едва ли можемъ понять, какъ поражаетъ подобная попытка тѣхъ, которые привыкли къ книжнымъ выраженіямъ и оборотамъ, рѣдко употребляемымъ въ рѣчи.

Асбьернсенъ смѣло отказался стъ правилъ, считавшихся до него священными въ литературѣ; онъ вполне отрѣшился отъ напыщенныхъ книжныхъ вырженій, пренебрегъ всѣми искусственными оборотами, которые считались необходимыми въ датской литературѣ, и имѣлъ мужество передать поэтическое, выразительное мѣстное нарѣчіе горцевъ во всей его первобытной свѣжести. Вотъ все, что мы скажемъ о внѣшней формѣ этихъ сказокъ, съ этой оболочкѣ, которую переводъ нашъ не въ состояніи исполнѣть передать, особенно не въ состояніи передать необыкновенную прелесть и совершенно особенный отпечатокъ разсказа, свойственный лишь родному языку разсказчика и дорогой лишь для роднаго уха.

Чтобы оцѣнить содержаніе сказокъ, намъ слѣдуетъ познакомиться съ жизнью автора. Онъ получилъ образованіе естество-испытателя (зоолога), но врожденные способности взяли свое и сдѣлали изъ него поэта; и онъ всю жизнь добросовѣстно служилъ какъ одному, такъ и другому дѣлу.

Петръ Христіанъ Асбьернсенъ родился въ Христіаніи, 15 января 1812 г. Его біографы намъ ничего не сообщили о его школьной жизни, а о ней, по всей вѣроятности, можно было бы поразсказать много; въ школѣ, когда онъ еще былъ ребенкомъ, онъ сошелся съ мальчикомъ моложе его лѣтами, и самая искренняя дружба связала ихъ на всю жизнь, дружба, которая имѣла громадное вліяніе на его умственное развитіе. Другомъ этимъ былъ лирическій поэтъ Іоргенъ Моэ, нынѣшній епископъ Христіанзанда. Молодымъ людямъ еще не было двадцати лѣтъ, когда они стали записывать тѣ страшные разсказы, сказки и побасенки

старушекъ, которые они слыхивали еще въ дѣтской, или которые имъ удавалось повыспросить у сосѣднихъ стариковъ.

Это препровожденіе времени превратилось въ страсть; куда бы они не собрались — удить-ли или погулять въ горахъ—любимымъ занятіемъ и конечною цѣлью было у нихъ всегда навести каждаго крестьянина, котораго они встрѣчали на рассказъ о повѣрьяхъ. Асбьернсенъ скоро превзошелъ Моэ обширностью своей дѣятельности; по своей специальности онъ постоянно бывалъ во всѣхъ концахъ королевства, между тѣмъ, какъ другъ его, характеръ котораго болѣе подходилъ къ мечтательной жизни среди горъ и потоковъ, пристроился сельскимъ священникомъ, въ болѣе узкомъ и замкнутомъ кругу.

Но мы обязаны исключительно Моэ, за самое точное и живое описаніе того, какъ собирали друзья матерьялъ для своихъ изданій, въ особенности прелестному его очерку «Слѣпая Анна». Въ 1838 г. Асбьернсенъ въ первый разъ выпустилъ въ свѣтъ свои изслѣдованія, въ видѣ рассказа для дѣтей подъ названіемъ «Норъ». Только въ 1842 году вышло первое изданіе норвежскихъ народныхъ и волшебныхъ сказокъ, собранныхъ Петромъ Христіаномъ Асбьернсеномъ и Юргеномъ Моэ. Оно постепенно приобрѣло всеобщую извѣстность и въ 1871 г. было выпущено новое собраніе сказокъ, составленное однимъ ужь Асбьернсеномъ. Между тѣмъ въ 1845 г. Асбьернсенъ издалъ свою извѣстную работу Хулдреэвентиръ, или сказки о нимфахъ или сиренахъ, населяющихъ лѣсную чашу или горныя пастбища. Вторая часть ихъ вышла въ 1848 г.

Настоящее собраніе сказокъ и разсказовъ составляетъ, какъ-бы букетъ, собранный изъ этихъ четырехъ полянъ, усаженныхъ дикими, своеобразными горными цвѣтами и полныхъ аромата сосновыхъ лѣсовъ.

Еще не такъ давно норманскій крѣстьянинъ проводилъ весь свой досугъ, т. е. все время между работой и всякими религіозными обрядами, разсказывая и слушая сказки. Старикамъ и старухамъ, которые дошли уже до того возраста, когда работать не подъ силу, вмѣнялось въ обязанность вспоминать и разсказывать эти древнія сказанія въ прозѣ и въ стихахъ и повторять или пѣть ихъ при первомъ требованіи.

Такихъ пѣвцовъ или повѣствователей очень уважали и ихъ можно было встрѣтить въ каждомъ селѣ.

Моэ замѣчаетъ, что между темами разсказовъ того и другаго пола всегда существовало различіе: старухи разсказывали болѣе суровыя и мрачныя преданія, специально-же стариковъ были, напротивъ, юмористическіе стишки и побасенки. Асбьернсенъ и Моэ успѣли вовремя захватить эти разсказы и передать ихъ во всей силѣ и свѣжести. Въ настоящее время во многихъ мѣстностяхъ они уже совсѣмъ забыты, вымерли, въ другихъ остаются лишь въ памяти немногихъ весьма престарѣлыхъ поселянъ и исчезнуть вмѣстѣ съ ними.

Одна или двѣ долины въ Телемаркенѣ, — норвежскій участокъ за Консбергомъ, гдѣ немногочисленное населеніе строго придерживается старины, избѣгая нововведеній современной жизни—доставили самый богатый матерьялъ народной литературы. Въ болѣе современныхъ и европейски

цивилизованныхъ провинціяхъ, какъ напр., Харданиръ, гдѣ постоянное сообщеніе по морю съ иностранцами уничтожило прежнее уединеніе, разсказовъ встрѣчалось гораздо меньше и они значительно уступали первымъ—въ характерности и наивности.

Лучшіе разсказы были сообщены имъ пѣвцами на свадьбахъ, лодочниками на фюрдахъ, старыми слѣпыми бродягами и домашними приживалками, которыя составляютъ такую своеобразную черту норманской сельской общины; и, замѣчательно, что почти всѣ эти разсказчики по призванію теперь уже вымерли. Еслибъ Асбьернсенъ и Моэ не потрудились—бы надъ собираніемъ древнихъ преданій, послѣднія затерялись—бы безвѣсти и не было—бы никакой надежды ихъ возстановить.

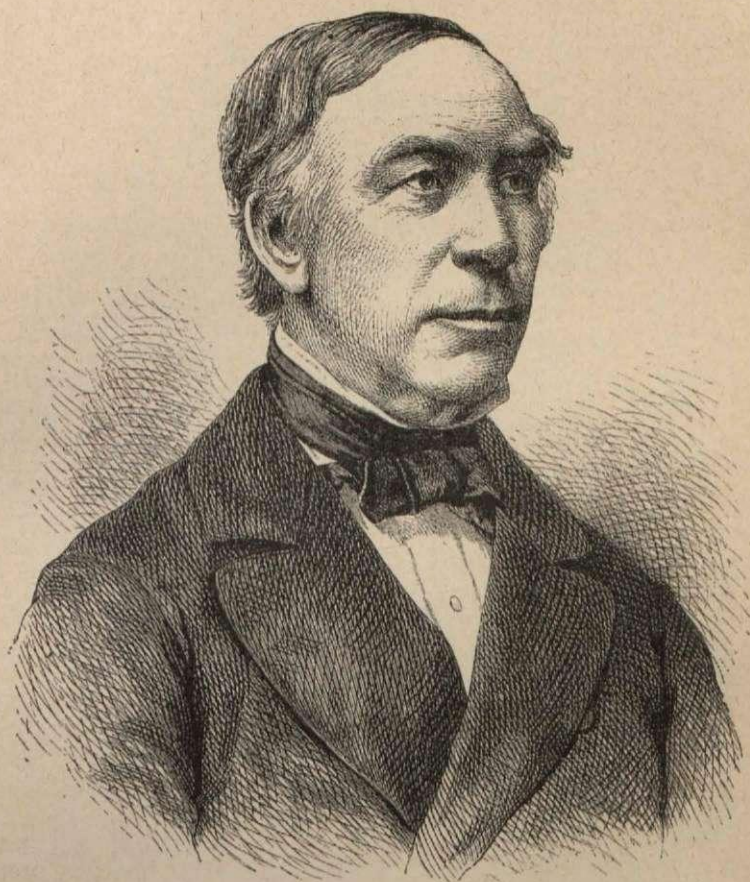
Остальное доскажутъ сами сказки. Въ такомъ популярномъ изданіи, какъ это, не требуется говорить объ ясно выдѣляющихся звеньяхъ, связывающихъ въ одно общее Норвегію съ Россіей, Ирландіей, Германіей, Валахіей и Индустаномъ.

Разсказы сами по себѣ прелестны, какъ повѣствованія о первобытной норманской жизни и о возрѣніи норвежцевъ на природу. Миѳы, созданные ими, придаютъ еще историческую подкладку сказкамъ, увеличивая ихъ достоинство и то удовольствіе, которое они доставляютъ.

Нельзя сомнѣваться, что Асбьернсена влекла въ его экскурсіи не одна страсть естествоиспытателя и любителя древности; его, какъ поэта, увлекало своеобразное остроуміе, дикій паѳосъ, то неуловимое близкое, родное, то дикое своеобразие, которымъ отличаются его соотечественники.

Величайшая его заслуга, какъ литератора-художника, состоитъ въ томъ, что ему удалось передать вполнѣ особенности норвежской жизни природы съ тою тонкостью отдѣлки, какой еще не достигъ ни одинъ норвежскій писатель, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ. Онъ сѣумѣлъ не описаніями, а рядомъ привлекательныхъ и изящныхъ картинъ и чуть замѣтныхъ чертъ передать самую сущность нравовъ и характера норманскаго крестьянина и природы, его окружающей.

Мы надѣемся, что рассказы его будутъ встрѣчены въ Россіи съ тѣмъ-же теплымъ чувствомъ, съ какимъ ихъ встрѣтили Германія и Америка.

Georg Meier.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Давно минувшій рождественскій вечеръ	1
Мальчики, встрѣтившіеся съ дѣвками въ Гедальскомъ лѣсу	15
Разсказы охотника Матѣаса	19
Сказка про хозяина, взявшагося за бабье дѣло	29
Вороны Удрѣста	34
Великанъ безъ сердца	40
Пряникъ	47
Глухарь Холейя	51
Ворчунъ-гусенокъ	72
Седьмой хозяинъ въ домѣ	83
Разсказы Берты Туппенхаукъ	86
О кузнецѣ, котораго не приняли въ адъ	99
Какъ три козла Шумилы пошли гулять въ горы	106
Петръ Гинтъ	108
Храбрый Михайло Топтыгинъ	115
Преданія мельницы	118
О мальчикѣ, ходившемъ къ сѣверному вѣтру требовать свою муку обратно	129
Боролевскіе зайцы и пастухъ ихъ	133
Ловля макрелей	142
Плутъ	154
Глухие мужья и злая жена	163
Пасторъ и попомаръ	166
Горный духъ и Юганъ Блесзомъ	168
Сокровище	171

Сынъ вдовы	173
На востокъ отъ солнца, на западъ отъ луны	184
Сказка про Ивашку-дурака, превзошедшаго во лжи принцессу	195
Вечеръ въ одной норвежской кухнѣ	198
Сказка про Иванушку-дурака, разсмѣшившаго принцессу	212
Лѣтняя ночь въ Кругъ-Вальдѣ	216
Знахарка	233
Угольщикъ	244

ДАВНО МИНУВШІЙ РОЖДЕСТВЕНСКІЙ ВЕЧЕРЪ

ВѢТЕРЪ свищетъ, раскачивая вѣтви обнаженныхъ кленовъ и лищъ; снѣгъ валить хлопьями и устилаетъ густымъ слоемъ улицы города Христіаніи; небо такъ сумрачно, какъ только оно бываетъ въ Норвегіи въ декабрскій день, къ вечеру. Сажу я подѣ окномъ, гляжу на улицу,—и на душѣ у меня становится все тоскливѣе и тоскливѣе. Первый разъ провожу я праздники Рождества не въ семьѣ своей. Меня недавно произвели въ офицеры, и я долженъ былъ ѣхать домой въ отпускъ и мечталъ уже о томъ эффектѣ, который произведетъ мой пріѣздъ между деревенскими сосѣдами... и вдругъ нервная горячка разрушила все мои планы. Пришлось лечь въ постель и провести много грустныхъ дней и ночей. Болѣзнь моя прошла, я могъ уже выходить, но нечего было и думать мнѣ ѣхать домой въ такой морозъ безъ теплой шубы, и я написалъ къ своимъ, прося отца прислать мнѣ ее.

И вотъ я сажу и жду посланнаго. Кажется, придется

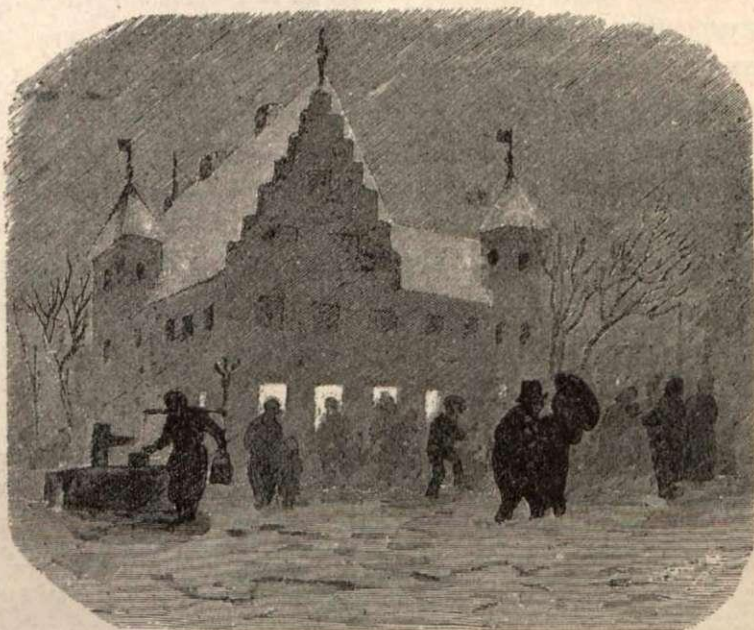
ждать его долго: пока дойдетъ мое письмо въ деревню, пока проберутся по этимъ снѣгамъ,—вѣрнѣе всего, придется встрѣчать и Новый годъ одному-одинешенькому. Товарищи всѣ разѣхались, хозяйки мои, старыя дѣвы — очень милы, очень предупредительны, но и очень скучны. Онѣ за мной ухаживаютъ, словно за роднымъ, и надѣдають мнѣ страшно. Ихъ рассказы ведутся постоянно о давно прошедшемъ времени; и мысли ихъ и разсужденія дышать чѣмъ то не нынѣшнимъ, наивнымъ, почти легендарнымъ. Каковы хозева, таковы и домъ ихъ. Это самое старое зданіе во всей улицѣ, съ тусклыми, маленькими окнами, темными переходами и лѣстницами, съ почернѣвшими стѣнами и полами. Домъ этотъ дѣлаетъ такое впечатлѣніе, что вы ждете, что вотъ-вотъ изъ-за темнаго угла появится страшное привидѣніе; въ домѣ этомъ вы невольно повѣрили бы въ домовыхъ. Кругъ знакомыхъ старушекъ очень ограниченъ: ихъ посѣщаетъ только маленькая племянница, дочь сестры ихъ, да иногда дѣти ихъ брата. Малютки славныя и очень любятъ слушать мои сказки.

Итакъ, сижу я себѣ у окна и смотрю на проходящихъ, снующихъ мимо меня: носы у нихъ посинѣли отъ холода, лица морщатся отъ мокраго снѣга, и меня занимаетъ, какъ они шныряютъ въ аптеку, двери которой постоянно то растворяются, то затворяются. Выходятъ они оттуда еще съ болѣе сумрачными лицами и стараются прочесть рецептъ полученнаго лекарства, но, видно, это дѣло не ихъ разума и остается имъ только пожимать плечами да покачивать головами.

Стало смеркаться. Я уже съ трудомъ могъ различать лица проходившихъ, но продолжалъ разглядывать аптеку, своеобразно выдѣлявшуюся своими темно-красными стѣнами, оловянными переплетами въ оконныхъ рамахъ, остроконечной крышей и круглыми башенками, оканчивающимися скрыпучими флюгерками. Это былъ чистый образецъ постройки

временъ Христіана IV. Одно изображеніе лебеда на аптекѣ было такое же, какое теперь мы видимъ на всѣхъ нашихъ норвежскихъ аптекахъ: золотое кольцо вокругъ шеи, на ногахъ ботфорты, а крылья распущены для полета.

Я только-что принялся было раздумывать объ этой, такъ вѣрно и правдоподобно изображенной птицѣ, какъ въ

сосѣдней комнатѣ послышались дѣтскіе веселые голоса и кто-то тихо постучалъ въ мою дверь.

На мое «войдите» дверь растворилась, и вошла Метта, старшая изъ сестеръ-хозяекъ.

— Вовсе не дѣло, — сказала она, сдѣлавъ мнѣ старомодный книксенъ, — что вы, милѣйшій мой лейтенантъ, сидите тутъ одни-одинешеньки, да еще впотъмахъ. Пойдемте-ка лучше къ намъ, у насъ бабушка Скау, да и дѣтки пришлі, вы вѣдь ихъ любите.

Нельзя было не принять такого радушнаго приглашенія, и я направился къ моимъ хозяйкамъ.

Засталъ я все общество сидящимъ у большой четырехугольной изразцовой печи. Комната была глубокая, освѣщалась она только мѣстами краснымъ отблескомъ пламени ярко топившейся печи. По стѣнамъ виднѣлись масляныя картины; изъ-за потемнѣвшихъ рамъ ихъ выглядывали разодѣтыя, напудренные дамы, сановники въ мундирахъ и другія именитыя особы въ панцыряхъ, латахъ, а нѣкоторыя и въ красныхъ фракахъ.

Спинки старомодныхъ стульевъ и дивана были такъ прямы, что приходилось сидѣть, словно аршинъ проглотить.

— Извините, господинъ лейтенантъ, что застаете тутъ насъ безъ свѣчей, — встрѣтила меня младшая изъ старыхъ дѣвъ, Цецилія, дѣлая мнѣ тоже книксенъ. — Дѣти больше любятъ такъ слушать сказки и рассказы бабушки Скау, да и она сама охотнѣе рассказываетъ при свѣтѣ одного пламени печки.

— Нечего тебѣ на насъ все сваливать, — отозвалась бабушка Скау, — ты сама большая любительница сидѣть впотмахъ у затопленной печки. Ну-ка, сознавайся! — Подсаживайтесь-ка къ намъ, лейтенантъ, — обратилась она ко мнѣ, — да скажите мнѣ, какъ ваше здоровье, и что вы хорошенькаго подѣлываете?

Пришлось рассказывать ей, какъ шло мое выздоровленіе, и выслушивать нескончаемые ея рассказы о ея старческихъ боляхъ и разныхъ немощахъ. По счастью, веселые дѣтскіе голоса то и дѣло прерывали рассказъ этотъ.

— Тетя, послушай! — кричалъ черноглазый мальченокъ, — что мнѣ Стина рассказываетъ: она посылаетъ меня на сѣноваль снести кашицу домовому. Я не хочу идти, я боюсь!

— Слушай ты ее! — говорить тетка Метта. — Она сама не умнѣе тебя: боится идти ночью на сѣноваль, увѣряетъ,

что видѣла тамъ собственными глазами домового. Однако никто изъ васъ, кажется, дѣти, не поздоровался съ вашимъ пріятелемъ, господиномъ лейтенантомъ.

— Какъ, это онъ?—закричали дѣти на разные лады.— Мы тебя вѣдь не узнали! Какой ты блѣдный,—худой! Мы тебя давно не видали. Расскажи намъ, пожалуйста, что-нибудь хорошенькое, веселенькое! Ты давно-давно ничего намъ не рассказывалъ. Расскажи намъ скорѣе о Маслянѣмъ Королѣ и Золотѣмъ Зубѣ.

Волей-неволей пришлось имъ рассказывать о Маслянѣмъ Королѣ и собацѣ Золотой Зубъ, да тутъ кстати рассказалъ сказку и про домовыхъ, какъ они таскаютъ на спинахъ громадныя охапки сѣна и другъ друга въ немъ зарываютъ. При этомъ нельзя было не упомянуть о домовомъ горы Гессельбергъ, какъ онъ до тѣхъ поръ не давалъ покоя дворовому псу, и тотъ все лаялъ и вѣлъ, пока, наконецъ, хозяинъ не догадался выкинуть ему съѣдобнаго.

— Ужъ это былъ настоящій живой домовой!—закричали дѣти, понявъ въ чемъ было дѣло, и потребовали затѣмъ новыхъ рассказовъ.

— Вы вашимъ приставаньемъ замучаете господина лейтенанта,—сказала тетка Цецилія:—пусть лучше тетя Метта расскажетъ намъ что-нибудь.

— Не знаю, что бы такое рассказать вамъ, — сказала тетя Метта, — но ужъ если рѣчь зашла о домовыхъ, то придется и мнѣ о нихъ рассказать. — Помните, дѣти, Кари Гусдаль? Помните, она у насъ жила въ кухаркахъ, и такіе вкусные блины и булки пекла, и много-много чудныхъ рассказовъ и сказокъ знала?

— Помнимъ, помнимъ!—отвѣтили дѣти въ одинъ голосъ.

— Вотъ Кари рассказывала, что она до нашего мѣста жила долго въ сиротскомъ домѣ въ услуженіи. Домъ этотъ очень неприглядень и теперъ, а въ то время онъ былъ и

того непригляднѣе. Кари была тогда очень молоденькой и бойкой дѣвушкой. Вотъ разъ и говорить она другой служанкѣ:—Хочу сегодня ночью подняться, чтобы бѣлый хлѣбъ къ утру изготовить.

«— Не вздумай только встать раньше двухъ часовъ,— замѣчаетъ та ей, — а не то худо будетъ!

«— А что будетъ?

«— Да у насъ домовой не любитъ, когда его ночью тревожатъ.

«— Только-то! Не боюсь я домовыхъ, пусть придетъ, я его живо выпровожу.

Такъ и не послушалась Кари товарки своей. Лишь только пробилъ часъ по полуночи, она встала, затопила печь и ну—хлѣбъ мѣсить. Вдругъ загудѣло въ печи, задымилъ, огонь погасъ, и сталъ словно кто въ печи полѣнья швырять. Поглядѣла Кари, — ничего не видать. Она принялась снова разводить огонь,—куда тебѣ! такъ вотъ и дуетъ, такъ вотъ и тушитъ!—«Постой же, думаетъ; взяла большую головешку въ руку, погрозила ею, да и говорить: — Убирайся, откуда пришелъ, я такихъ шутокъ не люблю.

«— Берегись!—прошипѣло ей изъ самаго темнаго угла кухни: — и побойчѣе тебя меня боялись, а съ тобою я справлюсь.

«— Не на ту попалъ,—огрызнулась Кари, — убирайся, я не боюсь тебя!

Съ этихъ поръ никто больше въ сиротскомъ домѣ домового не видывалъ.

— Мнѣ страшно!...—отозвался тоненькій голосокъ одной изъ малютокъ.— Не надо, тетя, больше такого рассказывать, пусть лучше лейтенантъ что-нибудь расскажетъ; когда онъ рассказываетъ, никогда мнѣ страшно не бываетъ.

И другія дѣти пристали, чтобы я рассказалъ имъ, какъ домовой плясалъ. Больно не хотѣлось мнѣ начи-

нать разказъ; въ немъ необходимо было пропѣть пѣсенку домового, а какъ мнѣ было пѣть моимъ хрыплымъ, непріятнымъ голосомъ, но что будешь дѣлать! Сталь я уже готовиться начать разказъ, какъ вдругъ дверь отворилась и, къ удовольствію дѣтей и въ особенности моему собственному, появилась молоденькая племянница хозяйекъ.

— Лизхень, Лизхень! — закричали дѣти, окруживъ тотчасъ ее.

— Ну, теперь я готовъ рассказывать, — сказалъ я, — мнѣ не придется болѣе пѣть своимъ басомъ, пусть ваша кухня намъ споетъ пѣсенку домового, подъ ея голосокъ вамъ и поплясать, пожалуй захочется. Слушайте, я начинаю.

«Давнымъ-давно, въ Галлинской долинь, а можетъ быть, и въ другомъ какомъ мѣстѣ, жила молоденькая дѣвушка. Ей велѣно было ставить въ мискѣ молоко для домового. Не знаю, случилось ли это въ канунъ Рождества, или другого какого праздника, но, кажется, вѣрнѣе, что это было наканунѣ Рождества. Молодая дѣвушка налила въ мисочку свѣжаго молока, и вдругъ ей стало жаль давать такое вкусное кушанье домовому. Поглядѣла она, попробовала, и ложка за ложкой — съѣла все сама; да не только молоко вышла, а и кусокъ сала, отложенный для домового, съѣла, а сама взяла корытце для свиней, набросала туда комковъ оставшейся каши, налила прокислаго молока и сунула въ уголъ овина, сказавъ: «Вотъ тебѣ, уродецъ! Каковъ ты самъ, таково тебѣ и кушанье.» Не успѣла она это вымолвить, какъ выскочить домового, какъ схватить ее и давай съ ней плясать. Ужъ вертѣлъ онъ ее, вертѣлъ, крутилъ-крутилъ, а самъ припѣваетъ»...

Тутъ Лизхень затынула своимъ серебристымъ голоскомъ:

«Молоко мое ты съѣла,

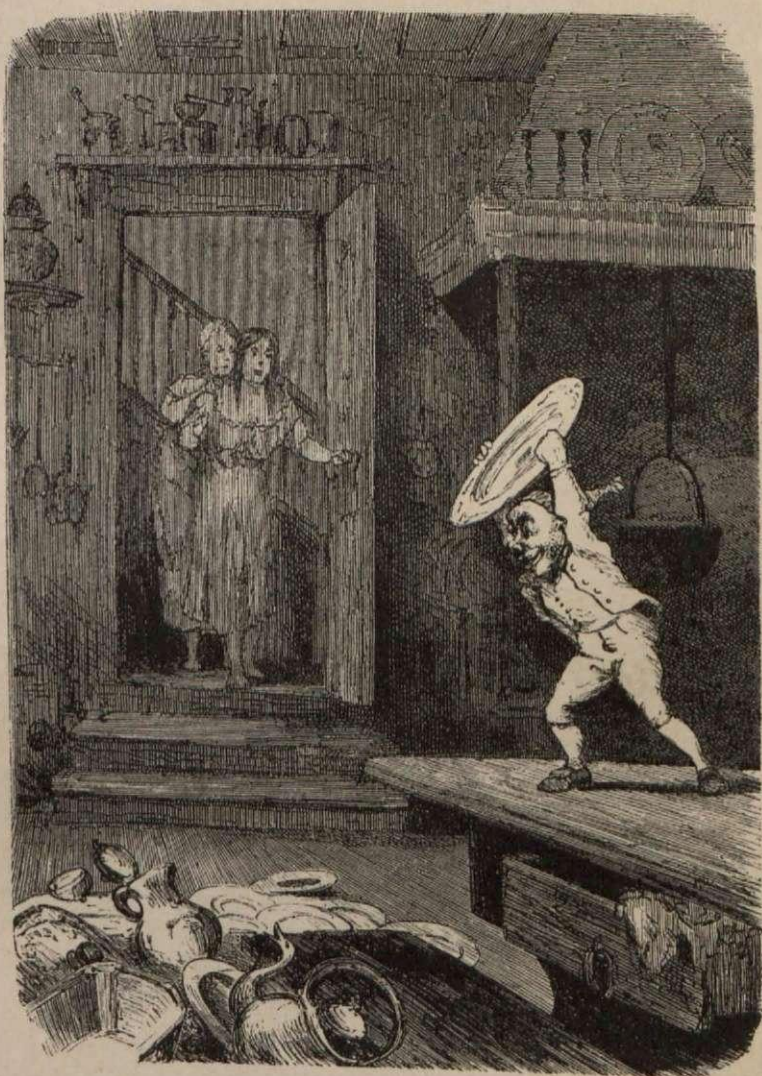
Попляши жъ теперь со мной.»

И такъ это весело да хорошо Лизхень затынула, что дѣти закружились подъ ея пѣсенку, и поднялось у нихъ такое веселье, что, наконецъ, бабушка Скау не вытерпѣла и сказала:

— Вы, дѣти, весь домъ вверхъ дномъ поставили, посидите-ка смирненько, а я вамъ расскажу что-нибудь.

Дѣти разомъ всѣ притихли, кажется слышно было бы, если-бы мышь заскреблась.

— Много рассказываютъ люди,—начала бабушка съ разстановкой,—о домовыхъ, лѣвшихъ и разныхъ другихъ, да я не вѣрю всѣмъ этимъ сказаньямъ. Давно живу я на свѣтѣ, а ничего подобнаго никогда не видывала, — думаю, что это все враки или со сна, что-ли, кому чудилось. Вотъ хоть бы наша старая Стина увѣряетъ, что когда она была молоденькой, такъ кухарка, ея товарка, домового сама видѣла. Было это давно, очень давно, мнѣ шель тогда четырнадцатый годъ, и я готовилась къ конфирмаціи, когда Стина уже у насъ въ кухаркахъ служила; а было это съ нею, еще когда она не у насъ служила, а у стараго отставнаго шкипера. Жилось ей на этомъ мѣстѣ хорошо—тихо, мирно, покойно; у шкипера гостей никогда не бывало, и самъ онъ никуда не ходилъ: погуляетъ только немного, да и домой спѣшить. Спать ложились рано, спали мирно—хотя въ домѣ шли толки про домового. «Сидимъ мы разъ съ кухаркой,—рассказывала мнѣ Стина,—у себя въ комнаткѣ,—а комната наша былаверху надъ кухней, и торопимся кончить свою работу,—платье себѣ шили. Время было уже позднее, сторожъ прокричалъ обычное: «Десять часовъ, гаси огонь!» Глаза у насъ порядочно слипались: мы всегда рано вставали, а въ этотъ день была у насъ стирка, такъ встали мы еще раньше,

да ужь очень хотѣлось намъ покончить работу. Вдругъ, слышимъ мы, зашумѣло — загрохотало въ кухнѣ,

«— Съ нами крестная сила!—говорю я:—кто тамъ быть можетъ, oprичъ домового? И такой меня страхъ взять, что съ мѣста не могу двинуться. Ну, кухарка была похрабрѣе, оправилась отъ страха скорѣе моего и пошла въ кухню. Глядитъ, а тамъ много посуды на полъ сброшено—но представьте—хоть бы одна тарелка разбилась—а на столѣ стоитъ домовый въ красной ермолкѣ и смѣется, да такъ ласково смѣется. Слышала кухарка отъ добрыхъ людей, что, когда домовый дурачится, можно его попросить ласково уйти въ другой домъ. Вотъ она и говоритъ ему, а у самой голосъ такъ вотъ и дрожить: «Не лучше ли тебѣ будетъ перейти въ домъ мѣдника, тамъ въ девять часовъ уже спать всѣ.»— «Такъ-то, такъ, отвѣчаетъ ей домовый, да ужь днемъ-то тамъ очень безпокойно: и хозяинъ, и работники только и знаютъ, что весь день стучать». Однако, домовый послушался—таки кухарки и перешелъ къ мѣднику. Тамъ ему жилось хорошо, хозяйка каждый вечеръ ему сѣбѣ ставила, и онъ не остался у ней въ долгу: натаскалъ столько въ домъ денегъ, что они разбогатѣли. — Ужъ Богъ вѣсть, — закончила свой рассказъ бабушка Скау, — точно ли домовый имъ денегъ добылъ, а что мѣдникъ разбогатѣлъ — такъ это правда.

Бабушка Скау такъ разговорила у печки, что, понюхавъ табачку и собравшись со свѣжими силами, начала снова:

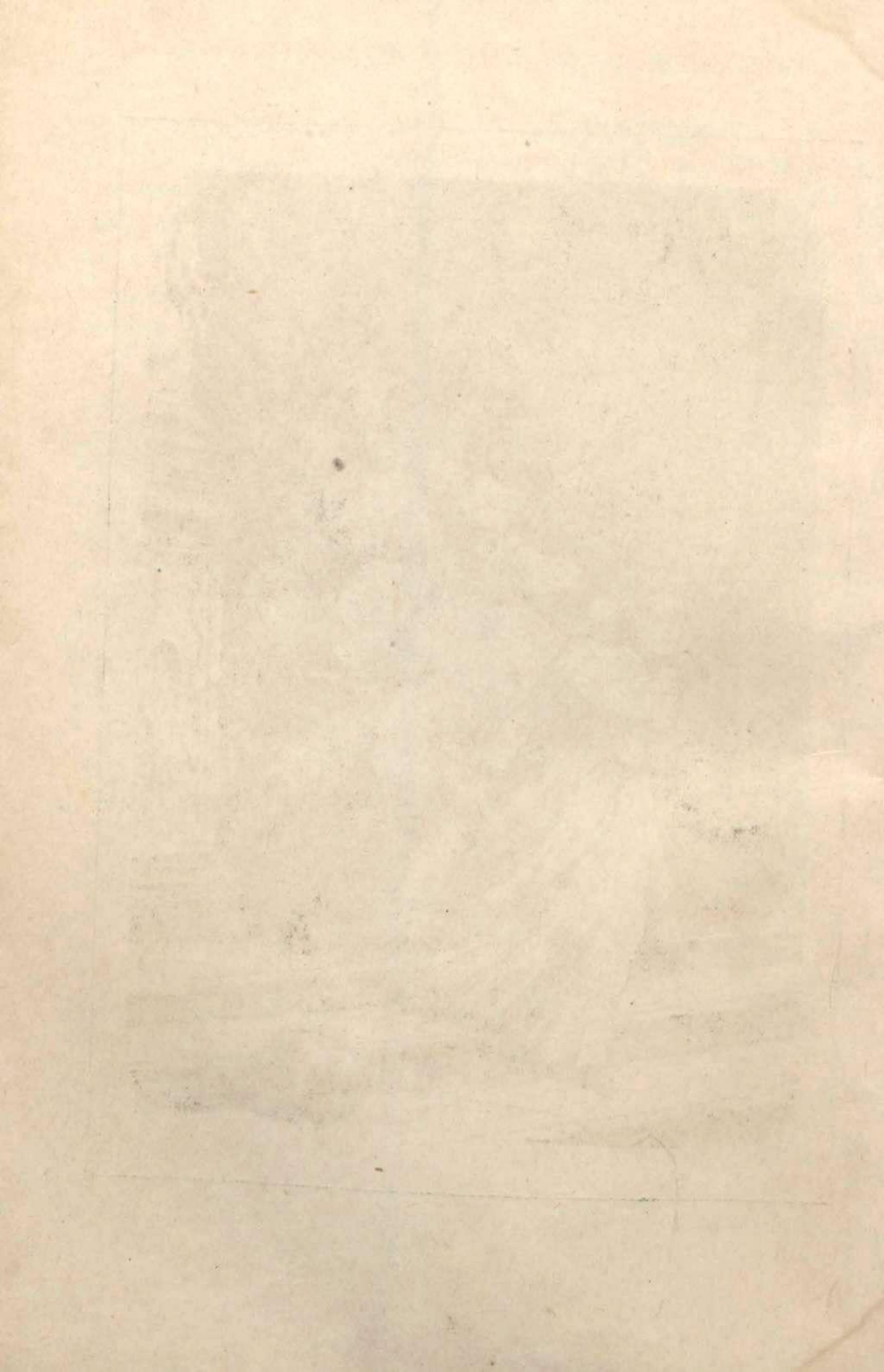
— Покойная матушка, царство ей небесное, когда была еще дѣвушкой, знавала одну вдову среднихъ лѣтъ, по имени.... какъ бишь ее звали? вотъ сразу не припомню—да,—г-жа Эвензенъ. Только разъ въ такой-же вечеръ, какъ сегодня, подъ самое Рождество, вздумала она пойти къ заутренѣ — послушать утреннюю проповѣдь, потому что она весьма

прилежно посѣщала нашу кирку. Чтобы не пришлось идти натошакъ, стала она кипятить воду для кофе, да и уснула. Проснувшись — видитъ, вся комната залита луннымъ свѣтомъ, а часы остановились и стрѣлки показываютъ половину двѣнадцатаго. Не зная, который часъ, подошла г-жа Эвензенъ къ окну и видитъ — церковь ярко освѣщена. Она разбудила служанку, приказала варить кофе, а сама взяла молитвенникъ и торопливо пошла въ церковь.

На улицѣ было тихо и безлюдно. Вошла она въ церковь, сѣла на свое обычное мѣсто, — глядитъ, кругомъ нея какія то странныя личности и всѣ мертвенно блѣдны. Ей показалось, что она ихъ когда то видала, но кто они, никакъ не могла вспомнить. Появился пасторъ на кафедрѣ, — высокій, блѣдный, не изъ ихъ приходскаго духовенства — но и его она гдѣ-то видѣла. Его прекрасная проповѣдь не прерывалась ни шорохомъ, ни кашлемъ, какъ это обыкновенно

водится на утренней проповѣди подъ Рождество Христово—царила такая мертвая тишина, что г-жѣ Эвензенъ стало жутко. Когда снова началось пѣніе, женщина сидѣвшая съ нею рядомъ, наклонилась къ ней и шепнула:

— Разстегни крючокъ у шубки и уходи, не дожидаясь конца пѣнья, или ты погибла: ты попала на заутреню мертвецовъ.

— Ахъ, мнѣ страшно, мнѣ страшно, бабушка Скау!— послышался голосокъ одной изъ малютокъ и она полѣзла на стулъ.

— Тише, тише, дитя мое, конецъ будетъ хорошій, вотъ увидишь,—успокаивала ее бабушка Скау и продолжала:— испугалась вдова, услыша это, но страхъ ея перешелъ въ ужасъ и кровь застыла въ жилахъ, когда въ говорившей съ нею она узнала свою прежнюю сосѣдку, та также, какъ и пасторъ, и всѣ тутъ молившіеся, давнымъ давно умерла. Совѣта ея она, однако, послушалась, разстегнула шубку и поспѣшно пошла къ выходу. Вдругъ она слышитъ, мертвецы погнались за нею, настигаютъ и хватаютъ ее... ей такъ стало страшно, такъ страшно едва можетъ она идти, ноги такъ вотъ и подкашиваются. Добралась она кое-какъ до церковной лѣстницы, и стала спускаться по каменнымъ ступенямъ.. вдругъ чувствуетъ она, что ее хватаютъ за шубку... Не будь шубка разстегнута, она бы пропала, но тутъ она ее поспѣшно сбросила ее и помчалась домой. Едва живая отъ страха, добралась она до дому и только что переступила порогъ, какъ часы пробили часъ. На другое утро, когда прихожане стали собираться къ обѣднѣ, на лѣстницѣ церкви нашли шубку, но разорванную на тысячу кусочковъ. Матушка прежде часто видала эту шубку—свѣтло-красную, подбитую и опушенную зайцемъ, ихъ носили еще и въ мое дѣтство, а теперь можно только видѣть на иныхъ старушкахъ въ монастырѣ Альтштадта во время заутрени на Рождество.

Разсказъ былъ такой страшный, что дѣти испугались и подняли крикъ: имъ все казалось, будто кто ихъ за ноги подъ стульями ловить. Въ эту минуту внесли двѣ свѣчи въ высокихъ мѣдныхъ подсвѣчникахъ, и оказалось, что не только дѣтей никто за ноги не ловилъ, а что сидятъ они на стульяхъ съ ногами, крѣпко поджавъ ихъ подъ себя. Ну, и подняли же ихъ тогда на смѣхъ! А тутъ стали столъ накрывать и ставить такія вкусныя кушанья и такое сладкое вино, что у дѣтей слюнки потекли, и они забыли о всѣхъ страшныхъ разсказахъ о небывалыхъ домовыхъ. Поужинали, и разошлись по своимъ угламъ.

Мнѣ, однако, плохо спалось. Не знаю, подѣйствовалъ ли на меня слишкомъ сытный ужинъ или всѣ эти разсказы,—только я долго не могъ заснуть; мнѣ все чудилось что-то недоброе, и я то и дѣло просыпался. Надоѣло мнѣ это, всталъ я до свѣту и пошелъ въ церковь. Тамъ все мирно, по праздничному, одно только странно: церковь будто не городская, а наша сельская: и крестьяне тутъ стоятъ со своими красными шапками въ рукахъ, и солдатики, вытянувшись въ струнку, и крестьянскія дѣвушки въ платочкахъ со свѣжими, алыми щечками. На кааедрѣ пасторъ ужъ говорить проповѣдь. Гляжу на него,—это мой дѣдушка, а дѣдушка мой умеръ, когда я былъ еще маленькимъ. Говорить онъ, говорилъ, да вдругъ какъ заплачетъ!... Все тутъ завертѣлось, закружилось въ какомъ-то фантастическомъ танцѣ. А тутъ подходитъ вдругъ высокій-превысокій крестьянинъ и говоритъ мнѣ:—«Пора намъ ѣхать».

Испугался я, проснулся, но что это? У моей постели стоитъ этотъ крестьянинъ, подъ мышкой какого-то косматого звѣря держитъ и говоритъ мнѣ:—«Пора намъ ѣхать!»

Гляжу я на него и не понимаю, что все это значить.

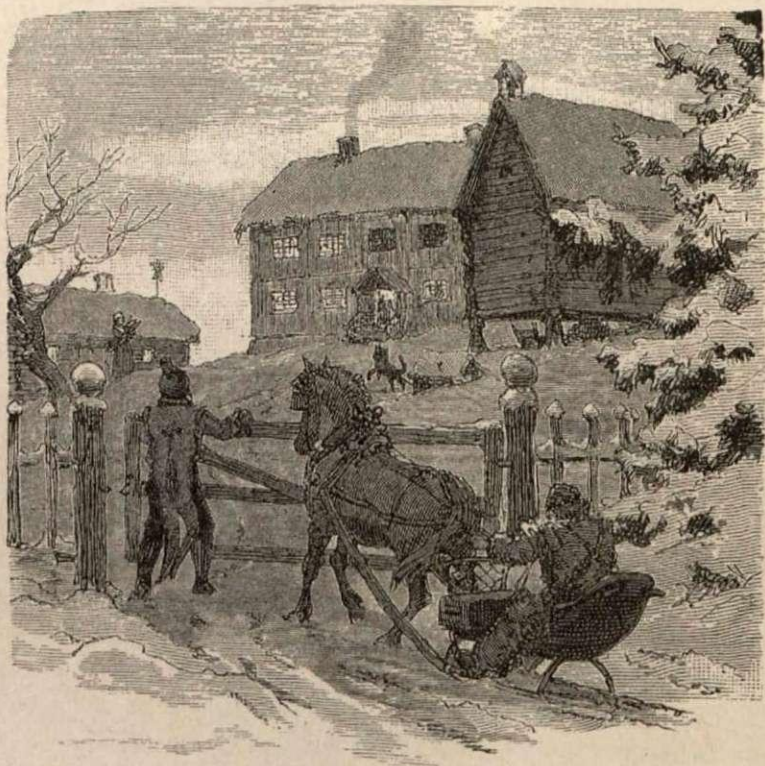
— Что глядишь такъ на меня, — продолжалъ крестьянинъ,—точно съ роду меня не выдывалъ? Вотъ я тебѣ шубу

отцовскую привезъ, и письмецо къ тебѣ изъ дому есть; да тебя нескоро разбудишь, спишь, словно медвѣдь зимой.

— Неужто это ты, Торъ? — вскричалъ я радостно.

— Кому же другому и быть. Батюшка твой меня прислалъ; да вотъ я тебя забылъ поздравить отъ всѣхъ заразъ съ наступившими праздниками.

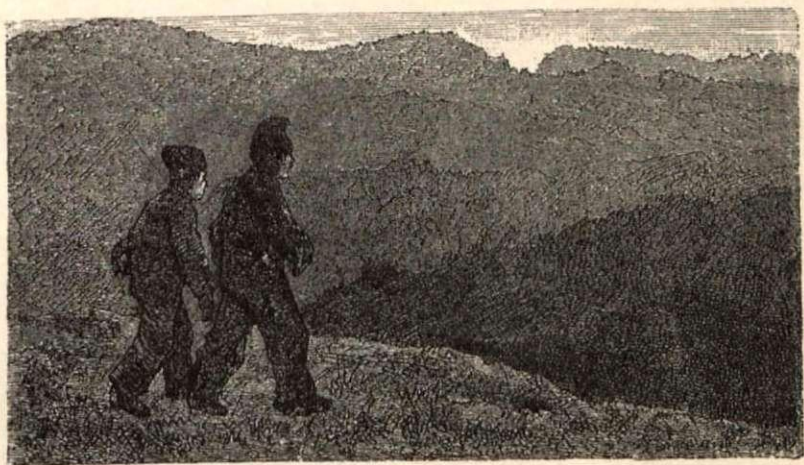
— Какъ же ты попалъ сюда ночью?

— А вотъ какъ: прислали за вашимъ батюшкой по дѣлу, пришлось ѣхать въ эту сторону, вотъ онъ и говоритъ мнѣ: «Заложика, Торъ, Буланого, да пока я дѣло справляю, махни-ка въ городъ за нашимъ лейтенантомъ: если здоровъ.

вези его домой, а не можеть ѣхать, узнай, что съ нимъ». Да что-жъ что вы-то?—добавилъ онъ, видя что я не двигаюсь съ мѣста,—собирайтесь же скорѣе. Буланый озябъ, я думаю,—на дворъ просто вѣдь стоитъ.

И покатили мы по снѣжному гладкому пути. Ночь была чудная, чисто-рождественская; подморозило такъ, что снѣгъ подъ полозьями скрипитъ, а Буланый летитъ стрѣлой, домой торопится. Никогда въ жизни не было у меня такъ отрадно на душѣ, какъ въ этотъ Рождественскій праздникъ.

МАЛЬЧИКИ, ВСТРѢТИВШЕСЯ СЪ ЛѢШИМИ ВЪ ГЕДАЛЬСКОМЪ ЛѢСУ

ДАВНЫМЪ давно жила въ Ваагѣ, въ Губрандской долинѣ, семья бѣдняковъ. Много у нихъ было дѣтей и двое старшихъ мальчиковъ постоянно ходили по всей странѣ за милостынею, такъ что имъ были извѣстны нетолько всѣ дороги и тропинки, но даже кратчайшій путь въ Гедалу.

Услышали они разъ, что въ Мелѣ поселились соколиные охотники, и задумали пойти туда поучиться у нихъ ловить птицъ. Они отправились прямо черезъ Лангмуръ. Дѣло было позднею осенью и всѣ пастушенки уже спустились со своими стадами въ долины. Начинало смеркаться, но мальчики, не находя ни крова, ни пищи, и не встрѣчая хижины птицелововъ, продолжили путь къ Гедалу, пока, наконецъ, не сбились съ дороги и не очутились среди густаго лѣса. Смѣкнули, наконецъ, мальчики, что имъ нельзя дальше идти ночью, нарубили топо-

рикомъ сосновыхъ вѣтокъ, построили себѣ шалашъ, разложили костеръ, сдѣлали себѣ мягкую постель изъ моха и травы и улеглись спать.

Вдругъ слышать — кто-то хрипитъ и втягиваетъ носомъ воздухъ. Мальчики начали прислушиваться, стараясь разобрать — звѣри это, или лѣсные духи? Но вотъ храпѣнье стало сильнѣе, земля задрожала подъ тяжелыми шагами и послышался голосъ: «Чую, чую кровь христіанскую!» Мальчики поняли, что это лѣшіе.

— Господи помилуй! Что намъ теперь дѣлать? — спросилъ младшій изъ мальчиковъ.

— Э, оставайся подъ сосной и будь готовъ схватить наши мѣшки и бѣжать, какъ только увидишь ихъ, а я возьму топоръ, — сказали старшій братъ.

Въ ту же минуту показались между деревьями трое лѣшихъ, — большихъ и неуклюжихъ; ихъ головы достигали до макушекъ сосенъ, но на всѣхъ троихъ у нихъ былъ только одинъ глазъ, который они поочереди вставляли въ дырку, находившуюся у каждаго во лбу, и потомъ направляли глазъ рукою, — поэтому только передовой лѣшій видѣлъ дорогу, а остальные двое брели, держась за него.

— Бѣги! — шепнулъ старшій мальчикъ: — но не убѣгай далеко, пока не увидишь, чѣмъ все кончится; — они держатъ глазъ такъ высоко, что едва-ли увидятъ меня, когда я нападу на нихъ сзади.

Младшій братъ побѣжалъ, — лѣшіе бросились за нимъ, а старшій напалъ на нихъ съ тылу и ударилъ задняго лѣшаго топоромъ по ногѣ, да такъ сильно, что тотъ страшно закричалъ, а передній лѣшій съ испугу выронилъ глазъ. Мальчикъ, не будъ промахъ, тотчасъ подхватилъ его. Глазъ былъ больше, чѣмъ два сложенныхъ вмѣстѣ блюда и такой яркій, что съ нимъ можно было видѣть все, какъ въ ясный день, хотя ночь была — хоть глазъ выколи.

Лѣшіе, придя въ себя и понявъ, что мальчикъ одного изъ нихъ ранилъ и укралъ у нихъ глазъ, стали всячески угрожать ему, требуя свой глазъ назадъ.

— Я не боюсь ни лѣшихъ, ни ихъ угрозъ, — сказали мальчикъ, — у меня теперь у одного три галза, а у васъ

нѣтъ у троихъ ни единого, да еще, вдобавокъ, двое изъ васъ должны тащить третьяго.

— Отдай сейчасъ глазъ, или мы тебя превратимъ въ камень! — кричали лѣшіе.

— Ну, это не такъ-то скоро дѣлается! — отвѣчалъ мальчикъ: — оставьте лучше меня въ покоѣ, а то я такъ

каждаго васъ хвачу топоромъ, что вы будете ползать, какъ червяки!

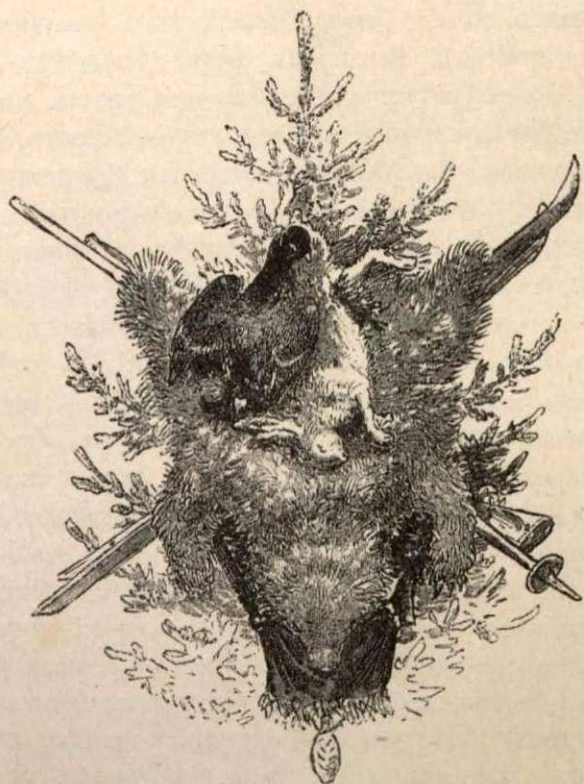
Струсили лѣшіе и стали всячески упрашивать своего обидчика: обѣщали ему за глазъ и золота, и серебра, и чего онъ только пожелаетъ. Мальчику это понравилось.

— Хорошо, дайте намъ столько золота и серебра, сколько мы съ братомъ сможемъ унести да еще по стальному луку, тогда я вамъ охотно отдамъ глазъ, — но отдамъ его не раньше, какъ все это получу.

Лѣшіе разозлились ужасно — куда же они пойдутъ безъ глаза?.. Наконецъ, одинъ изъ нихъ сталъ звать жену. — Вотъ откликнулась жена изъ-за далекихъ сѣверныхъ горъ. Лѣшіе приказали ей принести два стальныхъ лука и два ведра золота и серебра. Немного времени спустя, лѣшиха явилась къ нимъ. Узнавъ въ чемъ дѣло, она тоже разсердилась:

— Я васъ заколдую! — кричала она, но лѣшіе такъ уже были напуганы, что упросили ее не сердить маленькую осу, а то, пожалуй, она и у нея глазъ отниметъ.

Швырнула лѣшиха мальчикамъ ведра съ золотомъ и серебромъ и два стальныхъ лука; тѣ схватили и пустились бѣжать, бросивъ глазъ лѣшихѣ. Лѣшіе добывъ обратно свой глазъ, пустились со всѣхъ ногъ въ горы, и никто съ тѣхъ поръ не слышалъ, чтобы въ Гедальскомъ лѣсу ходили лѣшіе и нюхали, — не пахнетъ ли христіанскою кровью?

РАЗСКАЗЫ ОХОТНИКА МАТЬЯСА

Въ ноябрѣ 1836 года отправился я въ одинъ изъ суб-
ботнихъ вечеровъ къ моему старому другу, владѣльцу
мызы въ Ниттеталѣ. Онъ принялъ меня съ обычнымъ ра-
душiемъ и оставилъ обѣдать; я тѣмъ охотнѣе согласился,
что, пройдя добрыхъ двѣ мили отъ города сюда, порядкомъ
утомился. Къ послѣобѣденному кофе явилось цѣлое общество
изъ дома сосѣдняго священника, подали пуншъ, и разговоръ

такъ оживился, что я совсѣмъ забылъ о назначенной на воскресенье охотѣ въ Гьердрумѣ. Когда я, наконецъ, распрощался съ моими радушными хозяевами, солнце уже закатывалось; добраться одному до Гьердрума — и думать было нечего. Дорога туда шла большею частью по болотистой равнинѣ и ноябрскіе холода ее окончательно испортили. Поэтому я отправился въ Нибратъ, и попросилъ — жившаго тамъ въ крайнемъ къ горѣ домикѣ — охотника Матьяса проводить меня напрямикъ черезъ горы; тотъ охотно согласился.

Вечеръ былъ великолѣпный, западъ горѣлъ огнемъ заката, въ воздухѣ чувствовался легкій холодъ, придающій особую прелесть нашимъ ноябрскимъ денькамъ. Отъ ручьевъ подымался паръ, садившійся серебрянымъ инеемъ на деревья.

Мы шли скорымъ шагомъ и Матьясъ рассказывалъ на ходу про охоту и охотничье житье-бытье, про свою неудачную охоту на медвѣдя и т. д.; онъ сталъ особенно разговаривать, хвативъ хорошій глотокъ изъ моей охотничьей фляжки. Уже стемнѣло, когда мы достигли Аскванга; только дрожащія лучи мѣсяца освѣщали верхушки деревьевъ. Проходя мимо старой пастушеской хижины, собаки наши начали беспокоиться, видимо почуявъ свѣжую заячью тропу.

— Теперь вопросъ — крѣпка ли сворка, — сказалъ Матьясъ, удерживая собакъ изо всѣхъ силъ. — Тутъ что-то неладно!

— Ты совершенно правъ, — отвѣчалъ я: — теперь слишкомъ темно для стрѣльбы, а будь мѣсяцъ повыше, мы бы славно поохотились.

— Очень можетъ быть, — сказалъ Матьясъ, осторожно оглядываясь на хижину: — но я хотѣлъ сказать, что здѣсь въ это время бродить кикимора.

— Въ самомъ дѣлѣ? Да развѣ ты видѣлъ ее когда-нибудь?

— Здѣсь мнѣ ее никогда не случалось выслѣдить.

— Гдѣ же ты ее видѣлъ? — съ любопытствомъ сталъ я его

допрашивать: — ты неужто въ самомъ дѣлѣ вѣришь въ существованіе кикиморъ?

— Да, какъ же не вѣрить, если объ этомъ и въ священномъ писаніи сказано? — отвѣчалъ охотникъ: — когда Господь изгналъ изъ рая падшихъ ангеловъ, то лишь самые грѣшныя изъ нихъ попали въ адъ, остальные же носятся до сихъ поръ въ воздухѣ, подъ землею и въ морѣ. Къ тому же я самъ слышалъ и видѣлъ разную нечисть въ лѣсу и въ поляхъ.

— Расскажи мнѣ это, пожалуйста, Матьясъ, — попросилъ я. — И охотникъ началъ.

— Въ первый разъ я видѣлъ русалку. Шелъ я вечеромъ по дорогѣ между Бьерке и Мо. Мнѣ было тогда лѣтъ восемь или девять, но я помню это, какъ-будто сейчасъ вижу. Иду себя не сѣша, вдругъ черезъ дорогу перешла высокая прекрасная женщина, въ темномъ платьѣ, со свѣтлымъ платкомъ на головѣ и съ вязаньемъ въ лѣвой рукѣ. Дорога въ этомъ мѣстѣ пролежала черезъ болото, поросшее ивнякомъ и изобиловавшее окнами (т. е. провалами), но женщина шла цѣликомъ, какъ ни въ чемъ ни бывало. Потерявъ ее изъ виду за холмомъ, я подумалъ, что, должно быть, она заблудилась въ болотѣ. «Надо ее предупредить объ опасности, — сказалъ я, самъ себѣ, — видно она сбилась съ дороги, пожалуй, попадетъ въ окошко болота и ее втянетъ туда!» Я быстро взбѣжалъ на холмъ, но женщина уже исчезла и мѣсяцъ освѣщалъ лишь пустынное болото, да блестящія на немъ окна, — тутъ только я сообразилъ, что это была русалка.

Хотя я отлично понималъ, что видѣнная Матьясомъ женщина не была русалка, но я благоразумно умолчалъ, боясь, чтобы мое невѣріе не обидѣло стараго охотника.

— Да, чего, чего только я не наглядѣлся и не слышался на своемъ вѣку въ лѣсу, и въ поляхъ, — продолжалъ Матьясъ: — бывало, лѣсъ сердится, болтаетъ или поетъ, а порою слышалась въ лѣсу прекраснѣйшая музыка.

На охотѣ за тетеревами (это было, должно быть, въ концѣ августа, потому что черника уже поспѣла, а брусника начинала краснѣть), — сидѣлъ я между кустами на холмѣ и подкарауливалъ кричавшаго въ травѣ тетерева; передо мною разстилалась долинка, поросшая низкимъ верескомъ, заканчивавшаяся мрачною группою горъ, изрытыхъ пещерами. Вдругъ послышались за мной странные шаги — я оглянулся и увидѣлъ старика, шедшаго или вѣрнѣе скользящаго по тропинкѣ; у него было три ноги, и третья нога просто болталась на ходу. Старикъ перешелъ долинку и исчезъ въ одной изъ мрачныхъ пещеръ; въ ту же минуту выскочила изъ-за холма, видимо, спугнутая имъ тетерка, остановилась, вытянула шею и оглянулась кругомъ. Разумѣется, я въ тотъ же мигъ приложился, пафъ! — и тетерка лежала и билась на землѣ. — А вотъ въ Ласкерудѣ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ я видѣлъ русалку, слышалъ, я голосъ горнаго духа да не одинъ я слышалъ. Это было тоже давненько! Катались мы какъ-то съ моимъ младшимъ братомъ на саночкахъ, дѣлали снѣговиковъ, шалили и шумѣли, какъ всегда шумятъ ребятишки. Это было наканунѣ Рождества и уже начинало темнѣть. Вдругъ мы услышали выходившій изъ горы голосъ.

— Ступайте домой!

Но мы не обратили на это никакого вниманія и продолжали играть.

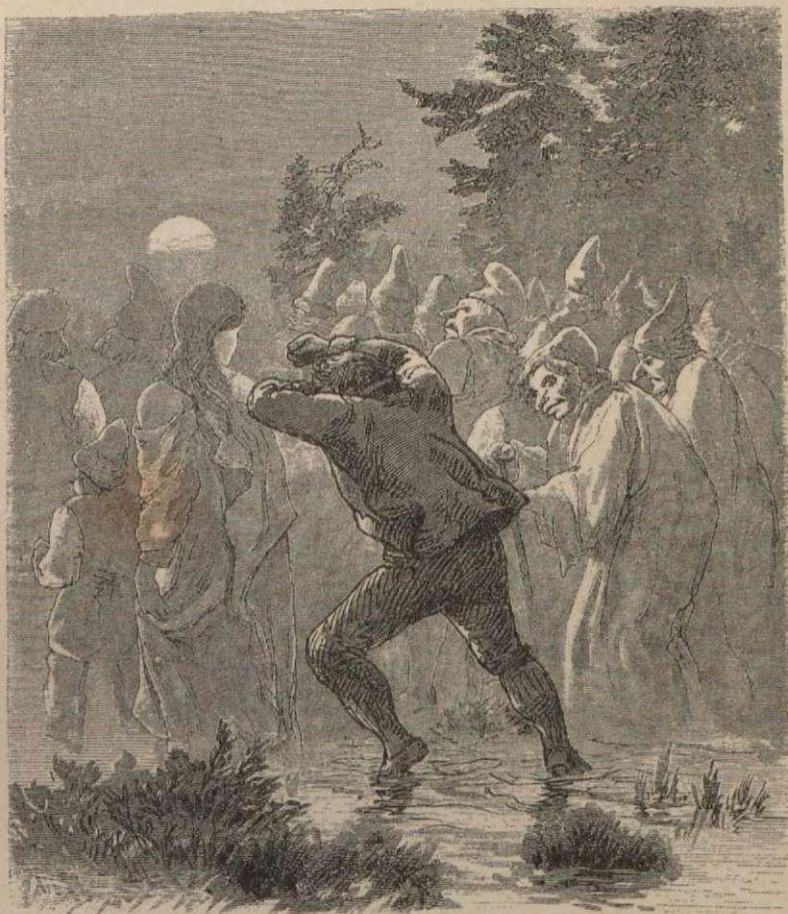
— Ступайте сейчасъ домой! — раздалось опять изъ горы.

— Нѣтъ, ты послушай-ка, — сказали мнѣ братъ, непонимавшій, что объ этихъ вещахъ не слѣдуетъ говорить. — Намъ кричатъ тамъ въ горѣ, что бы мы уходили. Каково? такъ вотъ мы и пойдемъ, какъ бы не такъ.

И мы продолжали шумѣть; вдругъ — какъ загремѣть.

— Сю минуту убирайтесь, не то я...

Больше мы ничего не слышали, потому что помчались,

какъ стрѣла, и опомнились тогда только, когда были уже дома.

Въ другой разъ, но это случилось, много лѣтъ спустя — мы были уже съ братомъ взрослые. — Вотъ, въ одно воскресное утро, только-что вернулись мы съ братомъ съ рыбной ловли домой; слышимъ громкій собачій лай на Сольбергской равнинѣ; такъ вотъ и раздается веселое тяфканье, такъ вотъ и заливаются собаки на разные лады. Я сильно усталъ, вошелъ въ домъ и легъ спать, а брату захотѣлось посмотрѣть, не гоняють ли собаки зайца, и хотя лай внезапно прекратился, но все-таки онъ отправился въ надеждѣ поохотиться. Но зайцевъ не нашелъ, а увидалъ какое-то красное строеніе, — высокое, чудное такое, но съ косыми-прекосыми окнами и дверями. Непонимая, что это за строеніе и какъ это онъ его прежде никогда не видывалъ, братъ сталъ уже перебираться черезъ болото, разстилавшееся передъ тѣмъ строеніемъ, да раздумалъ и вернулся дамой, чтобы вмѣстѣ со мною вернуться и осмотрѣть эту диковинку поближе.

— Ахъ, какъ жаль, — сказала я: — ему бы слѣдовало бросить въ него ножикъ или выстрѣлить изъ ружья, а то оно навѣрно исчезло до вашего прихода?

— Будь я на его мѣстѣ, я бы, разумѣется, такъ и поступилъ, — сказалъ Матьясъ: — но братъ совсѣмъ оплошалъ. Послушайте только, какъ это скверно кончилось: только-что онъ дошелъ до половины болота, какъ оно покрылось густой толпой неизвѣстно откуда появившихся людей. Они были не въ курткахъ, а въ какихъ то странныхъ одеждахъ и торопливо шли на сѣверъ. Брату пришлось локтями прочищать себѣ дорогу между ними. Но едва добрался онъ до холма, какъ духи (это были они) бросились на него и такъ его избили, что наши сестры, загоняя вечеромъ корову домой, нашли его тамъ лежащаго ничкомъ, съ сжатыми кулаками, поднятыми передъ почернѣвшимъ лицомъ, и съ пѣною у рта.

Легко можете себя представить испуг сестеръ! Онѣ принесли его домой, положили на лавку и позвали меня. Сѣкнувши, что дѣло нечисто, я взялъ ружье и выстрѣлилъ какъ разъ надъ братомъ, зная, что это единственное средство въ такихъ случаяхъ; но братъ не шелохнулся.

— Ничего! — сказалъ я, снова заряжая ружье. — Помогите только мнѣ отнести его на то мѣсто, гдѣ вы его нашли!

Принесли мы его на холмъ, уложили. Лежитъ онѣ, словно камень какой, мертвецъ — мертвецомъ. Вижу худо! Я снова выстрѣлилъ и на этотъ разъ онѣ, разумѣется, ожилъ, — то есть не сойти мнѣ живымъ съ мѣста, если онѣ не вскочилъ, какъ встрепанный! Но все-таки долго послѣ этого онѣ былъ совсѣмъ какъ шальной, и такъ страшно глядѣлъ на всѣхъ, что жутко подчасъ становилось. Только мало-помалу пришелъ онѣ въ себя и тогда рассказалъ мнѣ все, что съ нимъ было.

— А видалъ ты когда-нибудь домовыхъ? — спросилъ я Матьяса.

— Господи Иисусе, да разумѣется, — отвѣчалъ онѣ съ полнымъ убѣжденіемъ. — Въ Ласкерудѣ, когда я еще жилъ у моихъ родителей, я отлично видѣлъ домового. Разъ даже самой дѣдушка видѣлъ его. Мы дѣти уже спали, а дѣдушка вышелъ на дворъ поглядѣть, заперты ли ворота. Ночь была лунная, свѣтло такъ было, словно днемъ. И видитъ онѣ, сидитъ мальчишка на телегѣ съ сѣномъ, что стояла на дворѣ, глядитъ во всѣ глаза на мѣсяцъ, да ножками болтаетъ. Старикъ принялъ его за меня и крикнулъ:

— Ступай спать, Матьясъ, нечего тебѣ на мѣсяцъ глаза таращить — уже поздно!

Только онѣ крикнулъ, мальчикъ въ ту же минуту исчезъ; а когда старикъ вернулся въ домъ, видитъ, — я лежу и отлично похрапываю.

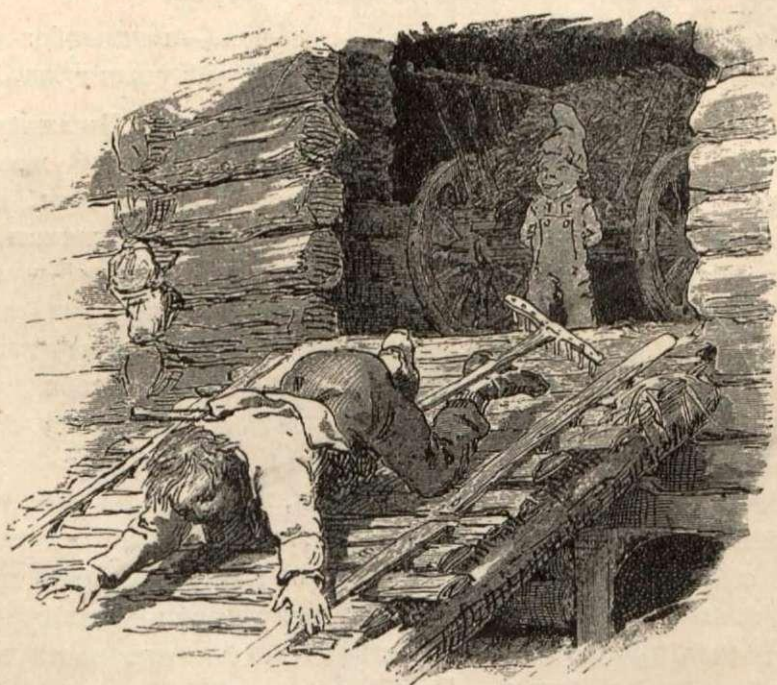
Но я хотѣлъ разсказать, какъ я самъ видѣлъ домового. Дѣло было вотъ какъ: я тогда былъ парень на возрастѣ и вернулся разъ изъ города, куда возилъ доски. Былъ я тогда сильно навеселѣ и сейчасъ же завалился спать. Подъ вечеръ, только-что я проснулся, съ страшной головной болью, сталъ отецъ посылать меня задать «Гнѣдому» кормъ.

«— Довольно тебѣ валяться, — говорить, — принимайся-ка за дѣло. Никого кромѣ тебя нѣтъ въ домѣ, всѣ ушли гулять.»

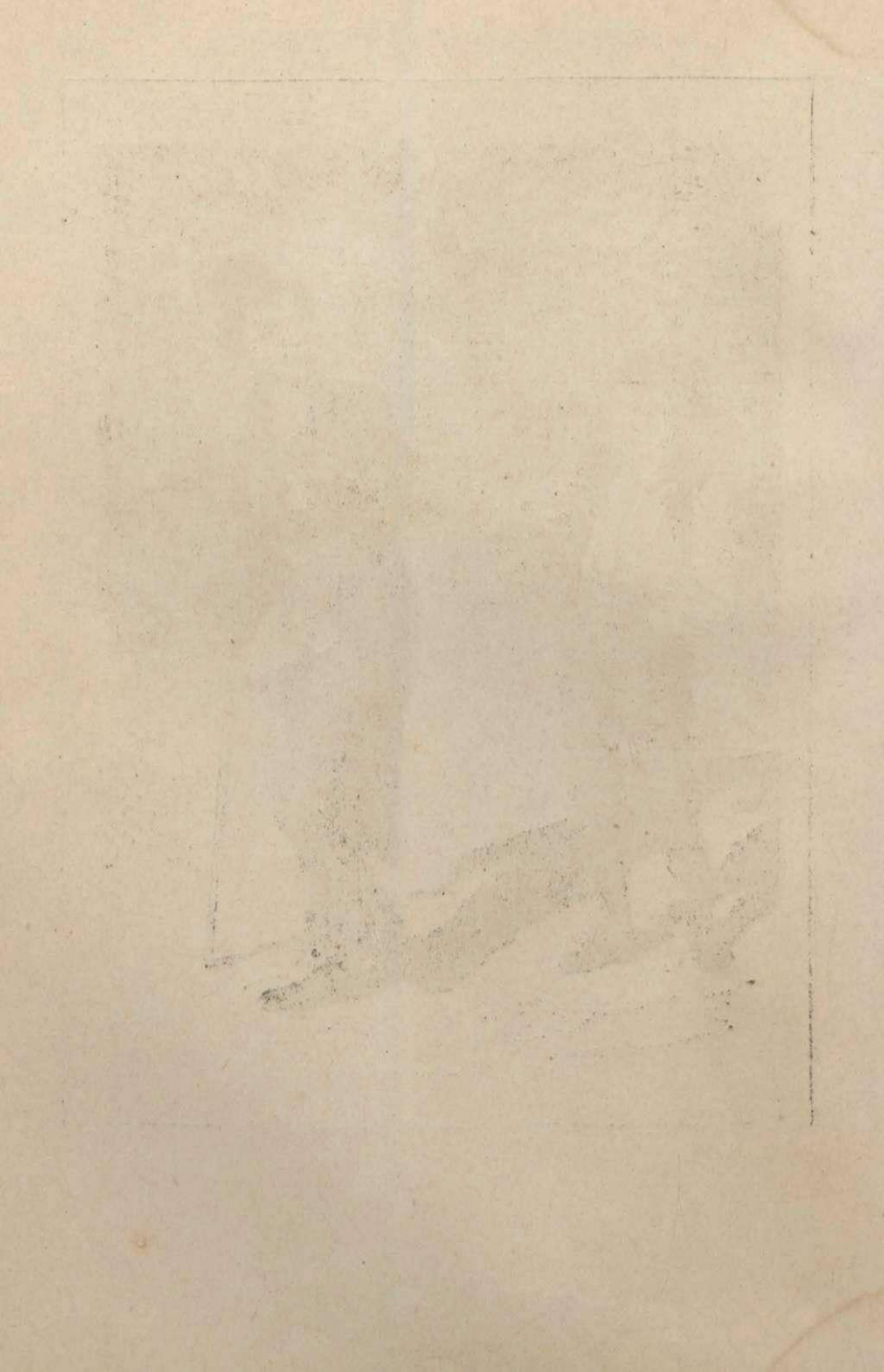
А было это въ воскресенье. Вотъ я и отправился. Заглянулъ сначала въ стойло гнѣдаго, тотъ заржалъ, увидавъ меня; потомъ полѣзъ я на сѣноваль и взялъ охапку сѣна, но вмѣстѣ съ сѣномъ мнѣ попались какія-то два лахматыя уха, точно собачьи; и въ тотъ же мигъ два большіе, горящіе какъ уголья глаза замигали и засверкали какъ разъ передъ моимъ носомъ. Мнѣ и въ голову не пришло, что тутъ что-нибудь неладно, я схватилъ воображаемую собаку и бросилъ ее внизъ съ сѣновала. Она такъ и шлепнулась. Задавши гнѣдку сѣна, взялъ я грабли и пошелъ гнать собаку. Искаль, искаль, обшарилъ всѣ уголки, но ничего не нашель. Странно, не было никакого отверстія, куда бы крыса, а не то, что собака, могла уйти, — а я ничего не нашель. Сталъ я уже спускаться съ сѣновала, но въ эту минуту мнѣ кто-то точно подкосилъ ноги, и я такъ полетѣлъ съ сѣновала, какъ никогда еще не леталъ. Подымаюсь на ноги, а на верху лѣстницы стоитъ домовою, да такъ хохочеть, что только красная шапка на немъ трясется.

Матьясъ продолжалъ неутомимо свои рассказы о лѣшихъ, кикиморахъ, русалкахъ и домовыхъ, пока мы не дошли до Кулрудсъ-аса. Тутъ начинается равнина до Оберь-Ромерика; — она была ярко освѣщена луной, на сѣверѣ синѣли отдѣльныя снѣжныя вершины Мистскихъ горъ, а прямо передо мною виднѣлись церкви Тени и Гвердрума, тутъ дорога была

уже мнѣ извѣстна. Я дружески простился съ Матьясомъ и скоро добрался до дому, очень довольный, что ни русалки, ни домовые не повстрѣчались мнѣ по дорогѣ и не съиграли со мною какой-нибудь штуки.

МАЛЬЧИКЪ И ЧОРТЪ

ШЕЛЪ мальчикъ путемъ дорогою да грызъ орѣхи. И попадись ему одинъ орѣхъ червивый, а тутъ какъ разъ въ эту минуту повстрѣчался съ нимъ чортъ.

— А что, правду-ли говорить люди, — спросилъ мальчикъ: — что черти могутъ сдѣлаться самыми крохотными, даже могутъ пролѣзть въ игольное ушко?

— Да, правда, — отвѣчалъ чортъ.

— Ахъ, пожалуйста, покажи мнѣ это хоть разокъ, — сталъ просить мальчикъ: — влѣзь вотъ въ этотъ орѣхъ!

Чортъ исполнилъ его просьбу; но какъ только влѣзь онъ въ дырочку, проточенную въ орѣхѣ червякомъ, — мальчикъ забилъ дырку комкомъ ваты и положилъ орѣхъ въ карманъ.

— Вотъ и попался! — сказалъ онъ; и пошелъ прямо къ кузнецу. Пришелъ и сталъ просить его расколоть ему орѣхъ.

— Ну, это мы живо сдѣлаемъ — сказалъ кузнецъ; положилъ орѣхъ на наковальню, взялъ свой самый маленькій молотокъ и ударилъ по немъ, — орѣхъ не раскололся. Кузнецъ взялъ молотокъ потяжелѣе, трахъ — имъ по орѣху, а орѣхъ все еще цѣлъ; взялъ онъ молотокъ еще тяжелѣе, — и тотъ не беретъ. Кузнецъ разсердился.

— Ну, постой-же, ужъ я съ тобой слажу! — проворчалъ

онъ; схватилъ свой самый большой молотъ, да какъ хватить изо всѣхъ силъ, — орѣхъ разлетѣлся, а вмѣстѣ съ нимъ разлетѣлась половина крыши кузницы, и такъ затрещало, точно вся кузница развалилась.

— Въ этомъ орѣхѣ должно быть самъ чортъ сидѣлъ! — крикнулъ кузнецъ.

— Такъ оно и было, — отвѣчалъ мальчикъ.

СКАЗКА ПРО ХОЗЯИНА, ВЗЯВШАГОСЯ ЗА БАБЬЕ ДѢЛО

ЖИЛИ хозяинъ съ хозяйкой, да только хозяинъ былъ такой сердитый и ворчливый, что жена никакъ не могла на него угодить. Разъ вечеромъ, вернувшись домой съ

сѣнокоса, онъ до того сердился, бранился и ссорился съ женой, что та, наконецъ, потеряла терпѣнье и сказала:

— Что попусту сердиться, голубчикъ; лучше помѣняемся завтра работой: я пойду сѣно косить, а ты дома хозяйничай.

Хозяину это очень понравилось. На другое утро жена взяла косу и пошла съ косарями въ поле сѣно косить, а мужъ принялся за хозяйство. Сперва сталъ онъ бить масло, да захотѣлось ему пить; онъ отправился въ погребъ, вынулъ изъ бочки втулку и только что сталъ цѣдить пиво, какъ услышалъ, что въ комнату забралась свинья. «Ну какъ она масло съѣстъ?» — Онъ бросился вонъ изъ погреба со втулкой въ рукахъ и побѣжалъ гнать свинью. Она точно оказалась тамъ и маслобойню успѣла ужъ опрокинуть. Разсердился тутъ старый, пнулъ свинью ногою въ рыло и убилъ ее наповаль. Тутъ только вспомнилъ онъ про втулку, побѣжалъ назадъ въ погребъ, но пиво уже все вытекло. Въ погребѣ, онъ нашелъ еще нѣсколько крынокъ со сметаной, наполнилъ ею маслобойню и сталъ опять сбивать масло...

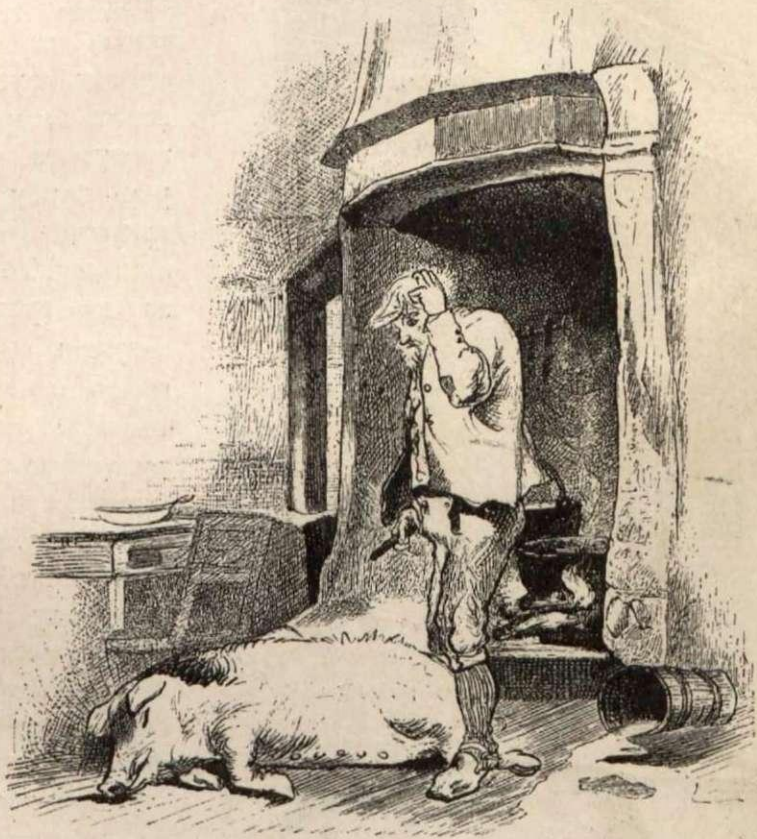
Уже солнце стояло высоко, когда онъ вспомнилъ, что бѣдная корова, до сихъ поръ ничего не ѣла и не пила.

— Въ поле ее выпускать уже поздно, — рѣшилъ онъ — и придумалъ — пустить ее пастись на домъ, на дерновой крышѣ котораго росла отличная трава *). Около дома былъ крутой холмъ; перебросивъ съ него на крышу доску, онъ легко ввелъ корову на крышу.

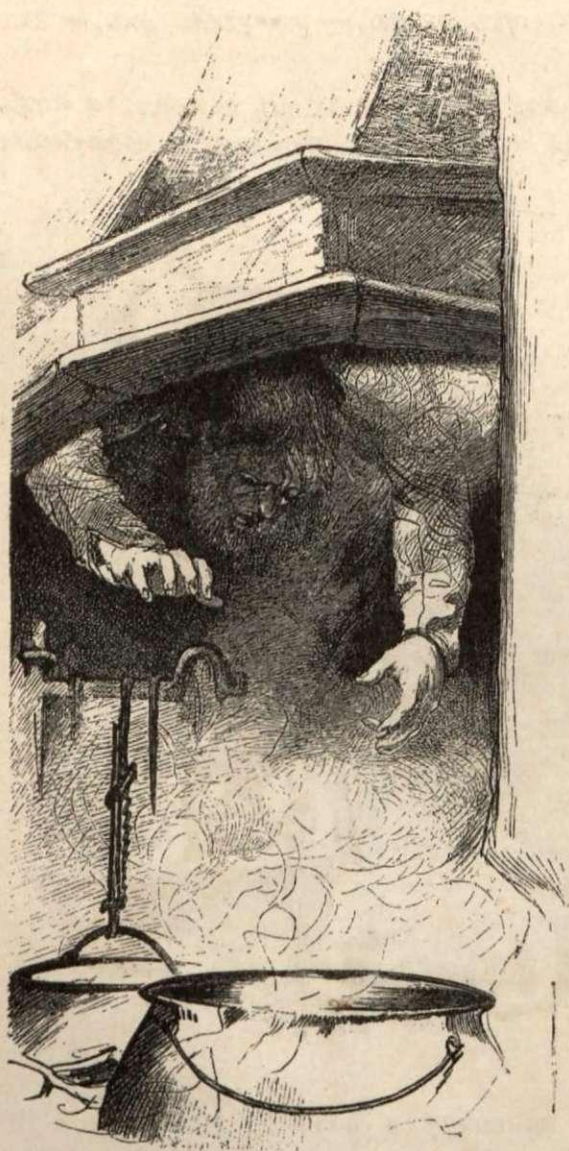
*) Въ Сѣверной Норвегіи крыши часто дѣлаются пологими и кроются дерномъ, который прекрасно разрастается и представляетъ цѣлущій коверъ; эти зеленныя крыши чрезвычайно оживляютъ видъ норвежскихъ деревень. Ботаники, посѣщающіе Норвегію, находятъ много интересныхъ растений на крышахъ деревенскихъ домовъ. Прим. перев.

— Поѣсть она тутъ вволю, — разсудилъ онъ, — надо только напоить.

Хозяинъ рѣшился достать воды изъ колодца, а чтобы ребенокъ, ползавшій въ горницѣ не опрокинулъ маслобойни,

привязать ее себѣ на спину и пошелъ; но лишь только наклонился онъ за водой, какъ его окатило съ ногъ до головы сметаной. Нечего дѣлать, — пришлось на этотъ день остаться безъ масла.

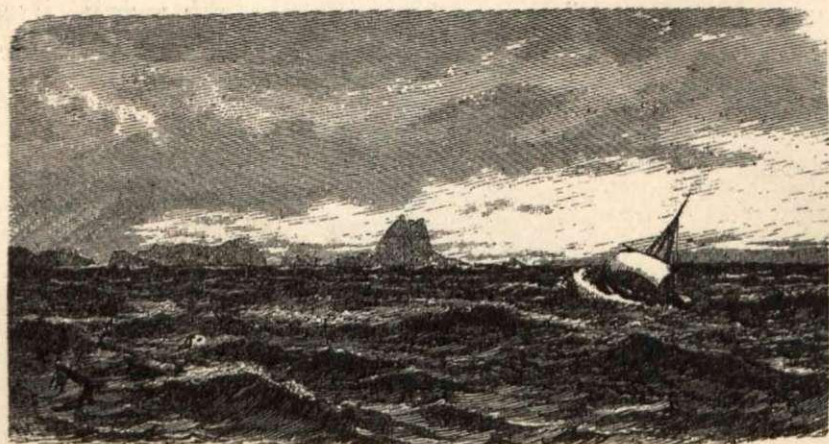

Началъ онъ варить кашу; а чтобы корова не свалилась съ крыши безъ призора, привязать ее на веревку, другой конецъ которой пропустилъ черезъ трубу и привязалъ себѣ къ поясу. Только на грѣхъ, оступись корова съ крыши! Вережка потянула его вверхъ и втянула въ самую трубу. Корова болтается между небомъ и землею, а онъ—въ трубѣ. Долго-бы такъ пришлось имъ помучиться, не вернись во время хозяйка съ сѣнокоса.

Увидала она бѣдную корову, висѣвшую въ воздухѣ перерѣзала веревку косою и освободила ее, да не знала,

что ея мужъ на той же самой веревкѣ въ трубѣ виситъ. Входитъ она въ домъ, — а тамъ новая бѣда; хозяинъ свалился прямо въ очагъ и головой попалъ въ котель съ кашей.

ВѢСЬ ВѢРОНЫ УДРѢСТА

ВѢ Норвегіи существуетъ повѣрье о волшебныхъ островахъ, покрытыхъ тучными пастбищами, и богатыми жатвами. Они изобилуютъ дичью и птицами; людей тамъ нѣтъ, а живутъ одни духи. Эти острова невидимы для всѣхъ, кромѣ благочестивыхъ людей и тѣхъ, кто рожденъ въ воскресенье, но и то тогда только они ихъ видятъ, когда эти люди находятся въ смертной опасности. Волшебные острова эти появляются изъ волнъ морскихъ, гдѣ прежде никогда никто не видывалъ земли, и счастливъ тотъ, кто достигнетъ ихъ— «Онъ спасенъ».

Жители сѣвера особенно вѣрятъ въ существованіе трехъ острововъ: Зандефлеса у Гельгоlanda,—какого-то острова, появляющагося изрѣдка въ Вестфіордѣ, (но этотъ всплываетъ лишь настолько, что видны полные колосья ржи на его нивахъ), и Удрѣста, противъ Реста, на южномъ мысѣ Лофоденскихъ острововъ.

Рыбаки и мореходы порою встрѣчаются съ яхтами волшебныхъ обитателей Удреста. Яхты эти часто плывутъ къ нимъ навстрѣчу на всѣхъ парусахъ; но вдругъ мгновенно исчезаютъ, въ ту минуту, когда они чуть не столкнутся съ ними.

На Феро, какъ разъ около Реста, жилъ бѣдный рыбакъ Исаакъ,—дѣтей у него была полная хижина, а всего имущества—ботъ да коза; послѣдняя кое-какъ жила, питаясь рыбьими остатками и травою, которую жена Исаака съ большимъ трудомъ собирала по окрестнымъ скаламъ.

Но Исаакъ былъ всегда доволенъ и, помня заповѣди Господни, не ропталъ на судьбу. Одно только его огорчало—богатый сосѣдъ не давалъ ему покоя, стараясь выжить бѣдняка Исаака съ Феро и самому завладѣть гаванью, близъ которой стояла его хижина.

Однажды отправился Исаакъ на рыбную ловлю и отошелъ отъ берега на нѣсколько миль; вдругъ сгустился туманъ и поднялась такая буря, что Исаакъ долженъ былъ выбросить за бортъ всю свою добычу, чтобы облегчить ботъ и тѣмъ спастись. Но, не смотря на это, не смотря на всю опытность и искусство Исаака, волны угрожали каждую минуту потопить его. Шесть часовъ носился онъ такимъ образомъ, въ надеждѣ добраться до берега, но время шло, туманъ сгущался, штормъ крѣпчалъ, а все не видать было признаковъ земли. Понялъ бѣднякъ, что онъ ошибся направлениемъ и мчался въ открытое море... Вдругъ послышался ему отвратительный крикъ.

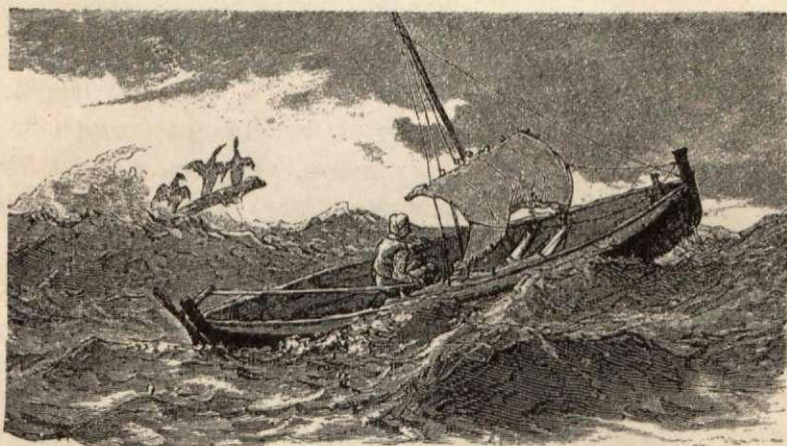
«Это морской духъ поетъ мнѣ погребальную пѣсню, — подумалъ онъ,—видно, пришелъ мой послѣдній часъ.»

Исаакъ сталъ горячо молиться Богу за жену и дѣтей. Въ то время, какъ онъ такъ молился, мелькнуло что-то

черное; — приблизившись, онъ увидѣлъ трехъ вѣроновъ, сидѣвшихъ на сломанной мачтѣ и неистово кричавшихъ; но его боть промчался мимо. Вотъ плыветъ онъ все дальше и дальше въ безграничное море. Голодь и жажда стали томить бѣднягу, силы истощились и онъ заснулъ въ изнеможеніи у руля.

Вдругъ почудилось ему, точно его боть царапнуть килемъ по отмели и толкнулся въ берегъ.

Исаакъ протеръ глаза. Солнце выглянуло изъ-за тучъ и лучи его освѣтили чудную страну. Передъ нимъ красова-

лись холмы и горы, покрытые зеленью до вершины, — растительность поля и нивы, и на него пахнуло сладкимъ ароматомъ травъ и цвѣтовъ. Запахъ этотъ былъ такой чудный — какого онъ никогда еще не вдыхалъ.

«Слава Богу, я спасенъ — это Удрестъ,» — подумалъ Исаакъ.

Прямо передъ нимъ желтѣла нива съ такими большими и полными колосьями, какихъ онъ никогда еще не видывалъ. Черезъ ниву вилась тропинка къ избушкѣ; на дерновой крышѣ ея паслась великолѣпная бѣлая коза съ золотыми

рогами, а передъ дверью хижины сидѣлъ на обрубкѣ дерева человѣчекъ въ голубомъ кафтанѣ, съ бородою во всю грудь, и покуривалъ трубочку.

— Добро пожаловать на Удрестъ, Исаакъ, — сказали старики.

— Богъ въ помощь, дѣдушка, — сказалъ Исаакъ; — развѣ ты меня знаешь?

— Да, видно что такъ, — возразилъ старикъ; — хочешь сегодня переночевать у насъ?

Исаакъ охотно согласился.

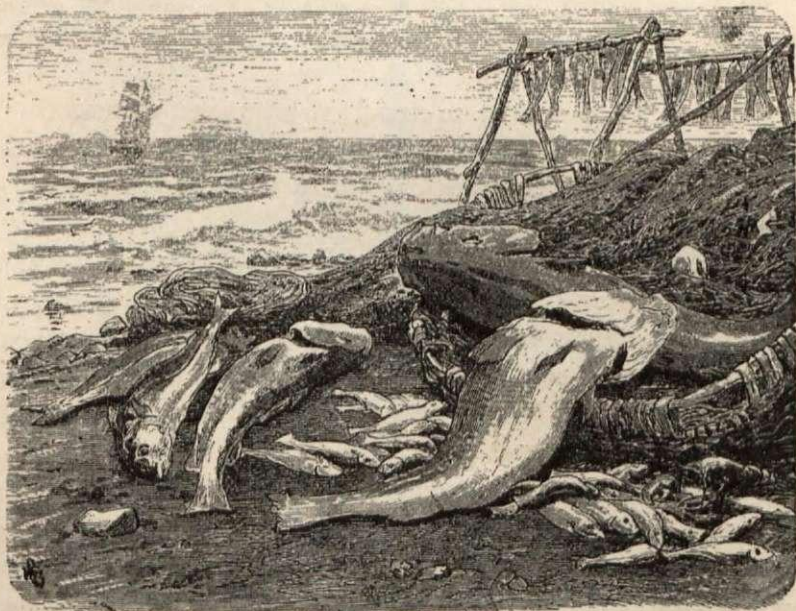
— Какъ только намъ быть съ моими сыновьями? — продолжалъ старикъ, — не любятъ они запаха христіанской крови. — Не встрѣчаль-ли ты ихъ?

— Нѣтъ, я только и видѣлъ, что трехъ вороновъ.

— Да это они и были, — сказалъ старикъ, выколачивая свою трубочку и примолвилъ: — ну, да все равно, пойдемъ, — ты должно быть сильно голоденъ?

— Спасибо за приглашеніе, дѣдушка, — сказалъ Исаакъ и вошелъ въ домъ; но, переступивъ порогъ, былъ просто пораженъ великолѣпіемъ, которое ему и во снѣ никогда не снилось. Столъ былъ уставленъ чудеснѣйшими кушаньями: творогъ и жареные морскіе окуни, дикая коза, клецки изъ рыбы съ подливкой и сыромъ, кучи кренделей, водка, пиво, медъ — да чего тамъ только не было! Исаакъ ѣлъ, какъ никогда не ѣдалъ, и пилъ сколько могъ, а все тарелка и стаканъ оставались полны. Старикъ хозяинъ ѣлъ мало, говорить и того меньше. Вдругъ послышался шумъ и крикъ. Онъ вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ вернулся со своими тремя сыновьями. Исаакъ испуганно вскочилъ при ихъ входѣ, но тѣ усадили его, стали съ нимъ пить и ѣсть и скоро такъ подпили, что совсѣмъ съ нимъ подружились и даже пригласили его съ собою на другой день на рыбную ловлю, чтобы ему было съ чѣмъ домой вернуться.

Вышли они въ море въ сильнѣйшую бурю. Одинъ изъ сыновей старика сидѣлъ у руля, другой на носу, третій у паруса, Исаакъ у черпака и пришлось ему таки поработать до поту. Они неслись, какъ бѣшеные, парусъ ихъ не зналъ рифовъ, боть смѣло рѣзалъ волны, вода шла черезъ него и съ кормы лился настоящій водопадъ. Наконецъ, штормъ утихъ и они принялись за свой промыселъ. Рыбы было такое множество, что сыновья Удреста поминутно вытаскивали добычу; Исаакъ тоже чувствовалъ безпрестанно, какъ его леску тянула рыба; но лишь только дотянетъ онъ ее до по-

верхности воды, какъ она сорвется; и такъ ему отъ этой ловли ничего не попало; а сыновья Удреста наловили полную лодку. Возвратившись домой, они вычистили рыбу и повѣсили сушиться и вялиться, а бѣдняга Исаакъ вернулся съ пустыми руками и нечего ему было сушить. Сталъ онъ жаловаться старику-хозяину на свое горе, — тотъ далъ ему вол-

шебную удочку и въ слѣдующій разъ Исаакъ ловилъ также удачно, какъ и стариковы сыновья и, вернувшись, получилъ на свою долю полныя три корзины рыбы.

Но онъ скоро затосковалъ по семьѣ и, отъ души поблагодаривъ хозяевъ, собрался домой. Старикъ далъ ему на прощанье новый восьмивесельный боть, полный муки, сукна и другихъ полезныхъ вещей, и пригласилъ его весною ѣхать вмѣстѣ съ нимъ продавать рыбу въ городъ.

Исаакъ съ радостью согласился, но спросилъ какого на- правленія ему держаться, что-бы добраться до Удреста.

— Держись за вѣрономъ, когда онъ летитъ въ море— сказалъ старикъ.—Счастливо до дому добраться!—добавилъ онъ на прощанье.

Исаакъ отчалилъ отъ берега и тотчасъ Удрестъ скрылся въ туманѣ, а кругомъ засверкало безбрежное море.

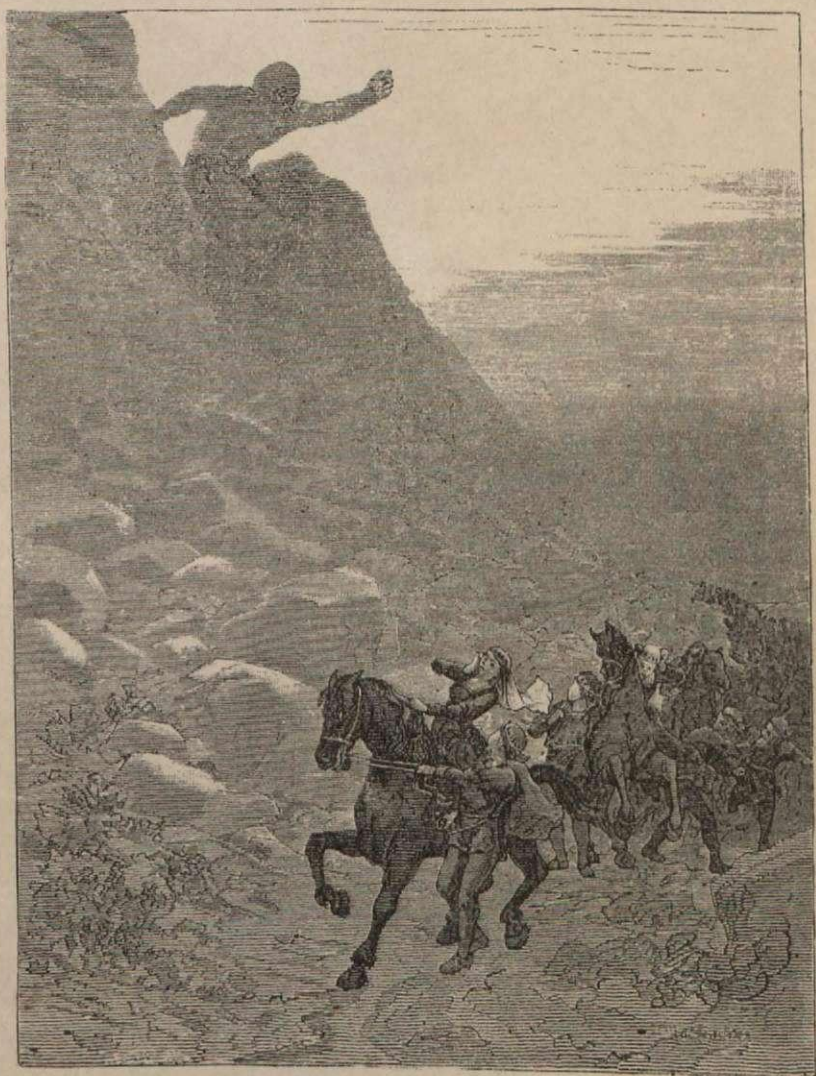
Когда Исаакъ снова явился на Удрестъ для весенней поѣздки, то былъ пораженъ громадными размѣрами корабля жителей Удреста: рулевой не могъ слышать лоцмана безъ помощи матроса, стоявшаго на серединѣ корабля и передававшего распоряженія, да и то оба они должны были кричать что есть мочи. Стали они грузить на корабль рыбу, оставленную Исаакомъ сушиться на Удрестѣ, но сколько ни снимали, все станки были увѣшаны рыбой. Въ Бергенѣ Исаакъ продалъ свою рыбу и на вырученные деньги купилъ новую яхту съ полною оснасткой и грузомъ, какъ ему посоветовалъ старикъ съ Удреста. Вечеромъ передъ разставаньемъ старикъ явился на бортъ яхты Исаака, обѣщалъ ему счастья во всемъ, только просилъ быть милостивымъ къ ближнимъ и не забывать, что *нѣкто* невидимо обитаетъ на его яхтѣ. Исаакъ понималъ и поэтому каждое Рождество яхта его сіяла огнями—это Исаакъ давалъ праздникъ въ честь невидимаго друга.

ВЕЛИКАНЪ БЕЗЪ СЕРДЦА

БОГАТЪ былъ король и славенъ, — но всего больше гордился онъ своими семью молодцами-сыновьями.

Когда они выросли, пришла пора женить ихъ. Король снарядилъ на славу шестерыхъ сыновей; далъ каждому изъ нихъ свиту, чудесное вооруженіе, коня, стоявшаго многія сотни талеровъ, и отпустилъ ихъ искать невѣсть. При этомъ онъ наказалъ имъ не забыть привезти принцесу-невѣсту и меньшому ихъ брату Ивану-королевичу, оставшемуся со старикомъ-отцемъ дома. Много королевствъ объѣздили королевичи, на многихъ принцессъ насмотрѣлись, но никто изъ

нихъ имъ не понравился. Наконецъ, пріѣхали они къ королю, у котораго было шесть дочерей-красавицъ. Королевичи посватались за нихъ, сыгнали шесть свадебъ и отправились домой къ отцу со своими женами-красавицами, а про невѣсту для Ивана-королевича, на радостяхъ, совсѣмъ забыли.

Проѣхали они уже болѣе полъ-пути, какъ пришлось имъ ѣхать около утесовъ, на которыхъ стоялъ замокъ одного великана, у котораго не было въ груди сердца. Злой великанъ, лишь только увидѣлъ ихъ, тотчасъ обратить всѣхъ въ камни—съ ихъ женами и со всею свитой.

Поджидаетъ король-отецъ своихъ сыновей, а о ихъ нѣтъ ни слуху, ни духу.

Наконецъ, старикъ потерять всякую надежду увидеть своихъ сыновей-младцовъ и сильно затосковалъ.

— Если-бы ты не оставался со мною, Иванъ-королевичъ, — сказалъ онъ однажды: — я умеръ-бы съ горя.

— Не печалься, батюшка, — отвѣчалъ ему Иванъ-королевичъ, — лучше отпусти ты и меня, авось — я найду моихъ братьевъ.

Какъ ни уговаривалъ его отецъ, какъ ни ублажалъ сына, а пришлось-таки отпустить его. Не могъ ужъ король снарядить Ивана-королевича такъ богато, какъ снарядилъ въ путь его братьевъ. Не могъ онъ дать ему ни коня, ни свиты, — все было забрано братьями. — Далъ онъ ему только старую клячу; но и тѣмъ остался доволенъ Иванъ-королевичъ, сѣлъ на нее и весело сказалъ:

— Прощай, батюшка! Богъ дастъ я самъ скоро вернусь и братьевъ привезу.

Полный надеждъ отправился онъ въ путь.

Долго-ли, коротко-ли ѣхалъ онъ, наконецъ, попался ему на пути воронъ: лежалъ онъ на дорогѣ и умиралъ съ голоду.

— Ахъ, другъ! — сказалъ воронъ королевичу: — дай мнѣ поѣсть, а я выручу тебя изъ бѣды!

— У меня немного взято съ собой съѣстнаго на дорогу, — сказалъ королевичъ, — да и видъ у тебя такой, что едва-ли ты можешь помочь мнѣ въ бѣдѣ, но я все таки накормлю тебя!

И накормилъ онъ голоднаго ворона до-сыта.

Черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ королевичъ къ большой рѣкѣ. На берегу лежитъ лососка и такъ вотъ и мечется, такъ вотъ и старается добраться до воды.

— Помогь мнѣ, другъ! — сказала она королевичу: — и я выручу тебя изъ бѣды.

— Поможешь, не можешь, а я все таки тебя выручу, — отвѣчалъ Иванъ-королевичъ: — грѣшно было-бы не спасти тварь живую, коли можно.

И пустилъ онъ рыбу въ воду.

Спустя немало послѣ того времени, повстрѣчался ему волкъ, — корчится сърыи отъ голода и давай его просить:

— Милый другъ, дай мнѣ твою клячу, я умираю съ голоду! Уже два года у меня куска во рту не было.

— Нѣтъ, этому не бывать! — воскликнулъ королевичъ, — я отдалъ свои запасы ворону, охотно спустилъ лососку въ воду, а теперь ты просишь моего коня. Что-же я стану дѣлать безъ него? Не пѣшкомъ-же мнѣ идти?

— Помогь мнѣ, — просилъ волкъ: — съѣмъ твою клячу, самъ а садись на меня. Буду тебѣ вѣрно служить и вынесу изъ великой бѣды.

— Ну тебя, — сказалъ королевичъ, — какого добра ждать отъ волка, да ужъ очень ты мнѣ жалокъ. На, ѣшь коня!

И отдалъ онъ ему свою клячу. Тотъ съѣлъ ее и говорить:

— Ну теперь сѣдай меня, повезу куда слѣдуетъ. Съѣвъ клячу, волкъ сдѣлался такой сильный, что когда королевичъ осѣдлалъ его и сѣлъ, — волкъ полетѣлъ быстрѣе вѣтра.

— Мы скоро подъѣдемъ къ замку великана, — сказалъ волкъ, — въ немъ ты найдешь всѣхъ твоихъ братьевъ съ ихъ женами и свитой, — злой великанъ превратилъ ихъ въ камни.

— Онъ, пожалуй, и меня убьетъ, — сказалъ Иванъ-королевичъ. Какъ бы мнѣ и самому въ бѣду не попастьъ, да и братьевъ спасти?

— Ты тамъ найдешь принцессу, — сказалъ волкъ, — она поможетъ тебѣ справиться съ великаномъ. Только слушайся ее.

Скоро они подъѣхали къ волшебнымъ воротамъ замка и Иванъ-королевичъ храбро вошелъ въ нихъ. Великана не было дома, но въ одной изъ комнатъ сидѣла дѣвушка, такая красавица, какой Иванъ-королевичъ отъ роду еще не видывалъ.

— Помилуй насъ, Господи, — вскричала она, увидя королевича, — какъ ты сюда пробрался? Развѣ ты не знаешь, что здѣсь живетъ великанъ безъ сердца, страшный чародѣй? Его никто не сможетъ убить, потому что онъ спряталъ гдѣ-то свое сердце, а гдѣ, — никто не знаетъ.

— Помоги мнѣ, красавица, и я отыщу его сердце и освобожу и тебя, и братьевъ моихъ съ ихъ женами и свитой.

— Ужъ такъ и быть, — помогу тебѣ, но только теперь спрячься подъ кровать, и, что бы ты ни услышалъ, лежи тамъ, какъ убитый.

Только что успѣлъ королевичъ спрятаться подъ кровать, какъ явился великанъ.

— Фу-фу-фу! какъ тутъ христіанской кровью пахнетъ! — крикнулъ онъ, лишь только вошелъ.

— Сейчасъ пролетала сорока съ человѣческой костью и уронила ее въ трубу этой комнаты, — сказала красавица, — кость я выбросила, а запахъ все еще слышится.

Великанъ успокоился, а принцесса стала къ нему ласкаться и говорить:

— Скажи мнѣ, милый, гдѣ твое сердце?

— Не слѣдуетъ тебѣ этого знать, но такъ и быть, скажу тебѣ,—оно лежитъ около двери, подъ порогомъ.

«Ага,—подумалъ Иванъ-королевичъ,—попался, голубчикъ!...»

На другой день рано утромъ, великанъ отправился въ лѣсъ, а Иванъ-королевичъ съ принцессой сейчасъ-же принялись искать подъ порогомъ, но, какъ ни старались, ничего не нашли.

— Хитеръ больно,—сказала принцесса,—ловко проведъ насъ, да не унывай: семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ.

Она набрала цвѣтовъ и травъ и усыпала ими порогъ, для встрѣчи великана; какъ только пришло время ему возвращаться,—она опять велѣла Ивану-королевичу спрятаться подъ кровать.

— Фу-фу-фу! какъ тутъ пахнетъ хрiстіанской кровью, — сказалъ опять великанъ, входя.

— Я только что выбросила человѣческую кость, которую занесла сюда сорока, — сказала принцесса.

Великанъ успокоился, но замѣтилъ цвѣты и спросилъ:

— Кто это ихъ тутъ разсыпалъ?

— Это я,—отвѣчала принцесса:—я тебя такъ люблю, что мнѣ пріятно украшать мѣсто, гдѣ находится твое сердце.

— Вотъ глупости-то! Кому же мое сердце не тутъ, а въ шкафу.

На другое утро, только что великанъ ушелъ въ лѣсъ, принцесса и королевичъ обыскали весь шкафъ, но напрасно.

— Опять онъ насъ обманулъ, да погоди, будетъ и на нашей улицѣ праздникъ,—сказала принцесса и убрала шкафъ гирляндами цвѣтовъ и травъ.

Вернулся домой великанъ и опять спрашиваетъ:

— Кто это убралъ шкафъ?

— Это я, — отвѣчаетъ принцесса.

— Что ты выдумала заниматься такими глупостями? — спросилъ великанъ.

— Изъ любви къ тебѣ, я рада украшать то мѣсто, гдѣ лежитъ твое сердце.

— Экая ты дурочка, неужели ты вѣришь, что оно тамъ?— его тамъ никогда и не бывало.

— Скажи-же мнѣ, милый, скажи, мой дорогой,—ласкалась принцесса къ великану: — гдѣ твое сердце?

— Гдѣ оно, туда никогда тебѣ не добраться,—сказалъ великанъ.

— Хотя бы только узнать, гдѣ оно?—вдохнула принцесса.

Не выдержалъ великанъ и открылъ ей всю правду.

— Далеко, далеко, — сказалъ онъ, — лежитъ въ морѣ островъ, на островѣ церковь, въ церкви колодецъ, въ колодцѣ плаваетъ утка, въ той уткѣ яйцо, а въ яйцѣ мое сердце!

На другой день до разсвѣта великанъ ушелъ въ лѣсъ, а Иванъ-королевичъ простился съ принцессой, вышелъ изъ замка, увидаль поджидавшаго его волка и рассказалъ ему все, что узналъ отъ красавицы.

— Садись скорѣе на меня, я знаю туда дорогу, — сказалъ волкъ. Королевичъ сѣлъ на него и они помчались быстро вѣтра.

Пробывъ въ пути много-много дней, добрались они до моря и увидѣли островъ. Призадумался королевичъ, — какъ ему туда добраться? Но волкъ смѣло бросился въ воду и до-

плыть до острова. Церковь оказалась запертой и ключъ висѣлъ высоко. Вдругъ прилетѣлъ воронъ и досталъ ключъ. Иванъ-королевичъ вошелъ въ церковь, подошелъ къ колодцу и уже схватилъ плававшую тамъ утку, но та уронила яйцо на дно колодца. Что тутъ было дѣлать?

— Позови лососку, — посовѣтовалъ волкъ. Королевичъ послушался его, кликнулъ лососку, та мигомъ явилась и достала яйцо.

— Подави теперь яйцо, — сказалъ волкъ. Иванъ-королевичъ надавилъ яйцо; и въ то-же мгновеніе послышался громкій крикъ злаго великана.

Королевичъ надавилъ еще и тогда великанъ сталъ жалобно просить пощады.

— Скажи, — освободи моихъ братьевъ и сестеръ отъ колдовства, преврати ихъ въ людей, — шепнулъ королевичу волкъ. Великанъ сей-часъ же согласился на условія королевича и оживилъ королевичей, ихъ женъ и всю свиту.

— Такъ, — сказалъ волкъ: — теперь раздави яйцо! Иванъ-королевичъ раздавилъ яйцо и великанъ тотчасъ-же лопнулъ.

Покончивъ съ великаномъ, Иванъ-королевичъ вернулся на волкъ въ волшебный замокъ, освободилъ своихъ братьевъ, женъ ихъ и всю свиту, взялъ себѣ въ невѣсты красавицу-принцессу, что была въ плѣну у великана, и они всѣ вмѣстѣ отправились назадъ къ королю. Когда король увидалъ своихъ сыновей, ихъ женъ и красавицу-принцессу — то сказалъ:

— Лучше всѣхъ невѣста Ивана-королевича, пусть-же садится онъ съ нею на первое мѣсто.

И стали они пировать. Пировали — пировали, да такъ долго, что если это имъ не надѣло, то навѣрное пируютъ еще и до сихъ поръ.

ПРЯНИКЪ

ЖИЛА—была одна отличная стряпуха. Взяла она пригоршню муки, молока отъ лучшей коровы, самаго свѣжаго масла, душистаго меду и сдѣлала пряникъ.

Вышелъ онъ на славу, и когда она посадила его на сковородѣ въ печь, пошелъ такой духъ, что всѣ ея семеро дѣтей прибѣжали, и ну—просить.

— Матушка, дай пряничка,—говорить одинъ.

— Матушка, голубушка, дай пряничка, — пристаешь другой.

— Матушка, голубушка, родненькая, дай пряничка,—просить третій.

— Матушка, голубушка, родненькая, ненаглядная, дай пряничка,—пищитъ четвертый.

— Матушка, голубушка, родненькая, ненаглядная, дорогая, дай пряничка,—вопить пятый.

— Матушка, голубушка, родненькая, ненаглядная, дорогая, расхорошая, дай пряничка,—ноетъ шестой.

— Матушка, голубушка, родненькая, ненаглядная, дорогая, расхорошая, распрекрасная, дай пряничка,—причитаетъ седьмой.

— Подождите, дѣтки, — говоритъ мать, — вотъ, будетъ пряникъ готовъ, раздѣлю и дѣда не забуду.

А дѣдъ сидитъ въ уголку и слушаетъ; да не одинъ онъ слушаетъ,—и самъ пряникъ слышитъ, какъ его подѣлится да съѣсть собираются.

«Нѣтъ, — думаетъ, — дудки, уйду, какъ пить дать — уйду!»

Поднялся онъ, чтобъ бѣжать, да не тутъ-то было и не сдвинуться, — много въ немъ всякаго добра насажено, онъ больно сталъ тяжелъ; а тутъ стряпуха какъ сковородой тряхнетъ, онъ шлепъ опять на сковороду, только и успѣлъ что на другой бокъ перевалиться.

— Вишь какъ подрумянивается, — показываетъ стряпуха дѣткамъ, — знатный пряникъ будетъ, вотъ погодите — попробуете, пальчики оближете.

Только-что сказала она это и высунула изъ печки сковороду, чтобъ поглядѣть, не готовъ-ли пряникъ, какъ тотъ въ это самое время почувствовалъ себя легче, — видно, изъ него воды много паромъ вышло, — и скокъ со сковороды на полъ, да и покатился прямо къ дверямъ.

День былъ жаркій, дверь стояла незапертой; онъ прямо въ сѣни, изъ сѣней на крылечко, съ крылечка на земь и покатился себѣ по дорожкѣ.

Вася шустрый хотѣлъ было поймать его. Куда тамъ! Такъ вотъ и катится, и катится.

Вся семья выскочила и бѣжить, всякій старается пряникъ поймать, даже дѣдъ — и тотъ не отстаётъ. Но какъ они всѣ ни кричали, какъ они пряника ни звали, тотъ отъ нихъ ушелъ и слѣдъ его простылъ.

Поахали, поахали и домой пошли.

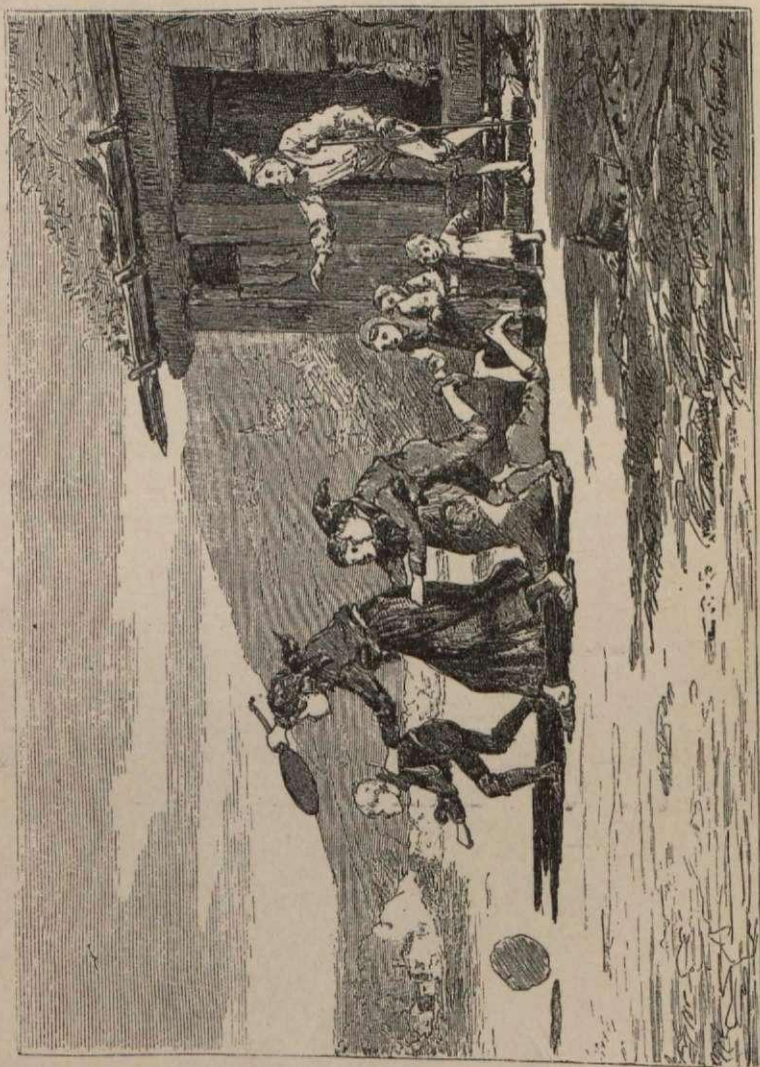
Вотъ пряникъ нашъ катился, катился, и пострѣчался ему сосѣдъ Простофиля.

— Здравствуй, сударь пряникъ!

— Здравствуй, почтениѣйшій.

— Куда ты такъ спѣшишь, погоди, у меня во рту погости.

— Меня стряпуха съ дѣдкой да съ семерыми дѣтьми не догнала, такъ гдѣ-жъ тебѣ, Простофиля, со мной совладать.

Покатился пряникъ дальше, а ему на встрѣчу курица.

— Здравствуй, пряникъ! — говорить она ему.

— Здравствуй, курица-разумница!

— Куда ты такъ спѣшишь, словно птица летишь? — Дай себя поймать и поклевать.

— Ахъ ты, кумушка, куриный твой разумъ! Ужь ежели со мной не справилась стряпуха съ дѣдкой и съ семерыми дѣтьми, и отъ Простофили я убѣжалъ, такъ куда ужъ тебѣ со мной справиться?

Покатился пряникъ далѣе, а ему на встрѣчу идетъ пѣтухъ.

— Здравствуй, пряникъ-молодецъ!

— Здравствуй, пѣтухъ-пѣвецъ!

— Куда такъ спѣшишь, отъ меня бѣжишь? Дай тебя словлю, курицъ угощу.

— Ахъ ты, пѣтухъ-пѣтушина, неразумный дѣтина! Ужь коли я отъ стряпухи ушелъ, семерыхъ ея дѣтей да дѣдку обошелъ, отъ Простофили убѣжалъ, отъ курицы-разумницы ускакалъ, такъ куда тебѣ-то со мною справиться?

Покатился пряникъ дальше, а на встрѣчу ему утка идетъ, съ боку на бокъ переваливается.

— Здравствуй, пряникъ распрекрасный!

— Здравствуй, утка-ширококлювка!

— Куда ты спѣшишь, не дашь на себя поглядѣть, вкуса твоего попробовать?

— Ахъ ты, утка-недоумка! Коль я отъ стряпухи да отъ дѣдки и семерыхъ голодныхъ ребятъ ушелъ, отъ Простофили убѣжалъ, отъ курицы-разумницы ускакалъ, отъ пѣтуха-пѣвуна улизнулъ, — такъ куда тебѣ меня догнать!

Покатился онъ дальше, а на встрѣчу ему гусь.

— Здравствуй, пряникъ-франтъ!

— Здравствуй, гусь лапчатый!

— Что такъ спѣшишь, не даешь себя разглядѣть, вкусъ уразумѣть? Постой, погоди! вотъ я тебя догоню и пощиплю.

— Ахъ ты гусь лапчатый! Ужь коли стряпуху, семерыхъ ея ребяť да дѣдку обонелъ, отъ Простофили убѣжалъ, отъ курицы-разумницы усакалъ, отъ пѣтуха-молодчины улепетнулъ, отъ утки-ширококлювки отбоярился, такъ куда ужъ тебѣ, гусю лапчатому, со мною справиться!

Покатился пряникъ, а на встрѣчу ему идетъ гусыня.

— Здравствуй, пряникъ пшеничный!

— Здравствуй, гусыня-гоготунья!

— Куда ты спѣшишь, на мѣстѣ не постоишь? Дай себя поймать, гусеняткамъ подѣлить.

— Ахъ ты, гусыня, пустая ты гоготунья! Ужь коли я отъ стряпухи, семерыхъ ея ребяť да отъ дѣдки сбѣжалъ, отъ Простофили убѣжалъ, отъ курицы-разумницы усакалъ, отъ пѣтуха-молодчины улепетнулъ, отъ утки-ширококлювки отбоярился, отъ гуся лапчатого откатился, такъ куда ужъ тебѣ, гусынѣ-гоготунѣ, со мной справиться.

Покатился нашъ пряникъ, а на встрѣчу ему свинья.

— Здравствуй, пряникъ, медовый красавчикъ!

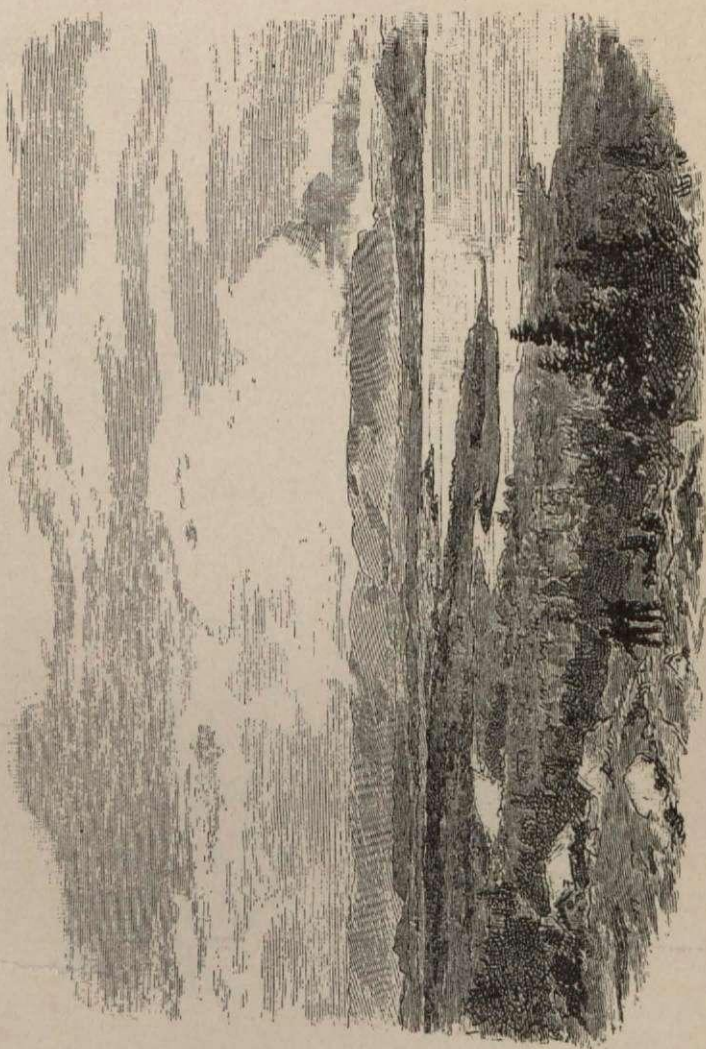
— Здравствуй, Хавронюшка!

— Куда ты спѣшишь, не дашь на себя полюбоваться? Эй, стой, погоди, лѣсъ скоро будетъ, вдвоемъ не такъ страшно, а въ одиночку, пожалуй, волкъ съѣсть. Да вотъ и ручей. Какъ тебѣ черезъ него пробраться? Замокнешь, видъ свой потеряешь,—садись скорѣе ко мнѣ на пяточекъ.

Послушался пряникъ и скокъ — свинѣ на носиный пяточекъ а та — шамъ-шамъ! да и проглотила его.

Не покатился дальше пряникъ нашъ, и сказкѣ дальше не идти.

ГЛУХАРЬ ХОЛЕЙА

Въ первыхъ числахъ мая поднимались мы отъ Тири-странда по лѣсистому склону, пробираясь на гору Скьерсье, гдѣ предполагали на слѣдующее утро поохотиться на глухарей; эта мѣстность особенно славилась изобиліемъ дичи.

Насъ было четверо: мой другъ капитанъ, я самъ, старый охотникъ изъ Зогнедля — Петръ Сандакеръ, и молодой парень, ведшій два смычка гончихъ *). Послѣ глухариной охоты мы намѣревались погонять зайцевъ. Въ долинахъ цвѣла весна, но въ ущельяхъ и въ впадинахъ горъ еще лежалъ снѣгъ. Вечеръ былъ тепелъ и птицы распѣвали свои весеннія пѣсенки. Закатывающееся солнце бросало послѣдніе золотые лучи на открывающуюся передъ нами мѣстность, когда мы, наконецъ, добрались до Скьерсье. Здѣсь мы рѣшили замѣтить мѣста, гдѣ глухари расположатся на ночь, а затѣмъ идти ночевать въ Аскъ-Альпъ. Когда мы взобрались на гору и стали разбирать глухаринные слѣды, солнце склонилось уже къ западу и ярко освѣтило своими золотистыми лучами всю мѣстность. Невеселая картина лежала передъ нами: до самаго горизонта тянулись мрачные горы и лѣса, чередовавшіеся съ громадными болотами и горными озерами, покрытыми льдомъ.

*) Гончія обыкновенно связываются попарно за ошейники; такая пара называется «смычкомъ».

Вскорѣ послѣ заката солнца послышался тяжелый полетъ птицы, потомъ еще и еще.

— Это все молодые,—сказалъ капитанъ, прислушиваясь, какъ они молча садились на землю неподалеку отъ насъ. Но вотъ прилетѣлъ, судя по шумному полету, старый глухарь, грозно опустился на землю и сталъ чистить клювъ.

— Ого, вотъ этотъ не прошлогодняго выводка,—сказалъ Петръ Сандакеръ:—это токовикъ, а, можетъ, и самъ старый запѣвало.

Между тѣмъ тетерева продолжали слетаться и передъ каждымъ, вновь прибывшимъ, токовикъ чистилъ свой носъ о землю. На этотъ призывъ только послѣдній изъ прилетѣвшихъ отвѣчалъ ему тѣмъ-же.

— Это чужой,—шепнулъ мнѣ Петръ:—онъ видимо не знаетъ еще «старика», иначе, онъ держалъ бы себя учтивѣе. Завтра старый глухарь задастъ ему хорошую трепку, какую онъ разъ задалъ на моихъ глазахъ одному невѣжѣ, тоже осмѣлившемуся чистить носъ на току передъ нимъ, передъ запѣваломъ-то.

При этомъ открытое лицо охотника съежилось въ безчисленные складки и лукаво-многозначительная улыбка давала знать, что онъ вспоминалъ о давно прошедшихъ временахъ.

— О какомъ это «старикѣ» ты говоришь?—спросилъ я, вспомнивъ, что капитанъ дорогой рекомендовалъ мнѣ Петра Сандакера, какъ извѣстнаго рассказчика и знатока заколдованныхъ зайцевъ и птицъ, злыхъ духовъ и прочей чертовщины. Особенно хорошо Петръ рассказывалъ объ восемнадцати медвѣдяхъ убитыхъ имъ; но онъ охотно умалчивалъ по крайней мѣрѣ о столькихъ же, по которымъ онъ далъ маху, какъ говорили злые языки.

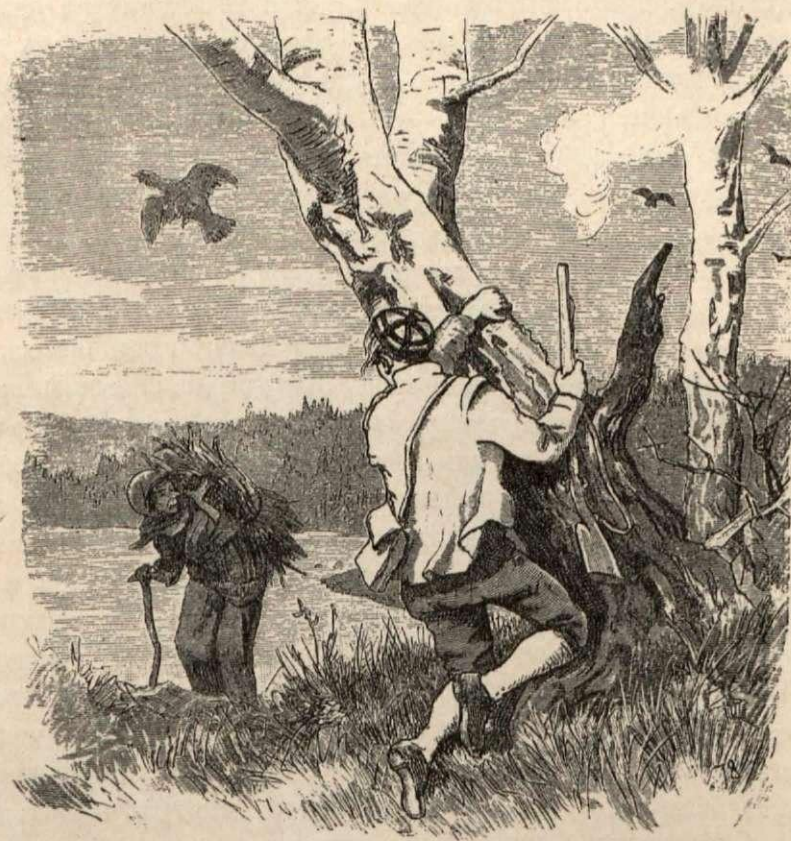
— Это я вамъ сейчасъ расскажу, — поспѣшно сказалъ капитанъ, боясь, какъ бы я не возбудилъ недовѣрія Петра

моимъ преждевременнымъ вопросомъ.—Тутъ есть одинъ старый глухарь, слывущій заколдованнымъ. Онъ извѣстенъ между здѣшними охотниками подъ прозваніемъ «Козла», потому что онъ не токуетъ спокойно на суку дерева, а носится между вершинами сосенъ и блеетъ, какъ козель; только налетавшись, онъ садится токовать, да и то поминутно перелетаетъ съ дерева на дерево. Невозможно подобраться къ нему на выстрѣль. Если кому и удастся, наконецъ, подойти, все-таки ничего не выйдетъ—онъ неуязвимъ. Петръ—старый воробей, онъ пробовалъ стрѣлять по немъ и солью, и серебромъ—ничего, только перья летять, а старику и горя мало, — на другой же день токуетъ по-прежнему.

— Въ него стрѣлять все равно, что въ утесъ, — сказалъ Петръ тономъ полнѣйшаго убѣжденія. — Разъ я подстерегъ его близъ Скауга. Онъ возсѣдалъ среди цѣлаго стада тетерекъ, въ кустахъ слышались еще вновь прибывавшія, садившіяся подлѣ него. Старый глухарь сидѣлъ важно, словно графъ какой, потомъ распустилъ хвостъ колесомъ и пошелъ фертомъ съ опущенными крыльями, подпрыгивая чуть не на аршинъ. Мнѣ и въ голову тогда не пришло, что это самъ «старикъ», вся эта комедія меня сильно заинтересовала и я ждалъ, что дальше будетъ. Вдругъ, откуда ни возмись другой тетеревъ—и пошла потѣха. У старика поднялся хвостъ, оцетинились перья на шеѣ и онъ неистово сталъ точить клювъ о землю, но прилетѣвшій, былъ тоже молодецъ—и тоже сталъ точить клювъ. Затѣмъ, они бросились другъ на друга и затѣяли такую битву, что гулъ пошелъ по лѣсу. Они лупили другъ друга клювами, крыльями, царапались, насккивали другъ на друга, пока старый глухарь не умудрился схватить своего врага за хохоль. Тутъ онъ подмалъ его подъ себя и сталъ такъ терзать, что мнѣ сдѣлалось жаль бѣдняги; — я выстрѣлилъ и убилъ его, но разъяренный глухарь продолжалъ рвать и мертвого. — «Постой-

же,—подумалъ я:—если ты такой крѣпкоголовый, такъ я же тебя угощу!» Зарядилъ я снова ружье и только что приложился,—онъ встрепенулся и улетѣлъ. А вѣдь былъ онъ отъ меня не дальше десяти шаговъ?

Въ другой разъ я былъ вотъ здѣсь, гдѣ мы теперь, и

точно также-же какъ и сегодня, слышалъ, что «старикъ» опустился на большую сосну. Въ полночь, когда лѣсъ еще спалъ, пошелъ я туда. На этотъ разъ «старикъ» токовалъ основательно, такъ что сосна тряслась, и не слеталъ прочь. Когда онъ въ четвертый разъ принялся

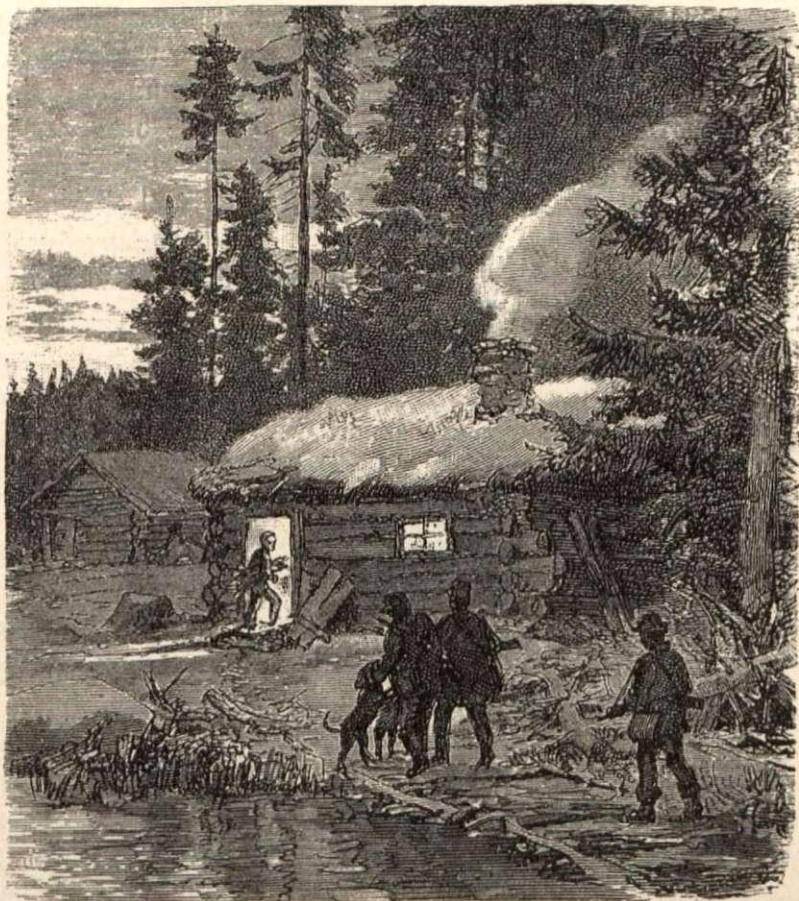
токовать, я подобрался къ нему на выстрѣль — онъ сидѣлъ на нижней вѣткѣ вплотную около ствола. «На этотъ разъ я съ тобой слажу», подумалъ я, потому что я поверхъ пули положилъ разрѣзанную на двое монету въ два шиллинга. И что-жъ бы вы думали? Выстрѣль грянулъ, а онъ преспокойно улетѣлъ, хоть и посыпались изъ него перья. Вѣрите мнѣ,—этотъ глухарь неуязвимъ.

— А вотъ мы завтра посмотримъ это, благо знаемъ, гдѣ онъ сидитъ, — лукаво сказалъ капитанъ.

— Очень нужно, точно другихъ птицъ нѣтъ! — сердито отвѣчалъ Петръ.—Если, чего Боже упаси, капитану будетъ угодно охотиться за нимъ, мнѣ что-жъ. Но я самъ не истратилъ бы на него ни порошинки. Да, я повторяю, — просто-душно продолжалъ онъ: — никто еще не слыхалъ такого токованья. И что это за птица! Онъ по крайней мѣрѣ въ полтора раза больше обыкновеннаго глухаря.

— Пожалуй, ты и правъ, эта старая бестія не стоитъ заряда,—промолвилъ капитанъ: — его мясо навѣрно такъ же жестко и горько, какъ тотъ сосновый сукъ, на которомъ онъ сидитъ. Но я все таки желалъ бы застрѣлить его, чтобъ положить конецъ его плутовскимъ штукамъ. Я много разъ пытался, но никогда не могъ подкрасться къ нему. Впрочемъ, мнѣ случалось стрѣлять по немъ, но такъ далеко, что я и не надѣялся попасть. Два раза стрѣлять по глухарю на слишкомъ большомъ разстоянн, это непростительная ошибка, какъ вамъ хорошо извѣстно,—обратился онъ ко мнѣ: — но я не могъ поступить иначе, потому что этотъ подлецъ Сара-Андерсъ подбирался къ птицѣ въ одно время со мной. Что-же до того, что старый глухарь необыкновенная птица, съ этимъ я вполне согласенъ и не стану спорить съ Петромъ. Но тетеревъ—тетеревомъ, а вотъ, когда мы придемъ на ночлегъ, я расскажу, какую исторію продолбалъ со мной одинъ заколдованный заяцъ, онъ былъ

почище этого стараго глухаря,—и капитанъ незамѣтно подмигнулъ мнѣ, давая понять, что хочетъ вызвать Петра Сандакера на рассказы.

Мы скоро достигли уединенной пастушечьей хижины, приготовленной для нашего приѣма парнемъ, успевшимъ съ собаками впередъ. На очагѣ весело пылалъ огонь. Снявъ ружье и ягдташи и превосходно поужинавъ, мы расположи-

лись у огонька. Капитанъ скорчилъ серьезную мину и принялся намъ рассказывать обѣщанную исторію про заколдованнаго зайца.

«Когда я былъ еще лейтенантомъ и стоялъ лѣтомъ со своими солдатами въ Тотѣ,—началъ онъ тономъ настоящаго рассказчика, — мы занимались ученъемъ, но со мною были гончія для охоты.

«— Много тутъ зайцевъ? — спросилъ я разъ тамошняго охотника.

«— Зайцевъ-то не мало, да вотъ одинъ бѣдовый завелся тутъ у насъ. Ни одна собака не можетъ нагнать его, ни одна пуля не беретъ. Заколдованный.

«При этомъ охотникъ кивнулъ мнѣ значительно головой.

«— Ну вотъ еще вздоръ какой,—сказалъ я ему. — Не могутъ его настигнуть собаки,—значить плохо бѣгають. Вотъ погодите, я пущу своихъ быстроногихъ, такъ не уйдетъ вашъ заколдованный заяцъ отъ насъ. — Говоря это, я потиралъ себѣ руки, предвкушая всю радость подобной побѣды.

«— Поживемъ, увидимъ,—сказалъ съ многочисленнымъ видомъ охотникъ.—Не такъ то легко это сдѣлать, какъ вамъ кажется».

«Пошелъ я въ тотъ же вечеръ въ Зукерштадертъ, гдѣ видали этого заколдованнаго зайца, и только что спустилъ я собакъ, какъ заяцъ ужъ тутъ-какъ тутъ. Погнались мои быстроногія, да заяцъ то бѣжить не такъ, какъ обыкновенно бѣгають зайцы,—добѣжить до куста и спрячется. Лишь только собаки къ нему, а онъ опять ужъ на ногахъ и скачетъ на пропалую. Пробѣжалъ онъ на выстрѣлъ отъ меня, я выстрѣлилъ,—мимо! Далъ другой выстрѣлъ по немъ, опять промахъ! Вижу, вотъ онъ въ ельникъ забился, выстрѣлилъ, опять не попалъ, подхожу поглядѣть, а тамъ вовсе не заяцъ, а какая то тряпица качается. Такъ и не убилъ я зайца. На

слѣдующій день пошелъ я снова за нимъ гоняться, все то-же, — никакъ не удалось его убить.

«Когда я ужъ много потратилъ попустому пороху, приходится опять ко мнѣ охотникъ и спрашиваетъ:

«— А что, убили зайца, лейтенантъ?

«Я рассказалъ ему, все какъ было.

«— Не вы первый, не вы послѣдній гоняетесь за нимъ понапрасну, — сказалъ онъ мнѣ покойно. — Вотъ постойте, я почищу вамъ ружье, — прибавилъ онъ таинственно, — но врядъ-ли и это поможетъ дѣлу, ему все нипочемъ.

«— Что-же это за мудреный заяцъ! — воскликнулъ я съ досадой. — Неужто его ни пуля, ни порохъ не берутъ?

«— Можетъ быть, и вправду ничего его не беретъ, — сказалъ охотникъ въ раздумьѣ, — можетъ быть, онъ оборотень какой. Послушайтесь моего совѣта, возьмите змѣю, живую змѣю — я вамъ пожалуй самъ притащу ее — забейте ее въ дуло ружья и тогда стрѣляйте въ этого оборотня. Вотъ тогда мы увидимъ, какъ на него подѣйствуетъ пуля и порохъ.

«Я такъ и сдѣлалъ. Забилъ въ дуло ружья живую змѣю, — притащилъ мнѣ ее тотъ-же охотникъ. Сколько труда было ее въ дуло ружья загнать! Ну, наконецъ, впахнулъ, выстрѣлилъ въ стѣну и что-жъ! На стѣнѣ осталось только одно мокрое пятно.

«Вотъ, очистивъ змѣей ружье свое, пошелъ я снова въ Зукерштадертъ. Это было утромъ, на разсвѣтѣ. Только что спустилъ я собакъ, а заяцъ ужъ тутъ — какъ тутъ. Погналась за нимъ свора съ лаемъ и визгомъ, а онъ по обыкновенію обѣжалъ кругомъ и ко мнѣ. Я — бацъ! въ него изъ ружья и убилъ наповаль. Былъ это большой матерый заяцъ, весь въ царапинахъ и ранахъ, у него и уха одного не доставало, — одна половинка только болталась.

— Я тоже слыхалъ про такихъ зайцевъ, — сказалъ

Петръ Сандакаръ, слушавшій рассказъ капитана съ величайшимъ вниманіемъ.— Одинъ такой заяцъ жилъ здѣсь въ Холейа, въ окрестностяхъ Грандбу. Много охотниковъ старалось застрѣлить его, и все напрасно; наконецъ, этотъ заяцъ наскочилъ на проклятаго Сара-Андерса, который убилъ его наповаль. Не даромъ хвалятъ Сара-Андерса! Кстати, это его слѣды мы видѣли сегодня. Онъ большой негодяй, и час-тенъ можно встрѣтить слѣды его лыжъ, потому, что онъ никогда не можетъ подождать, какъ всѣ люди, когда птица начнетъ порядочно токовать.

— Что вѣрно, то вѣрно, — замѣтилъ капитанъ, покручивая усы:—эта шельма не первый разъ ллается въ чужихъ владѣніяхъ. Да, скажи мнѣ, не онъ ли убилъ волшебнаго зайца около Христіаніи, помнишь, ты мнѣ рассказывалъ про него?

— О, нѣтъ, того убилъ тамошній охотникъ Брандте-Ларсъ. Вѣдь вы тоже изъ Христіаніи, — неожиданно обратился онъ ко мнѣ:—и навѣрно его знаете?

— Нѣтъ, не знаю.

— Э, какъ же такъ? Да не вспомните ли: онъ живетъ въ маленькомъ домикѣ, у горы. Я встрѣтилъ его разъ въ Халландѣ, гдѣ охотился съ нѣсколькими господами изъ города. Онъ немного глуповатъ, но стрѣлокъ замѣчательный: почти никогда не даетъ промаха по зайцамъ, а птицъ бьетъ въ-летъ, какъ нашъ капитанъ.

А съ волшебнымъ зайцемъ у него вышла вотъ какая исторія, какъ онъ самъ мнѣ рассказывалъ:

«Когда я еще служилъ въ охотникахъ у стараго Симензена, понадобилась мнѣ разъ свѣжая дичина. Вотъ въ прелестнѣйшее утро, отправился я на Линдерудскую возвышенность съ тремя собаками. Всѣ они были отличныя собаки, но одна изъ нихъ, Раппъ, славилась тѣмъ, что нечистая сила не имѣла надъ ней никакой власти, потому что она

была рыжая. Раппъ тотчасъ напалъ на свѣжій заячій слѣдъ и съ лаемъ понесся по нему съ такимъ яростнымъ крикомъ, что гулъ пошелъ по ущельямъ. Я притаился около кучи дровъ, сваленныхъ для обжиганія угля. Вотъ, вижу, идетъ на меня заяцъ—я выстрѣлилъ и промахнулся. Выгнали еще разъ на меня собаки того же зайца — опять промахъ! Выгнали его-же въ третій разъ — что за чудеса, опять мимо! Я успѣлъ только замѣтить, что у зайца черная спина и его гонить одинъ только Раппъ, другія же собаки слѣдуютъ за Раппомъ молча. «Эге, — подумалъ я; — да вѣдь заяцъ-то не простой!» Зарядилъ ружье снова, особеннымъ манеромъ и сталъ ждать.»

— Какимъ же это особеннымъ манеромъ?—переспросилъ капитанъ.

— Э, объ этомъ я самъ тогда спрашивалъ Брандте-Ларса, но онъ долго не хотѣлъ открыть мнѣ свой секретъ и согласился передать мнѣ его только за фунтъ табаку. Дѣло, видите ли, въ чемъ; нужно положить подъ хвостовой винтъ *) кусочекъ омовой коры, а потомъ зарядить ружье и сверхъ дроби положить три кусочка серебряной монеты, но непременно старой, полученной въ наслѣдство и побывавшей на войнѣ; затѣмъ надо положить три обрѣзка ногтя съ мизинца лѣвой руки и три ячменныхъ зерна или, въ крайности, просто три кусочка хлѣба. Отъ такого заряда никто не уйдетъ, будь это хоть самъ чортъ собственной персоной! Такъ слушайте, что съ Ларсомъ—то дальше было. Гонить, значить, Раппъ на него зайца въ четвертый разъ. Ларсъ спокойно выстрѣлилъ и убилъ.... кого бы вы думали?—маленькую старую черную собаченку! «Поднялъ я ее,—говорилъ онъ,—подвѣсилъ за ноги на палку и пошелъ себѣ, а кровь

*) Винтъ, которымъ казенная часть ствола соединяется съ прикладомъ. Нѣкоторые охотники дѣлаютъ въ прорѣзъ хвостоваго винта. *Прим. персв.*

изъ собаченки такъ и льется ручьемъ, такъ и льется, словно не собака то была, а цѣлая корова. А собаки кровь ту такъ и лакають такъ и лакають, всю гору такъ и залило ею. А тутъ новая со мной неудача, сколько я ни ходилъ, все не могъ выбратъся на дорогу и постоянно возвращался къ березѣ, около которой убилъ сабаченку, а мѣстность та была мнѣ знакома, какъ моя собственная комната. Понятно,—ужь если мѣсто заколдовано, такъ ты, какъ ни бейся, съ него не сойдешь. Что дѣлать? И порѣшилъ я представить собакамъ самимъ отыскивать дорогу а самъ пошелъ за ними слѣдомъ. Прохожу мимо одной скалы, а тамъ стоитъ подъ березовымъ кустомъ старая старушенка въ черной юбкѣ, кожаной куртѣ,—платокъ на головѣ, стоитъ—на костыль опирается. Словомъ, такъ съ виду какъ всѣ наши поселянки.

«— Экій-ты, Ларсъ!—говорить она мнѣ:—сколько ты перебилъ моихъ зайцевъ, а я все тебѣ прощала,—зачѣмъ же ты убилъ моего любимца? Если бы не твой рыжій Раппъ, не видать бы тебѣ его, какъ своихъ ушей.

«Я ничего не отвѣтилъ, но пересѣкъ Меррерское болото и вышелъ къ Бамзебрату. Тутъ я опять спустилъ собакъ. Раппъ скоро подаль голосъ и погналъ одинъ прямо назадъ къ Линдеруду, такъ что я, признаться, малость струсилъ. Но вотъ, слышу, залились всѣ трое. Ну, слава Богу, настоящий заяцъ! Сдѣлавъ ограмный кругъ, звѣрь вышелъ прямо на меня и я свалилъ огромнаго зайчищу. Одни уши его были съ цѣлаго козла величиною, тутъ опять погнали собаки, заливаясь лаямъ верхъ къ Линдерудъ-Альпу и выгнали опять на меня зайца, я и того убилъ. «Довольно съ меня на сегодня двоихъ,—сказалъ я самъ—себѣ, вернулся домой и повѣсилъ дичь въ погребѣ Симензена. Такъ, вѣдь, повѣрите-ли, жѣлыхъ три дня капала кровь изъ черной собаки и погребъ почти до половины налился кровью!»

— Ты какъ-то говорилъ, что и здѣсь въ Холейа жилъ

заколдованный заяцъ, — началъ капитанъ послѣ минутнаго молчанія, видимо желая выманить у Петра еще какую нибудь исторію. — Также ходятъ слухи, что здѣшнія горы изобилуютъ золотомъ и серебромъ. Не дурно бы намъ съ тобой захватить малую толику этой дряни; какъ ты полагаешь, Петръ Сандакеръ?

— Не вамъ бы это говорить, капитанъ, — возразилъ, покачавъ головой, Петръ: — у васъ денегъ и такъ много, черезчуръ много. Вотъ, какой-нибудь бѣдняга, тотъ могъ бы на это польститься, да не такъ-то легко добыть эти деньги.

— Все-таки я удивляюсь, какъ ты ниразу этого не попробоваль, — продолжалъ подзадоривать капитанъ.

— Ну, я не охотникъ ползать по горамъ и рыться въ нихъ, какъ дѣлываль по всей Холейа старый Юганъ Хаугъ.

— Я слышаль, — сказалъ капитанъ таинственно, — что можно добыть серебро, и золото болѣе легкимъ способомъ: стоитъ только добиться любви какой-нибудь горной колдуньи. А вѣдь, по совѣсти говоря, ты былъ въ молодости молодецъ, хоть куда, и ужъ навѣрно маху не далъ бы; такъ вѣдь, Петръ Сандакеръ?

— Ха, ха, ха! — засмѣялся Петръ, видимо польщенный шуткой капитана; — нѣтъ, мнѣ никогда ничего подобнаго въ голову не приходило, потому что я никогда не видалъ ни духовъ, ни горныхъ колдуній.

— Но вѣдь въ старину здѣсь, въ Холейа, жила горная колдунья? — допрашиваль Петра капитанъ.

— Все это однѣ старыя сказки, я самъ слыхаль про это, да не очень-то вѣрю, — отвѣчалъ Петръ.

— Но во всякомъ случаѣ, они тебѣ хорошо извѣстны, какъ здѣшнему старожилу. Расскажи-ка что-нибудь, вотъ мой другъ — горожанинъ и ничего подобнаго въ жизни не слыхиваль.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ладно, рассказать я могу, хотя самъ

ничему не вѣрю,—началь Петръ.—Къ югу отъ Халей-Спира (Холейа называется мѣстность между Тиристрандомъ и Зогнедалемъ—любезно пояснилъ онъ мнѣ) поднимаются двѣ горныя вершины: Сторе-Кнутъ и Фезле-Кнутъ; вы могли бы разглядѣть ихъ отсюда.

Въ старые годы производили рудокопы тамъ во многихъ мѣстахъ свои разводки. Тамъ столько серебра и разныхъ сокровищъ, что и конца имъ нѣтъ, но добыть что-либо страшно трудно: ихъ ревниво стережетъ горная колдунья. Все это принадлежитъ ей и стережетъ она это богатство, точно драконъ какой. Она невообразимо богата, даже богаче *Короля Консберга* *), потому что когда въ Консбергѣ однажды добыли огромное количество серебра, король Консберга явился лично въ шахту и сказалъ:

«— Скоро вы меня совсѣмъ разорите, если будете добывать каждый разъ столько-же, сколько добыли сегодня,—вы все мой сокровища изъ земли добудете. Убирайтесь лучше къ моей сестрѣ *Гури-Кнутъ* въ Холейа, она въ десять разъ богаче меня.

— И такъ Гури-Кнута приходится сестрой Эгебергскому королю,—замѣтилъ я.

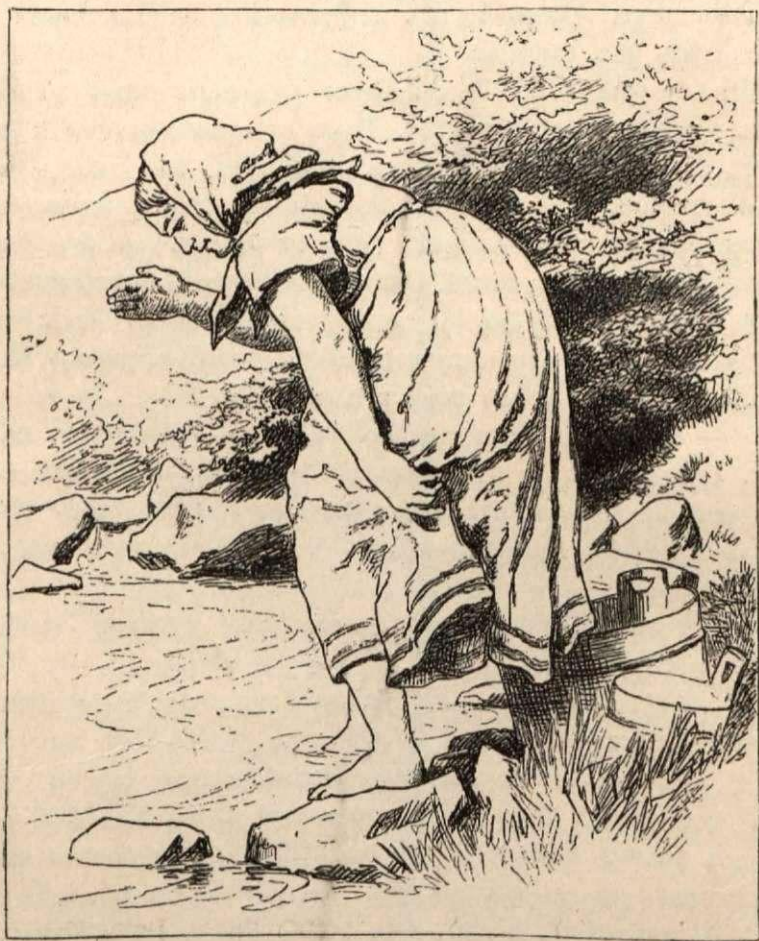
— А это что за король? Должно быть, изъ Христіаніи?—спросилъ Петръ.

Я рассказалъ ему сагу про Эгенберскаго короля, какъ онъ хотѣлъ въ 1814 году переселиться въ Консбергъ, къ своему брату, потому что не могъ больше выносить шума и взрывовъ въ своемъ рудникѣ.

— Такъ, такъ, видно, онъ точно братъ Гури-Кнуты,—простодушно согласился Петръ.—Я тоже слыхалъ про одного горнаго короля, переселившагося, чтобы избавиться отъ

*) Консбергъ—знаменитый серебряный рудникъ, принадлежащій норвежскому правительству; въ особенности славится онъ самороднымъ серебромъ. *Прим. перев.*

шума и порохострѣльной работы; но этотъ былъ изъ нашихъ странъ. Не знаю хорошенько, мужемъ-ли, братомъ-ли онъ приходится Гури-Кнутъ; знаю только, что онъ былъ

страшный богачъ, такъ какъ онъ былъ однимъ изъ хозяевъ горныхъ сокровищъ Хoleyа. Ужъ это-то вѣрно. Дѣло, видите ли, было какъ:

Когда только-что начали открывать рудники въ горахъ Скауга, жила женщина, по имени Раннау. Жила она близъ ручья

Лангесье, что протекает через Тиристрандъ и Зогнедалъ. Разъ утромъ, въ іюлѣ, Реннау полоскала бѣлье въ ручьѣ, глядь, а на днѣ масса серебра: тарелки, блюда, ложки, вообще, полный кухонный и столовый приборъ, сверкавшій и искрившійся на солнцѣ подъ прозрачной водой. Реннау совсѣмъ одурѣла отъ радости, увидавъ столько драгоценностей; она вскочила на ноги и пустилась бѣжать домой. Видите-ли, жадность ее одолѣла, ей захотѣлось притащить кадку, чтобы забрать все видѣнное серебро.

Прибѣгаетъ она назадъ къ ручью, смотреть—все исчезло, только вода, журча, бѣжитъ по камнямъ, а серебра въ ней нѣтъ и на шиллингъ.

Скоро послѣ того открыли мѣдныя копи въ Скаугѣ. Пошла тамъ такая стукотня, взрывы и грохотъ, что минуты спокойной не было.

Поздно вечеромъ возвращалась однажды Реннау съ ручья и повстрѣчала виднаго мужчину, ѣхавшаго на высокомъ черномъ конѣ. Впереди тянулся караванъ телегъ, нагруженныхъ домашнимъ скарбомъ и шли стада овецъ и другаго скота.

«— Добрый вечеръ, Реннау!—сказалъ ѣхавшій, — вотъ я и уѣзжаю.

«— Вижу, вижу, батюшка,—отвѣчала она: — а позволь спросить, изъ-за чего бы это?

«— Э, рудокопы подняли такой шумъ, что у меня голова трещить. Больше я не могу терпѣть и уѣзжаю къ моему брату въ Тинъ—въ Телемаркъ.—Скажи-ка мнѣ, Реннау, что это ты вздумала отнять у меня все мое столовое серебро, неужели тебѣ мало показалось взять изъ него сколько ты могла унести въ подолъ? А я бы охотно уступилъ тебѣ часть своего серебра.

Съ тѣхъ поръ никто ничего подобнаго не видалъ въ здѣшнихъ горахъ. Переселились ли духи, зарылись ли вглубь горъ—кто ихъ знаетъ! Этого знать и намъ невозможно!

А вѣрнѣй, духи не являются больше оттого, что у народа пропала вѣра въ нихъ.

— Ты высказалъ истину, болѣе глубокую, чѣмъ самъ предполагалъ, милѣйшій Петръ Сандакеръ, — воскликнулъ капитанъ, — именно это и говорятъ люди, помудрѣ насъ съ тобой.

Долго за полночь рассказывалъ Петръ повѣрья, сказки и охотничьи преданія. Порой и капитанъ вставлялъ свой рассказецъ, обыкновенно поддразнивая Петра насчетъ его промаховъ по медвѣдямъ; Петръ всякій разъ плутовски улыбался и, почесывая за ухомъ, ворчалъ:

— Вотъ камешекъ въ твой огорождъ, Петръ Сандакеръ, заруби это себѣ на носу.

Около полуночи мы, наконецъ, улеглись на лавкахъ у огня и скоро заснули крѣпко сномъ.

Задолго до разсвѣта Петръ разбудилъ насъ, торопя выходомъ на охоту. Было холодновато, ночью сильно морозило и снѣгъ скрипѣлъ подъ ногами; но небо имѣло совершенно весенній видъ, оно было ясно, по его темной синевѣ медленно плыли съ юга бѣлыя облачка. Закатывающійся мѣсяцъ озарялъ своимъ мягкимъ свѣтомъ вершины деревьевъ и далекіе горные хребты; лѣсъ же былъ погруженъ въ таинственный сумракъ. Но вотъ запѣлъ реполовъ, нарушая своимъ мелодическомъ голосомъ суровую тишину лѣса.

— Слышите первую лѣсную пѣвунью? — сказалъ Петръ, — нужно поторопиться, — скоро лѣсъ оживетъ.

— Времени у насъ еще довольно, — возразилъ капитанъ: — глухари лучше всего токуютъ въ лѣску, что лежитъ между нами и Лэндальскимъ болотомъ; но я боюсь, что сегодня слишкомъ холодно для токованья.

— Къ утру потеплѣетъ, вѣтеръ тянетъ съ юга, — увѣренно отвѣчалъ Петръ: — послушайте, какъ бойко кричитъ валдшнепъ — онъ предвѣщаетъ хорошую погоду. А вотъ и

бекасъ заблеялъ! Охота будетъ удачная, — прибавилъ онъ съ полнымъ убѣжденіемъ.

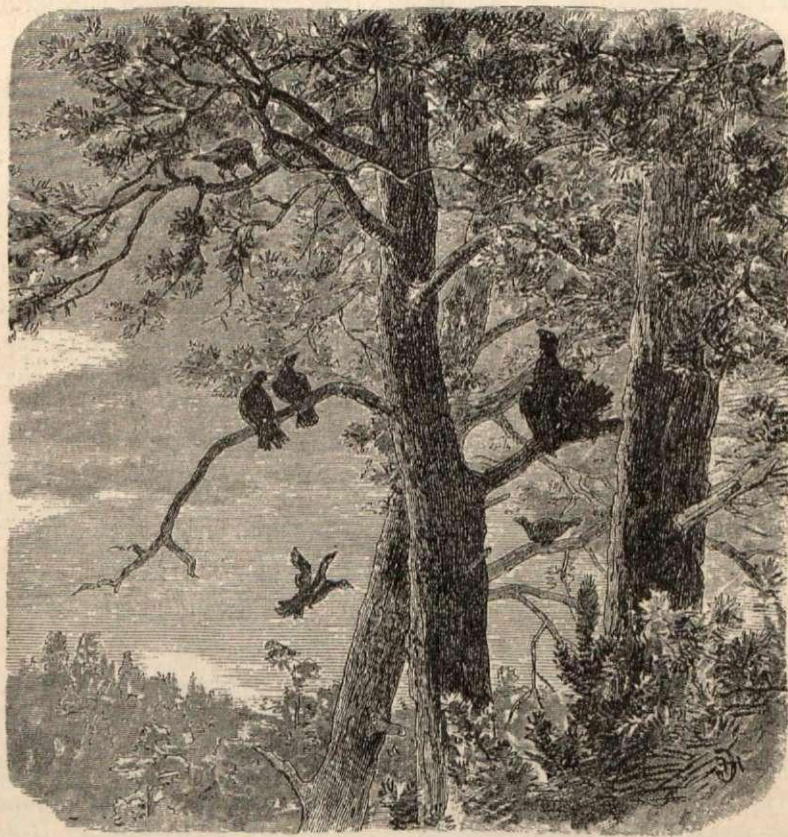
Мы тихо подвигались, прислушиваясь къ характерному крику вальдшнепа, похожему на нѣсколько разъ повторяемое кваканье лягушки, за которымъ слѣдуетъ громкій, звенящій свистъ, вродѣ крика трясогузки. Слабые лучи заходящаго мѣсяца позволяли намъ различать силуэты этихъ благородныхъ птицъ, носившихся надъ вершинами деревьевъ. Странный крикъ бекаса, похожій на блеянье, раздавался то около насъ, то удалялся, то слышался справа, то слѣва, то надъ самыми нашими ушами, но не было никакой возможности разглядѣть птицу. По временамъ страшный крикъ выпи прерывалъ всѣ остальные звуки, словно всѣ птицы въ ужасѣ умолкали на время. Но вотъ послышалась звенящая трель жаворонка и, вмѣстѣ съ первыми лучами зари, разогнала ночь и ея страхи.

— Это звенить тетеревиный колокольчикъ, — сказалъ капитанъ:—шведы называютъ такъ веселаго жаворонка, потому что сейчасъ же за нимъ начинается пѣть глухарь, не сходя съ того сука, на которомъ ночевалъ. Вздохнемъ немного. Мы теперь недалеко отъ дичи, видѣнной нами вчера, и легко можемъ спугнуть ее.

Мы остановились и стали прислушиваться. Черезъ нѣсколько минутъ недалеко отъ насъ затоковалъ глухарь. Тогда мы разстались:—капитанъ съ парнемъ пошли къ сѣверу, а я и Петръ Сандакеръ стали подкрадываться къ токующей птицѣ, старательно избѣгая ступать по валежнику и снѣгу, чтобы не хрустѣло ничто подъ ногами, а то тетерева услышатъ. Мы осторожно подвигались, замирая на мѣстѣ, лишь только смолкалъ глухарь, и быстро прыгая на нѣсколько шаговъ впередъ, когда онъ снова начиналъ пѣть.

Мы уже подобрались шаговъ на сорокъ, къ тому дереву, гдѣ онъ сидѣлъ, какъ вдругъ шумно пролетѣлъ нашъ знакомый

старикъ и, молча, опустился на вѣтви. Скоро мы услышали стукъ клювовъ и хлопанье крыльевъ и, пока глухари дрались, мы успѣли еще подвинуться. Старый глухарь скоро обратилъ противника въ постыдное бѣгство и на минуту воцарилась

тишина. Но вотъ заклохтала тетерка и глухарь принялся токовать. Мы сдѣлали еще нѣсколько шаговъ, но вдругъ онъ взмахнулъ крыльями и перелетѣлъ на другое дерево, гдѣ снова принялся за прежнюю музыку.

— Это я зналъ заранѣе,—съ досадой сказалъ Петръ:— за нимъ гоняться тоже, что за облаками. Свернемте лучше

къ сѣверу, тамъ больше птицы и не все такіе проклятые оборотни, какъ этотъ.

— Не знаешь-ли, гдѣ онъ токуеть на восходѣ солнца?— спросилъ я.

— Разумѣется, знаю: на соснѣ, что стоитъ на холмѣ въ Хиттетъярнскомъ болотѣ; но тамъ невозможно подкрасться къ нему, благодаря дурацкой высотѣ сосны.

— Попытка—не пытка,—отвѣчалъ я,—а теперь пойдѣмъ, какъ ты совѣтуешь, къ сѣверу.

Нѣсколько времени мы проплутали напрасно, нигдѣ не слыша токованья. До насъ долетѣлъ издалика звукъ двухъ выстрѣловъ; мы рѣшили, что это, вѣрно, капитанъ стрѣлять. Потомъ мы отправились къ знаменитой соснѣ на болотѣ, къ великой досадѣ Петра, ворчавшаго себѣ подъ носъ:

— Чистая трата пороха! Вотъ капитанъ—тотъ бѣдовый для глухарей.... у него навѣрно есть уже штучка, а то и пара.... а, впрочемъ, ужь не Сара ли Андерсъ это? Нѣтъ, у того дрянъ ружьишко.... опять же не похоже на выстрѣлъ капитанскаго ружья....

— Утѣшься, дружище, — сказалъ я ему, — мнѣ сдается, что мы убьемъ сегодня лучшую птицу всего тока.

— Искусникъ же вы тогда будете,—возразилъ Петръ,— да едва-ли только вамъ это удастся, *старикъ* хитеръ и неуязвимъ, повѣрьте, говорю вамъ по чести.

Когда мы добрались черезъ замерзшее болото до холма, я вывинтилъ дробь изъ ружья и перезарядилъ его патрономъ изъ проволочной сѣтки, принявъ во вниманіе дальность разстояніе, съ котораго придется стрѣлять, если глухарь сядетъ, какъ мы думали, на вершину сосны.

— Воображаю, какъ это поможетъ!—презрительно сказалъ Петръ.

— А вотъ увидишь!—сухо отвѣчалъ я.

Возвышенность, на которой мы находились, была посре-

ди большого болота и выдавалась, словно островъ какой. На верхушкѣ ея высилась громадная сосна. На востокъ отъ насъ находилось другое дерево. Верхушка его была сломана бурей и длинныя вѣтки, похожія на громадныя руки великана, подымались къ ясному серебристому утреннему небу. Восходящее солнце золотило вершины горъ и роняло лучъ за лучомъ въ тѣнь густыхъ сосенъ. Но Скьерсъ-Ерерское болото, лежавшее южнѣе, съ его голубоватымъ лѣсомъ было еще совсѣмъ темно. Вальдшнепы, бекасы и всѣ ночныя птицы убрались на покой. Лѣсъ оживился веселымъ пѣніемъ проснувшихся дневныхъ птицъ. Дятель началъ постукивать, по своему хозяйничая на ели; зяблики и корольки распѣвали свои пѣсенки. Глухари громко пѣли. Пѣвчіе дрозды выкрикивали во все горло то свои разнообразныя смѣшныя штучки, то издавали нѣжныя ласкающіе звуки. По ту сторону болота токовалъ глухарь.

Мы притаились въ можжевельномъ кустарникѣ и долго ждали нашего *старика*, прислушиваясь къ голосамъ пробуждающагося лѣса. Наконецъ, когда солнце озолотило верхушку сосны, тяжело прилетѣлъ глухарь, но сѣлъ не на нее, а на сосѣднее дерево, со сломаной верхушкой. Онъ былъ дѣйствительно великолѣпнѣе, сверкая на солнцѣ своей зеленой грудью съ золотистымъ отливомъ. Вотъ прилетѣла и тетерька и опустилась на сосну какъ разъ надъ нашими головами. Глухарь тотчасъ-же оцетинилъ перья на шеѣ, опустилъ крылья до ногъ, сдѣлалъ вдоль вѣтки нѣсколько важныхъ шаговъ, волнообразно двигая шейю, и началъ токовать, распутивъ хвостъ колесомъ. Я ждалъ, положи палецъ на курокъ, и напряженно караулю рѣшительный моментъ, когда онъ расправитъ крылья для полета и такимъ образомъ представитъ болѣе крупную цѣль для стрѣльбы съ такого большого разстоянія. Казалось, токованью его не будетъ конца, но вдругъ у меня подъ ногой хрустнула вѣтка. Тетерька испустила громъ.

кій тревожный крикъ, но *старикъ* такъ разгорячился, что не обратилъ вниманія на предостереженіе; тогда вѣрная подруга подлетѣла къ нему и стала толкать его съ вѣтки. Старикъ встрепнулся и готовъ былъ улетѣть, но мос ружье грянуло, и могучая птица покатила въ низъ головой въ болото.

Я легко овладѣлъ имъ; — онъ только разъ взмахнулъ крыльями и его не стало. Подбѣжалъ Петръ, схватилъ глухаря и по лицу стараго охотника прошла удивленная, недоумѣвающая улыбка.

— Никогда бы не повѣрилъ, — сказалъ онъ, — увѣрай меня хоть самъ капитанъ! Но вѣдь вотъ-же — вотъ онъ *старикъ* — то! Я узнаю его; да и тяжелъ же онъ!

Дѣйствительно, онъ вѣсилъ около тридцати фунтовъ.

— Ну, и радъ будетъ капитанъ, — добавилъ онъ весело. — Это выстрѣлъ! Го, го, сюда! — закричалъ онъ такъ, что эхо раскатилось по горамъ.

Вскорѣ показались капитанъ съ парнемъ, каждый изъ нихъ несъ по глухарю. Петръ съ торжествомъ поднималъ нашу добычу и еще издали крикнулъ:

— *Старикъ*, а каково, капитанъ!

— Что ты врешь, дуракъ! — крикнулъ тотъ, торопливо подходя. — Старикъ! — воскликнулъ онъ удивительно, разглядѣвъ глухаря, — онъ самый и есть!

— Чисто сработано и стоитъ выпить за здоровье побѣдителя, — замѣтилъ Петръ Сандакеръ.

— Вивать! — вскричалъ капитанъ, осушая серебряную чарку, и угощая насъ изъ фляги.

— Ну, не говорилъ ли я, что капитанъ будетъ радъ! — ухмылялся Петръ, потягивая вино.

Разсказавъ другъ другу свои приключенія, мы спустили собакъ. Скоро онѣ напали на слѣдъ и горячо залились.

ВОРЧУНЪ-ГУСЕНОКЪ.

ПЯТЬ женщинъ жали однажды
рожь и нашли грамаднѣйшее
гусиное яйцо: оно было величиною
съ человѣческую голову. Всѣ эти
пять женщинъ были бездѣтны и
очень желали имѣть ребятокъ. Уви-
дали онѣ яйцо и заспорили о томъ, кто изъ нихъ первая его
нашла. Чуть въ волосы другъ другу не вцѣпились! Наконецъ,
поладили на томъ, что оно будетъ принадлежать имъ всѣмъ
пятерымъ и онѣ по очереди будутъ его высиживать, какъ

гусыни. Первая просидѣла на немъ восемь дней, а остальные работали за нее и за себя, но ничего изъ яйца не вышло. Другая жница стала дразнить первую.

— Ничего не подѣлать и тебѣ съ этимъ яйцомъ, — отвѣчала жница-наседка; но мнѣ кажется, что изъ него выйдетъ ребенокъ — все мнѣ слышалось, точно кто-то ворчалъ въ яйцѣ: «Селедки, киселя, каши, молока!» Садись-ка теперь ты, а я буду работать.

И вотъ всѣ пять жницъ пересидѣли на яйцѣ по восьми дней. Пятая очень ясно слышала, что въ яйцѣ малютка кричалъ: «Селидки, киселя, каши, молока!» Она не утерпѣла, пробила въ яйцѣ дырочку и вмѣсто гусенка оттуда вылѣзъ уродливый ребенокъ съ огромной головой и сейчасъ-же сталъ кричать и ворчать: «Селедки, киселя, каши, молока!» За это женщины назвали его — «Ворчунъ-Гусенокъ». Какъ ни былъ уродливъ ребенокъ, все-таки сначала женщины не могли на него нарадоваться, но это недолго продолжалось, потому что малютка такъ былъ прожорливъ, что съѣдалъ все, что у нихъ только было съѣстнаго. Сварять бывало блюдо киселя или горшокъ каши для всѣхъ — смотреть, ребенокъ все одинъ поѣлъ. Наконецъ, не въ мочь имъ стало прокормить прожору и онѣ стали разсуждать, какъ имъ быть? Ворчунъ-Гусенокъ, услыжавъ ихъ разговоръ, объявилъ имъ, что онъ и самъ въ нихъ не очень-то нуждается, такъ какъ онъ еще ниразу не поѣлъ у нихъ до сыта. Сказавъ это, онъ тотчасъ же ушелъ и слѣдъ его простылъ.

Пришелъ онъ въ домъ одного землепашца и сталъ про-

силье себѣ работы. Тотъ охотно принялъ его поденщикомъ—очищать свое поле отъ камней.

Ворчунъ-Гусенокъ собралъ всѣ большіе, и маленькіе камни, (а между ними были такіе, что нѣсколько лошадей съ трудомъ могли одинъ съ мѣста сдвинуть) и сложилъ ихъ всѣ въ свой карманъ. Скоро окончилъ онъ свое дѣло и сталъ спрашивать,—нѣтъ-ли еще работы?

— Да ты поле-то сначала очисти отъ камней, — сказалъ ему хозяинъ.

Ворчунъ-Гусенокъ вывернувъ карманы и свалилъ всѣ камни въ кучу. Хозяинъ тотчасъ смекнулъ, что работника нужно поблагодарить — очень уже онъ силенъ.

— Ну, ладно! Пойдемъ обѣдать,—рѣшилъ хозяинъ. Ворчунъ-Гусенокъ охотно согласился, съѣлъ все, что было приготовленно для хозяевъ и для людей и только наполовину насытился.

Сильно помогать онъ хозяину работать, но ѣлъ такъ, что хозяинъ подумалъ: «Не по карману бѣдному землепашцу такой работникъ; пожалуй, и оглянуться не успеешь, какъ онъ въ конецъ разорить!» И онъ посоветовалъ Ворчуну-Гусенку идти въ столицу къ королю; тотъ пошелъ и сейчасъ-же получилъ мѣсто мальчика для побѣгушекъ. У короля и работы, и ѣды было вволю. Ворчунъ-Гусенокъ долженъ былъ таскать прислугѣ воду и дрова и исполнять разныя мелкія услуги. Разъ приказали ему наколоть лучины. Онъ тотчасъ принялся за работу съ такимъ жаромъ, что щепки летѣли во всѣ стороны и, не долго думая, разрубилъ и раскололъ на лучину и дрова всѣ бревна, доски, и балки. Кончилъ и спрашиваетъ — что ему еще дѣлать?

Разсердился на него за это придворный надзиратель и приказалъ снова нарубить въ лѣсу столько-же бревенъ и балокъ, сколько онъ изрубилъ на лучины, а до тѣхъ поръ ѣсть ему не дадутъ. Ворчунъ-Гусенокъ пошелъ въ кузницу и,

приказавъ кузнецу выковать себѣ топоръ въ пять центнеровъ (около 14-ти пудовъ), отправился съ нимъ въ горный лѣсъ и началъ рубку. Валить онъ толстыя ели и огромныя сосны, валить все, что только ему попадаетъ на глаза въ королевскому лѣсу и на землѣ, принадлежавшей сосѣдямъ, и громоздить все въ кучу, не обрубая ни вѣтвей и ни вершинъ: словно буря свирѣпствуетъ.

Потомъ онъ нагрузилъ срубленными деревьями сани и запрегъ въ нихъ множество лошадей; но какъ онъ ни билъ лошадей, онѣ не могли саней тронуть съ мѣста, а когда Ворчунь-Гусенокъ сталъ ихъ тащить за головы, только головы имъ оторвалъ. Тогда онъ выпрягъ ихъ и самъ повезъ сани. Король и его управляющій увидали съ балкона, что онъ одинъ везетъ чуть не половину всего лѣса, и сильно разсердились, но побоялися выказать свой гнѣвъ такому силачу и сказали:

— Ты великолѣпный работникъ, но все-же ужасно много ѣшь! Не хочешь-ли и теперь чего покушать? Можетъ быть, проголодался?

Ворчунь-Гусенокъ попросилъ киселя, говоря, что если его сдѣлаютъ изъ двѣнадцати боченковъ муки, то онъ будетъ вполне сытъ. Для того, чтобы сварить столько киселя, понадобилось время, а между тѣмъ Ворчуну-Гусенку приказали принести въ кухню дровъ. Онъ сложилъ цѣлую гору дровъ съ саней на плечи и понесъ, но, проходя въ двери, задѣлъ за косякъ и такъ неуклюже протащилъ свою ношу, что чуть было не разрушилъ весь королевскій замокъ: балки затрещали и столбы закачались.

Когда ѣда была готова, послали его звать работниковъ съ поля—обѣдать, а онъ такъ крикнулъ имъ, что зовъ его разнесся на десять верстъ кругомъ. Работники однако все нейдутъ. Онъ побѣждалъ за ними, сталъ съ ними драться и убилъ двѣнадцать человѣкъ.

— Ты двѣнадцать работниковъ убилъ, а самъ съѣдаешь

болѣ чѣмъ могутъ сѣсть двѣнадцать человѣкъ.—Сколько же ты замѣнишь въ работѣ?—сказалъ король.

— Да тоже, побольше двѣнадцати, — отвѣчалъ Ворчунъ-Гусенокъ.

Послѣ обѣда послали его въ овинъ молотить. Онъ взялъ балку, подпиравшую крышу и сдѣлалъ себѣ изъ нея цѣпъ, крышу же подперъ молодой елкой. Какъ примется онъ молотить мякина такъ полетѣла въ разныя стороны, что надъ городомъ стало цѣлое облако пыли. Только успѣлъ онъ отмолотить, какъ напали на королевство враги. Король обрадовался этому и приказалъ ему взять съ собою войско и идти воевать, въ надеждѣ, что убьютъ Ворчуна-Гусенка, но тотъ сказалъ, что коли воевать, такъ ужъ воевать: онъ и одинъ съ врагами справится, только-бы дали ему здоровую дубинку.

Сковалъ ему кузнецъ дубину въ два центнера.

— Она только и годна, чтобы орѣхи колоть, — сказалъ Гусенокъ.

Сковалъ кузнецъ дубинку въ пять центнеровъ — самую большую, какую онъ могъ выковать; но Ворчунъ-Гусенокъ и про нее сказалъ, что ею можно только гвозди въ сапоги вбивать. Пошелъ онъ самъ въ кузницу и выковалъ себя дубину въ пятьдесятъ центнеровъ, такъ что сто человѣкъ съ трудомъ ворочали ее на наковальнѣ.

— Вотъ эта въ крайности сойдетъ, — рѣшилъ Гусенокъ; но ему понадобился еще ранецъ съ харчами. Спили ему ранецъ изъ кожи пятнадцати быковъ и набили до верху всякими съѣстными припасами. Тогда Ворчунъ-Гусенокъ взялъ дубинку на плечо, взвалилъ ранецъ на спину и скорымъ шагомъ отправился на войну.

Завидѣли его враги и выслали ему на встрѣчу воина, узнать скоро-ли начнетъ онъ сраженіе?

— Пойдите немного, вотъ только закушу напередъ, — сказалъ Гусенокъ, бросился на траву и расположился поѣсть

подъ защитой своего огромнаго ранца. Но враги не захотѣли ждать и открыли по немъ такой ружейный огонь, что пули градомъ посыпались на него.

— Этой клюквы я нисколько не боюсь, — сказалъ Ворчунъ-Гусенокъ и спокойно продолжалъ кушать; свинецъ и желѣзо были ему нипочемъ, ктому-же ранецъ стоялъ передъ нимъ настоящей стѣной. Враги стали его бомбардировать, но онъ только смѣялся при каждой попадавшей въ него бомбѣ, пока одна изъ нихъ не попала ему въ ротъ.

— Тьфу, — сказалъ онъ и выплюнулъ ее обратно. Но вотъ одна граната разбила горшокъ съ масломъ, а другая выбила ему кусокъ хлѣба изъ пальцевъ. Разозлился тутъ Гусенокъ.

— Что это? Вы кусокъ хлѣба у меня изо рта вырвать хотите? — Да какъ начнетъ бить палицей о землю... Гулъ пошелъ по всѣмъ окрестнымъ горамъ, а враги какъ мякина полетѣли на воздухъ. Такъ война и кончилась.

Ворчунъ-Гусенокъ, окончивъ войну, сейчасъ-же отправился домой и сталъ снова просить работы. Досадно стало королю, напрасно надѣялся онъ, что враги убьютъ Гусенка. Думалъ онъ, думалъ, какъ ему избавиться отъ обжоры, и ничего не могъ придумать лучше, какъ послать его въ адъ!

— Убирайся къ чорту и взыщи съ него недоимку, — приказалъ онъ ему.

Ворчунъ-Гусенокъ взять послушно ранецъ и дубинку и отправился, но не засталъ чорта дома, — тотъ въ это время былъ на экзаменѣ, а дома оставалась только одна чертовка, но она ни объ какихъ недоимкахъ ничего не знала и просила его придти въ другой разъ.

— Ну, знаю я эту штуку, какъ завтраками-то кормить! — сказалъ Гусенокъ, — лучше я подожду. И онъ принялся уничтожать свои запасы. Съѣлъ ихъ и сталъ снова требовать недоимки, но старуха отвѣчала, что ни зачто не

заплатить и это также вѣрно, какъ то, что передъ ея дверью стоитъ сосна! А сосна была такая большая, что пятнадцать человѣкъ съ трудомъ могли ее охватить. Гусенокъ взялъ ее за макушку, согнулъ какъ ивовый пруть и снова спросилъ чортовку, желаетъ-ли она ему отдать недоимки? Испугалась старая и отдала ему столько шиллинговъ, сколько онъ могъ утащить въ своемъ ранцѣ. Только что Ворчунь-Гусенокъ отправился обратно, вернулся домой чортъ; узналъ, что тотъ унесъ всѣ его деньги, приколотилъ чортовку и бросился въ погоню. Чортъ неся, какъ пустые сани, а порою летѣлъ на крыльяхъ и скоро настигъ Ворчуна-Гусенка, еле тащившагося съ тяжелымъ ранцемъ. Заслышавъ настигавшаго его чорта, онъ побѣжалъ, какъ только могъ и все время защищался отъ него на ходу своей дубиной. Скоро достигли они долины, лежавшей глубоко между горами. Ворчунь-Гусенокъ собрался съ силами и перескочилъ съ одной горной вершины на другую; чортъ за нимъ,—но на скачкѣ налетѣлъ на дубинку Гусенка, упалъ въ долину, сломалъ себѣ ногу и растянулся.

— Вотъ тебѣ чертовы недоимки, — сказалъ Ворчунь-Гусенокъ, входя къ королю на балконъ и бросая передъ нимъ свой ранецъ съ деньгами такъ, что балконъ затрещалъ. Король поблагодарилъ его, выразилъ ему свое благоволеніе, обѣщалъ награду и отпустилъ домой.

— Я хочу работы, а домой не пойду! — объявилъ Ворчунь-Гусенокъ.

— Ну, такъ ступай къ горному духу, — сказалъ подумавши король, — онъ живетъ въ замкѣ на озерѣ, куда до сихъ поръ никто не рѣшался идти, и принеси мнѣ украденный имъ мечъ моего дѣда.

Положили Ворчуну-Гусенку въ ранецъ цѣлую телегу съѣстнаго, и онъ отправился въ путь черезъ горы и лѣса, а и луга, пока не дошелъ до горъ, гдѣ жилъ духъ, по-

хитившій мечъ дѣдушки короля.—Но духъ жилъ въ горѣ и входъ былъ запертъ, такъ что никакъ нельзя было къ нему попасть. Тогда Ворчунъ-Гусенокъ нанялся въ помощники къ работавшимъ тамъ каменотесамъ. Никогда они не видывали такого работника — онъ выламывалъ цѣлые утесы и такъ билъ по горѣ, что она треснула и начала разваливаться. Вернувшись съ работы, каменщики нашли, что кто-то съѣлъ ихъ обѣдъ.

На другой день случилось тоже. На третій день Ворчунъ-Гусенокъ взялъ полный ранецъ ѣды, легъ у горы спать и положилъ его себѣ подъ голову. Вдругъ вышелъ изъ горы духъ о восьми головахъ и, со словами: «Ѣда готова, покушаемъ!» бросился на ранецъ.

— Нѣтъ, сначала еще поборемся!—закричалъ Гусенокъ и разбилъ ему дубиной всѣ восемь головъ.

Затѣмъ вошелъ онъ въ гору и увидѣлъ тамъ лошадь, ѣвшую изъ бочки горячій пепель, а бочка съ овсомъ стояла у ея хвоста.

— Отчего ты не ѣшь овесъ? — спросилъ Гусенокъ.

— Я не могу повернуться, — отвѣчала лошадь.

— Хочешь, я тебя поверну!

— Нѣтъ, лучше оторви мнѣ голову, — просила лошадь. Ворчунъ-Гусенокъ сорвалъ ей голову и вдругъ вмѣсто лошади явился прекрасный мужчина, котораго горный духъ превратилъ въ лошадь.

Онъ помогъ Гусенку отыскать мечъ, спрятанный духомъ въ кровати подъ тюфякомъ, на которомъ спала и храпѣла мать осьмиголоватаго чудовища. Ворчунъ-Гусенокъ и освобожденный имъ человѣкъ взяли мечъ и поѣхали моремъ домой. Старуха въ это время проснулась и пустилась за ними въ догонку. Прибѣжала она къ морю и ну-пить! Хотѣла все море выпить, да не успѣла этого сдѣлать, какъ Гусенокъ былъ уже дома.

ЛОП

Приѣхавши, шлетъ Ворчунъ Гусенокъ королю вѣсть, что бы тотъ прислалъ къ нему за мечемъ. Король послалъ четыре лошади, но онѣ не могли сдвинуть мечъ; послалъ восемь — и тѣ не стащили его, взялся тогда Ворчунъ-Гусенокъ за него самъ и принесъ къ королю. Король глазамъ не повѣрилъ, увидѣвъ его снова. А Гусенокъ ужъ опять просить работы.

На этотъ разъ послалъ его король въ заколдованный замокъ, чтобы онъ построилъ оттуда мостъ черезъ Зундъ. «Если выстроитъ — король щедро наградитъ его и даже отдастъ за него свою дочь.»

Да вотъ бѣда, никто еще оттуда живымъ не возвращался. Всѣ, кто ни ходилъ въ тотъ замокъ, были тамъ убиты и разорваны на мелкія части, такъ что король, посылая туда Гусенка, думалъ навсегда съ нимъ раздѣлаться.

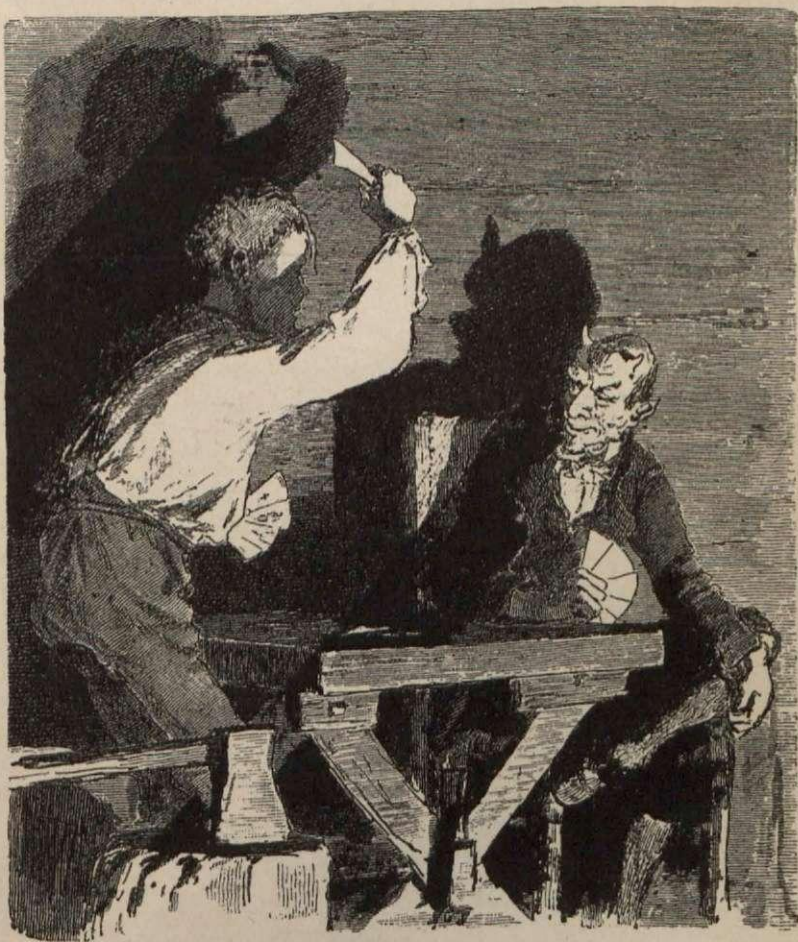
— Ну, это мнѣ ни-почемъ! — подумалъ Гусенокъ, взявъ ранецъ съ ѣдой, крѣпкій узловатый сосновый пенъ, топоръ, клинъ, нѣсколько лучинъ и маленькаго калѣку изъ королевской столицы.

Зундъ ему пришлось переходить во время ледохода и течение въ немъ было такое сильное, какъ въ водопадѣ, но онъ храбро перешелъ его и достигъ замка.

Разведя огонь и поѣвши, онъ собрался заснуть, но вскорѣ поднялся такой трескъ и шумъ, точно весь замокъ собирался перевернуться кверху тормашками. Двери распахнулись настежь и показалась огромная пасть, разинувшаяся отъ порога до притолки.

— На, съѣшь! — крикнулъ Гусенокъ и бросилъ калѣку въ пасть. — Дай-ка на себя поглядѣть, что ты за штука; можетъ быть, мы старые знакомые!

Такъ оно и вышло на самомъ дѣлѣ, потому что это былъ чортъ. Они начали играть въ карты; чортъ навѣрное хотѣлъ отыграть малость недоимки, которую собралъ

Гусенокъ съ его матери для короля, но Гусенокъ постоянно выигрывалъ, потому, что потихоньку крестилъ лучшія карты. Проигравъ все, что съ нимъ было, чортъ принужденъ былъ отдать золото и серебро, спрятанное въ замкѣ.

Только что они разыгрались, огонь началъ гаснуть и нельзя было различать картъ.

— Надо нарубить дровъ,—сказалъ Гусенокъ, надкололъ топоромъ сосновый пенъ и сталъ загонять въ него клинъ; но дерево было узловато и не хотѣло колотиться, хотя Гусенокъ изъ всѣхъ силъ билъ топоромъ.

— Говорять, ты силенъ,—сказалъ онъ чорту,—засунь-ка сюда руки, вцѣпись когтями и раздери пенъ на двое, тогда и я скажу, что ты молодецъ. Чортъ такъ и сдѣлалъ: запустилъ обѣ лапы въ щель и сталъ тянуть изъ всѣхъ силъ; вдругъ Гусенокъ выбилъ клинъ и чортъ попался въ капканъ, а Гусенокъ сталъ пробовать обухъ топора на его спинѣ. Чортъ началъ жалобно-прежалобно проситься на волю, но Гусенокъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ, пока тотъ не пообѣщалъ никогда больше не приходить въ замокъ и не смущать его спокойствія. Кромѣ того онъ долженъ былъ пообѣщать еще выстроить мостъ черезъ Зундъ, да такой,—чтобы черезъ него можно было переправляться во всякое время года. Мостъ этотъ долженъ былъ быть готовъ не позже конца ледохода.

— Трудненькую задачу задать ты мнѣ!—сказалъ чортъ.

Но другаго исхода ему не было: коли хочешь на 'волю, обѣщай! Однако, чортъ ухитрился приэтомъ выговорить себѣ право заполучить первую душу, которая пойдетъ черезъ мостъ.

— Она послужить мостовой пошпиной, сказалъ онъ, ухмыляясь.

— Ладно,—согласился Гусенокъ. Затѣмъ онъ вышелъ и поспѣшилъ домой, легъ спать и спалъ до поздняго утра. Ког-

да пришелъ король посмотрѣть, изрубленъ-ли Гусенокъ на куски или только разорванъ на мелкія части, ему пришлось перебираться черезъ груды денегъ, лежавшихъ вокругъ постели Гусенка, а тотъ спалъ себѣ да похрапывалъ.

— Помилуй Боже меня и моихъ дочерей!—сказалъ король, увидавъ, что Гусенокъ еще живъ.

И точно все въ замкѣ обстояло благополучно и дѣло было изрядно обработано Гусенкомъ, никто не могъ отрицать этого. О свадьбѣ однако король говорить не хотѣлъ, пока не будетъ готовъ мостъ. Но вотъ въ одинъ прекрасный день мостъ оказался вполне готовымъ, самъ чортъ стоялъ на немъ и поджидалъ обѣщанную плату.

Гусенокъ предложилъ королю вмѣстѣ испробовать крѣпость моста, но у короля не было ни малѣйшей охоты къ этому. Тогда Гусенокъ сѣлъ на коня, бросилъ на переднюю луку жирную королевскую коровницу — та лежала пень пнемъ — и поѣхалъ съ грохотомъ по мосту.

— Гдѣ мостовая пошлина? Гдѣ душа?—закричалъ чортъ.

— А вотъ въ этомъ пнѣ; желаешь получить ее, такъ засунь въ пень кулаки и доставай!—сказалъ Гусенокъ.

— Ну, нѣтъ, покорнѣйше благодарю! Коли она сама ко мнѣ не жалуетъ, такъ и мнѣ ея не надо,—сказалъ чортъ,—разъ ты поймалъ меня въ тиски, другой разъ не поймаешь! и онъ полетѣлъ прямехонько домой къ чертовкѣ и съ тѣхъ поръ его видомъ не видано и слыхомъ не слыхано.

А Ворчунъ-Гусенокъ отправился въ столицу и потребовалъ награду, обѣщанную королемъ.

СЕДЬМОЙ ХОЗЯИНЪ ВЪ ДОМѢ

ШЕЛЪ разъ одинъ странникъ путемъ дорогою и приходитъ къ мызѣ — такой прекрасной, точно маленький замокъ.

«Хорошо здѣсь отдохнуть!» молвилъ онъ про себя, проходя въ ворота.

Во дворѣ съдой старикъ рубить дрова.

— Добрый вечеръ, батюшка! — обратился къ нему странникъ, — пустите меня переночевать.

— Я не хозяинъ тутъ, — сказалъ старикъ: — войди въ кухню и спроси моего отца.

Странникъ вошелъ въ кухню и увидѣлъ другаго старика, раздувавшаго огонь на очагѣ.

— Добрый вечеръ, батюшка! позвольте переночевать.

— Я не хозяинъ,—отвѣчалъ тотъ страннику;—спроси моего отца — онъ сидитъ въ комнатѣ у стола.

Приходитъ странникъ въ комнату,—у стола сидитъ старый, старый старикъ, весь трясется и дрожитъ, такъ что у него зубы стучать и читаетъ большую книгу, картавя и шепелявя, точно дитя.

— Добрый вечеръ, батюшка! позвольте переночевать.

— Я не хозяинъ,—въ домѣ; спроси у моего отца — онъ сидитъ вонъ тамъ на лавкѣ.

Подошелъ странникъ къ тому, что сидѣлъ на лавкѣ. Онъ былъ такой сгорбленный и такъ дрожали его руки, что онъ съ величайшимъ трудомъ набивалъ себѣ трубку.

— Добрый вечеръ, батюшка! пустите меня переночевать.

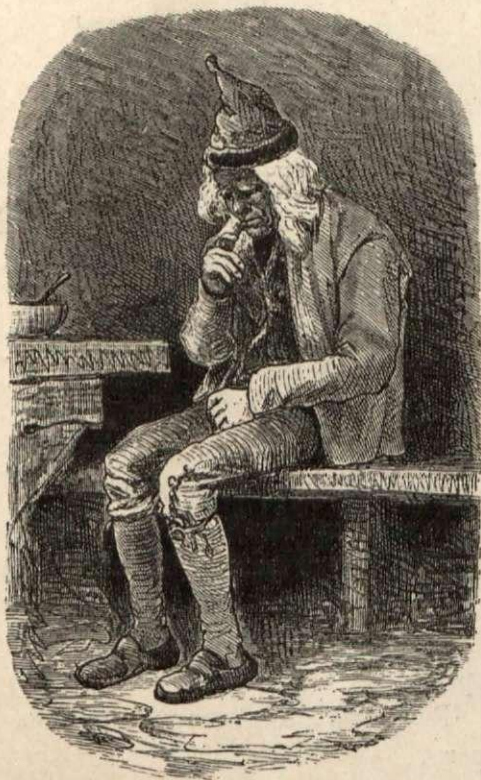
— Я не хозяинъ въ домѣ,—отвѣчалъ тотъ,—спроси у моего отца, что лежитъ въ постели.

А въ постели лежалъ такой дряхлый старикъ, что у него только и жизни осталось, что въ огромныхъ глазахъ.

— Добрый вечеръ, батюшка! пустите переночевать.

— Я не хозяинъ, спроси у моего отца, что лежитъ въ люлькѣ,—сказалъ старикъ съ огромными глазами.

Пошелъ странникъ къ люлькѣ; видитъ, тамъ лежитъ та-

кой древній человѣкъ, что отъ старости весь высохъ и казался не больше новорожденного ребенка; только по звукамъ, изрѣдка вылетающимъ изъ его горла, можно было замѣтить, что онъ живъ.

— Добрый вечеръ, батюшка! позвольте переночевать,— сказали странникъ.

Долго пришлось ему ждать отвѣта; наконецъ, старикъ прошепталъ:

— Я не хозяинъ въ домѣ, спроси у моего отца, что виситъ въ рогѣ на стѣнѣ.

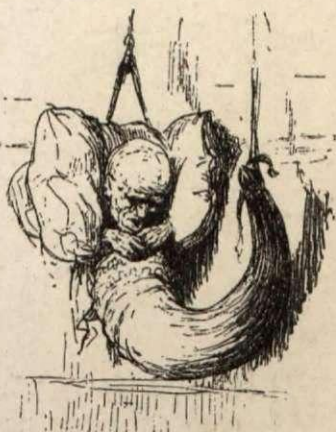
Поглядѣлъ странникъ кругомъ и видитъ — виситъ на стѣнѣ въ охотничьемъ рогѣ нѣчто похожее на человѣческій образъ. Жутко стало страннику и онъ громко вскричалъ:

— Добрый вечеръ, батюшка! позвольте переночевать.

Въ рогѣ что-то зажужжало, и странникъ съ трудомъ разслышалъ:

— Съ удовольствіемъ, дитя мое!

Въ ту-же минуту явился столъ, уставленный прекрасными кушаньями, пивомъ и водкою, а когда странникъ напился и наѣлся до сыта, явилась отличная постель съ оленьими одѣялами. Радъ былъ странникъ, что добрался-таки до настоящаго хозяина.

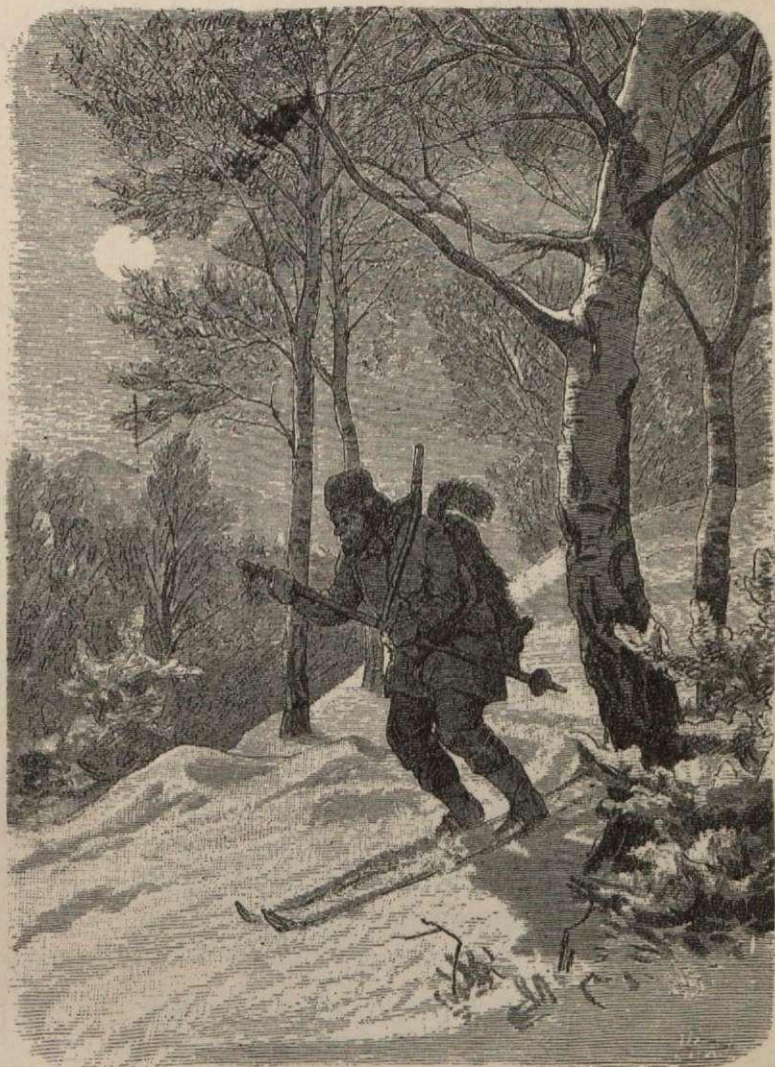

РАЗСКАЗЫ БЕРТЫ ТУШЕНХАУКЪ

ЛИСИЦА была убита, шкурка съ нея снята и мы весело справили по ней тризну у старосты. Принявъ въ соображеніе усталость послѣ цѣлаго дня охоты и мило пути до моего дома, мы распрощались, лишь только пробило одиннадцать часовъ. Староста любезно предложилъ мнѣ лошадь. Предложеніе во всѣхъ отношеніяхъ прекрасное, но такъ какъ проѣзжая дорога была вдвое длиннѣй пѣшеходной, я отказался и отправился на лыжахъ прямикомъ черезъ лѣсъ. Быстро мчался я съ ружьемъ и лисьей шкуркой за плечами да длиннымъ лыжнымъ багромъ въ рукѣ.

Дорога была прелестна; днемъ солнце грѣло и вечерній холодъ сдѣлалъ легкій настъ на глубокомъ снѣгу; на чистомъ небѣ сверкали звѣзды и сіялъ мѣсяцъ.

Чего-же лучшаго мнѣ было желать? Итакъ, я вихремъ

мчался по холмамъ, по долинамъ, сквозь лѣса стройныхъ березъ, гдѣ подъ воздушнымъ сверкающими сводами серебристыхъ вершинъ, всюду царила торжественная тишина, изрѣдка прерываемая злобѣщей болтовней совъ, пронзительнымъ крикомъ дравшихся лисицъ, да жалобами зайца.

Скоро меня догналъ какой-то господинъ, ѣхавшій въ легкихъ санкахъ. Я далъ ему дорогу, но онъ, увидавъ по ружью и лисьей шкуркѣ, что, я охотникъ, заговорилъ со мною и сказалъ, что если я быстро спущусь къ рѣкѣ, то навѣрное застану тамъ стадо волковъ; такъ какъ, взявъ на холмъ около болота, онъ видѣлъ, какъ они переходили по льду. Поблагодаривъ его за сообщеніе, я отправился по указанному направленію и скоро достигъ вершины холма, но не увидалъ ничего изъ за соснового лѣса, тянувагося оттуда до самого берега рѣки. Не отказываясь отъ своего намѣренія, я помчался внизъ по склону горы, поросшей лѣсомъ. Вѣтви, хлеставшія мнѣ въ лицо, и страшная быстрота бѣга не позволяли мнѣ ясно различать встрѣчные предметы. Прежде, чѣмъ я могъ что-либо сообразить, я налетѣлъ на пенъ, одна изъ лыжъ разлетѣлась въ дребезги и я растянулся на снѣгу.

Попробовалъ я встать, но почувствовалъ въ лѣвой ногѣ такую боль, что едва могъ ступить на нее. Кое какъ, на колѣнахъ добрался я до своего ружья, оба ствола котораго оказались забиты снѣгомъ, и только что успѣлъ спуститься до берега рѣки и притаяться за бугромъ, какъ на ледъ медленно вышло пять волковъ.

Съ нетерпѣніемъ истаго охотника сталъ я поджидать ихъ. Подпустивъ хищниковъ шаговъ на сорокъ, я надавилъ правый спускъ; но ружье дало осѣчку, надавилъ лѣвый — порохъ вспыхнулъ въ брандтрубкѣ, но выстрѣлъ оказался затычнымъ, картечь ударила въ вершину сосны,

стоявшей на противоположномъ берегу, а волки умчались полнымъ галопомъ.

Съ досадой поднялся я, опираясь кое-какъ на ружье и волоча больную ногу, дотащился до рѣки, что-бы сообразить, гдѣ именно нахожусь. Къ величайшему своему удовольствію я замѣтилъ поднимавшуюся надъ лѣсомъ на противоположномъ берегу струйку дыма. Между деревьями мелькала крыша дома.

Ну, слава Богу, знакомыя мѣста! Это Туппенгаукъ, домъ одного изъ работниковъ того имѣнья, гдѣ я живу. Съ величайшимъ трудомъ всползъ я шаговъ сто вверхъ по крутому холму, ободряемый веселымъ огнемъ очага, виднѣвшася въ окно, добрался до двери, толкнулъ ее и вошелъ,—такъ какъ былъ, съ ногъ до головы осыпанный снѣгомъ.

— Силы небесныя, кто это?—испуганно вскрикнула старая Берта, уронивъ бараній окорочекъ, который она рѣзала, сидя на скамейкѣ у очага.

— Добрый вечеръ, не бойся, Берта! Развѣ ты не узнала меня?—сказалъ я.

— Ахъ, это вы, господинъ студентъ! Поздненько же вы загулялись. А я, по правдѣ сказать, испугалась,—вы совсѣмъ бѣлый отъ снѣга, да и время-то глухое,—отвѣчала Берта Туппенгаукъ, подымаясь со скамейки.

Я рассказалъ ей свое непріятное приключеніе и попросилъ разбудить одного изъ мальчиковъ, чтобы послать въ имѣнье за лошадыю и санями.

— Ну, не правду-ли я говорила, что волкъ умѣетъ мстить,—проворчала старушка,—они тогда мнѣ не вѣрили, когда ставили на волковъ капканы,—а вотъ и Петръ въ прошломъ году сломалъ себѣ ногу... Теперь повѣрять! Да, да,—волкъ умѣетъ мстить. Еще хорошо,—прибавила она, направляясь въ уголъ къ стоявшей тамъ фамильной кровати, на которой вся семья храпѣла хоромъ,—еще хорошо, что

Нардигарды возили эти дни строевой лѣсъ, такъ что проѣздили черезъ лугъ дорогу.—Ну, Клейнъ-Ола, — обратилась она къ спавшему подростку, — вставай! Ступай за лошадей господину студенту! Да проснись-же, Клейнъ-Ола!

— Ха-а! — прогнулъ Клейнъ-Ола, перевертываясь на другой бокъ и засыпая слаще прежняго. Не тревожиться

же ему изъ-за такихъ пустяковъ, какъ больная нога господина студента.

Цѣлая вѣчность прошла, пока его добудились, пока онъ теръ себѣ глаза, зѣвалъ, потягивался, одѣвался и понялъ наконецъ—куда и зачѣмъ его посылають. Только обѣщанье хорошей награды немного прояснило его мысли и даже побѣдило страхъ къ березѣ, на которой повѣсился Ола Аскерудбрать и мимо которой лежалъ его путь.

Пока старая Берта торговалась со свѣтлокудырымъ юношей Клейнъ-Ола, я разсматривалъ внутренность хижины.

Чего-чего тутъ не было!—И ткацкій станокъ, и пралка, и обрубки, служившіе стульями, метлы, кадки, куры, на на-сѣстѣ за дверью, старый мушкетъ подъ крышей, попереч-ныя балки, съ сохнувшими на нихъ чулками,—да чего тутъ только не было!

Выпроводивъ, наконецъ, мальчишку, Берта вернулась и сѣла опять къ очагу. Она была въ своемъ праздничномъ нарядѣ, т. е. въ національномъ нарядѣ ея родины Хаделан-да, откуда она переселилась въ Ромерику. На ней была го-лубая, отороченная лентой, юбка, черная сборчатая кофта, чепчикъ съ фалборкой и длиннымъ вуалемъ сзади. Быст-рые, проницательные, но косо разставленные глаза, выдаю-щіеся скулы, широкій носъ и желтый цвѣтъ кожи прида-вали лицу Берты какое-то южное, чужеземное выраженіе и дѣлали ее очень похожей на вѣдму, что отчасти объясняло ея славу знаменитой заклинательницы на многія мили кру-гомъ.

Меня удивило то, что она еще не леглась спать и я спросилъ, не ждетъ-ли она гостей, такъ какъ и одѣта по праздничному.

— Нѣтъ,—отвѣчала она,—я, видите ли, господинъ сту-дентъ, только что вернулась домой, хотя меня довели почти до дому, я была въ Уллензогнѣ, гдѣ лечила одну женщину, заговаривала ее отъ чахотки, а потомъ меня позвали къ одному испорченному мальчику, пришлось лить для него оло-во,—такъ вотъ время-то и прошло, до поздняго вечера.

— Не умѣешь-ли ты лечить вывихи, Берта? — спросилъ я ее съ серьезнѣйшей миной.

— Хе-хе! И въ этомъ дѣлѣ я кое-что разумѣю; вѣдь Сири-Нордигарду только тогда и полегчало, когда я пришла, хоть и докторъ и мать Нордигарда помудрили таки надъ нимъ вволю, — отвѣчала она съ хитренькой улыбкой, — если

вамъ угодно, чтобы я васъ полечила, то, я думаю, вашей ногѣ не повредить, заговоренная водка.

— Ахъ, пожалуйста, — просилъ я съ коварнымъ намѣреньемъ подслушать какую нибудь ея тайну.

Берта вынула изъ полинялаго желтаго шкафа толстопузую каменную бутылку и рюмку на деревянной ножкѣ, — налила водку въ рюмку, поставила ее около себя у очага, а сама разстегнула мнѣ гамашъ и сняла сапогъ. Затѣмъ, начала креститься и шептать надъ водкой. Старушка была глуховата, она говорила все громче, и громче, такъ что мало-по-малу ея шепотъ сталновился все внятнѣе и я могъ разобратъ слѣдующее:

Сегодня я ѣхалъ чащей лѣсной,
Свихнулъ себѣ ногу мой конь вороной, —
Сложилъ я кровь съ кровью и мясо съ мясомъ,
И сталъ конь мой снова здоровъ, — молодцомъ.

Заклинанье оканчивалось четырьмя плевками, обращенными на всѣ четыре страны свѣта.

Въ жару заклинанья Берта встала, но потомъ опять сѣла на край очага и вылила водку мнѣ на больную ногу. Холодный спиртъ сейчасъ же произвелъ благодѣтельное вліяніе на воспаленное отъ ушиба мѣсто, пріятно охладивъ его.

— Мнѣ кажется, заклинаніе уже дѣйствуетъ, — сказала я, — какъ-же ты заговариваешь водку?

— Ну, нѣтъ, вамъ этого не нужно знать! А то еще пастору или доктору разболтаете, — сказала Берта, — и выйдутъ непріятности — и мнѣ, и тому, кто меня научилъ заговорамъ. А я поклялась своему учителю хранить тайну, да такъ страшно поклялась, что не дай Богъ еще разъ давать такіа страшныя клятвы.

— Значить, не стоитъ тебя объ этомъ и спрашивать, — сказалъ я, — но скажи мнѣ, если это тоже не тайна, кто

былъ твоимъ учителемъ? Должно быть какой нибудь знаменитый заклинатель?

— Да, истинный заклинатель былъ мой учитель! Это былъ мой дядя, братъ моей матери, Мадсъ изъ Хурдаля, — отвѣчала Берта. — Онъ умѣлъ заговаривать и нашепывать, останавливать кровь и находить краденное. Нечего грѣха таить, онъ и волшебствомъ занимался, и вредъ, и болѣзни умѣлъ иной разъ насылать. Онъ меня всему научилъ. Но какъ ни былъ онъ уменъ, а не сумѣлъ оградить самъ себя отъ колдовства!

— Какъ такъ? Развѣ онъ былъ околдованъ или попалъ въ руки вѣдьмы?

— Положимъ, этого съ нимъ не случилось, — отвѣчала Берта, — но разъ встрѣтилъ онъ въ лѣсу русалку и съ той поры долгое время былъ задумчивъ и грустенъ. Вы навѣрно не повѣрите моимъ словамъ, — прибавила она, испытующе взглянувъ на меня, — но я своими собственными ушами слышала, какъ дядя это рассказывалъ. Дядя Мадсъ жилъ въ Кне, въ Хурдалѣ, и часто рубилъ на горахъ лѣсъ, причемъ ему случалось оставаться тамъ по-нѣскольку дней. Тогда онъ устраивалъ себѣ шалашъ изъ сосновыхъ вѣтокъ, раскладывалъ передъ входомъ въ него огонь и спокойно проводилъ тамъ ночь. Какъ-то разъ Мадсъ работалъ въ лѣсу съ двумя товарищами. Поваливъ огромное дерево, онъ присѣлъ на пень отдохнуть, вдругъ видитъ — катится съ большаго камня клубокъ нитокъ и прямо ему въ ноги. Это ему показалось страннымъ и онъ сначала не рѣшался его поднять (и хорошо бы сдѣлалъ), да захотѣлось ему поглядѣть, — откуда явился клубокъ! Поднялъ онъ глаза, да такъ и ахнулъ — на камнѣ сидитъ дѣвушка ослѣпительной красоты... сидитъ это она и шьетъ.

«— Эй, какъ тебя! Принеси мнѣ мой клубокъ, — говорить она ему.

Мадсъ подаль ей клубокъ, да залюбовался ею такъ, что долго глазъ отъ нея не могъ отвести. Наконецъ, опомнился, схватилъ топоръ и снова принялся за работу; поработавъ

немного, онъ опять украдкой поглядѣлъ въ сторону красавицы, но она исчезла.

Цѣлый день мечталъ объ ней Мадсъ, а вечеромъ, только его товарищи заснули, красавица явилась и увела Мадса за собою въ пещеру утеса, въ которой она жила. И какое-

тамъ было великолѣпіе!... Мадсъ во всю жизнь ничего подобнаго не видываль.

Женившись на красавицѣ, дядя Мадсъ въ волшебномъ дворцѣ пропироваль три дня безъ просыпу, только на четвертое утро проснулся, глядь, а онъ опять у себя въ хижинѣ и лежитъ между товарищами. Максъ ничего имъ не сказалъ о своей женитьбѣ, да и они его не спрашивали, думая, что онъ отлучался домой за съѣстными припасами.

Только съ этихъ поръ съ нимъ сдѣлалось что то неладное: сидить, бывало, спокойно,—да вдругъ какъ вскочить, сдѣлаетъ нѣсколько прыжковъ и убѣжить.

Много времени спустя рубилъ какъ-то разъ дядя Мадсъ въ лѣсу колья для изгороди. Только забилъ онъ клинъ въ срубленный стволъ дерева, да такъ ловко, что расщепилъ его во всю длину; вдругъ видитъ—идетъ его жена-русалка, несетъ ему въ блестящемъ, какъ серебро, ведрѣ обѣдъ — похлебку изъ сметаны, и такую жирную, да вкусную, что просто прелесть! Она сѣла на срубленный стволъ, а Мадсъ помѣстился рядомъ на пнѣ, и только хотѣлъ онъ приняться за обѣдъ, какъ видитъ что въ щель ствола, на которомъ сидитъ его жена, высунулся кончикъ ея хвоста.

Проворно и осторожно выбилъ дядя клинъ такъ, что защемилъ хвостъ въ стволъ, и затѣмъ начертилъ крестъ на ведрѣ. Въ ту-же минуту жена вскочила, оторвала себѣ хвостъ и убѣжала, а ведро превратилось въ корзинку изъ бересты, въ которой лежала всякая гадость. Съ той поры Мадсъ почти не заглядываль въ лѣсъ, боясь мести своей жены.

Лѣтъ черезъ пять пришлось ему идти въ лѣсъ на поиски пропавшей лошади. Самъ не понимая какимъ образомъ, очутился онъ у окна хижины, въ которой хозяйничала какая-то безобразная женщина, а въ углу сидѣлъ ребенокъ лѣтъ четырехъ. Вдругъ видитъ Мадсъ, женщина подастъ ребенку кружку пива и говорить:

«— Вынеси-ка пивца твоему отцу, онъ стоитъ подъ окномъ»

Мадсъ такъ испугался, что убѣжалъ безъ оглядки, и хотя послѣ этого не слыхалъ ни о женѣ, ни о ребенкѣ, но во всю свою жизнь остался какимъ-то мудренымъ.

— Да должно быть, онъ просто такъ дуракомъ и родился, твой дядя Мадсъ Кне,—сказалъ я,—и едва-ли онъ смыслить что-нибудь въ заговорахъ, если самъ себя не могъ хорошо защитить! Но все-же исторія про клубокъ очень мнѣ нравится.

Берта согласилась со мною, хотя продолжала увѣрять, что такого колдуна, какъ Мадсъ Кне и не было, и не будетъ.

Я попросилъ Берту принести мнѣ мой ягдташъ и, доставъ оттуда трубку, приготовился слушать далѣе ея рассказы. Она снова начала:

— Въ доброе старое время жители Мельбуштадта гоняли скотъ пастись на горные луга въ Халландъ.

Разъ лѣтомъ скотъ, пасшійся тамъ, сталъ такъ безпокоенъ и дикъ, что просто сладу съ нимъ не было. Многіе пастушки напрасно старались пасти его, пока не пришла туда одна дѣвушка, только что передъ тѣмъ просватанная. Съ ея приходомъ скотина успокоилась и пасти ее стало такъ легко, что дѣвушка рѣшилась остаться тамъ одна одинопенька со своей вѣрной собакой.

Разъ сидитъ она послѣ полудня у себя въ хижинѣ; видѣть—подѣхалъ и входитъ ея женихъ. Съѣлъ женихъ подлѣ нея и сталъ ей говорить, что сегодня назначена ихъ свадьба. Молчитъ дѣвушка, страшно и жутко у нея на сердцѣ. Вотъ ужъ и побѣжане наѣхали, и стали накрывать на столъ, устанавливать его серебромъ и всякими кушаньями; подружки внесли невѣстины уборы—платье и вѣнецъ. Убрали ее, на дѣли ей вѣнецъ на голову, по тогдашнему обычаю, а руки унизали кольцами. Всѣ люди казались ей знакомыми, все это были сосѣди и сосѣдки, но вѣрный песъ ея почуялъ, что дѣло не ладно, побѣжалъ въ Мельбуштадтъ, вылъ и лаялъ

тамъ, не давая людямъ покоя до тѣхъ поръ, пока не пошли за нимъ.

Женихъ дѣвушки тотчасъ взялъ ружье и отправился на горный лугъ Халланда. Не доходя хижины, увидѣлъ онъ множество стоявшихъ осѣдланыхъ лошадей. Онъ тихо подкрался, посмотрѣлъ въ щелку двери и увидѣлъ пировавшихъ.

Ясно было что это духи и вѣдьмы; поэтому женихъ, не долго думая, выстрѣлилъ въ потолокъ. Въ ту-же минуту дверь распахнулась и кучи клубковъ, одинъ больше другаго, покатались ему подъ ноги; но онъ, не обращая на нихъ вниманія, вошелъ въ комнату и увидѣлъ свою невѣсту въ полномъ подвѣчномъ нарядѣ, — ей недоставало еще только лишь одного вѣнчальнаго колечка на мизинцѣ.

— Скажи, ради Христа, что тутъ такое? — спросилъ женихъ, озираясь кругомъ.

Серебряная посуда еще стояла на столѣ, только всѣ кушанья и сласти превратились въ мохъ, навозъ, лягушекъ и жабъ.

— Что все это значитъ, отчего ты въ брачномъ уборѣ?

— Какъ можешь ты меня объ этомъ спрашивать? — возразила дѣвушка, — когда ты самъ уговорилъ меня сегодня вѣнчаться и все время сидѣлъ тутъ!

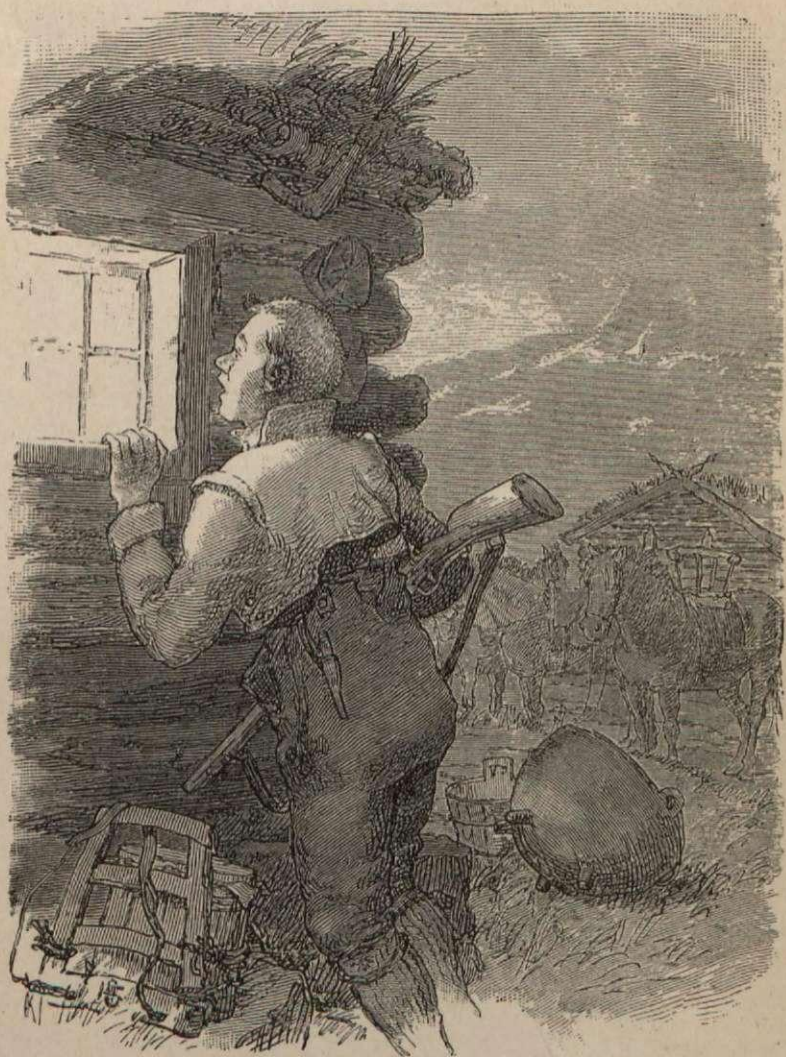
— Какъ это я сидѣлъ тутъ?! Да вѣдь я только что пришелъ сюда! Должно быть, какой нибудь духъ принялъ мой образъ.

Мало-по-малу пришла въ себѣ невѣста, рассказала обо всемъ и женихъ тотчасъ-же увезъ ее, а чтобы духи опять не сыиграли съ ними такой-же штуки, они взяли да поскорѣе и обвѣнчались.

Вѣнецъ же и все серебро до сихъ поръ у нихъ.

— Я слышалъ, что все это произошло именно такъ, да только не въ Халландѣ, а въ Вальдерсѣ, — замѣтилъ я Бертѣ, желая ее посердить.

— Нѣтъ, нѣтъ, — возразила она, — тамъ была подобная

исторія, но не эта, — да вотъ, судите сами. Въ Вальдерсѣ жила дѣвушка по имени Барбро. Разъ, когда она работала на горномъ лугу, слышитъ она, что въ горѣ кто-то кричитъ:

«— Король Хакенъ, король Хакенъ!

«— Я тутъ,—отвѣчалъ король Хакенъ, да такъ, что эхо кругомъ раскатилось.

«— Король Хакенъ, сынъ мой, не хочешь-ли жениться?

«— Хочу!—отвѣчалъ король Хакенъ,—но не иначе какъ на Барбро!

«— Хорошо, сынъ мой, мы это дѣло устроимъ,—послышался отвѣтъ, до того испугавшій Барбро, что у ней ноги подкосились.

Тотчасъ явилось множество людей съ кушаньями на серебряныхъ блюдахъ и напитками въ серебряныхъ кубкахъ, съ брачнымъ нарядомъ, вѣнцомъ и ожерельемъ.

Они начали готовить пиръ и наряжать Барбро, а та, отъ страху, пальцемъ шелохнуть не можетъ.

У Барбро былъ женихъ и онъ въ тотъ день охотился не далеко въ горахъ, но на него напала такая тоска, что онъ поспѣшилъ на нагорный лугъ къ Барбро. Пришелъ туда, увидѣлъ множество черныхъ лошадей со старинными сѣдлами и понялъ, что тутъ дѣло нечисто.

Зарядилъ онъ ружье серебряной прадѣдовской пуговицей, подкрался къ окну и видитъ—рядомъ съ королемъ Хакеномъ сидитъ его невѣста, а дѣвушки кончаютъ ее наряжать.

— Теперь остается только ей глаза отвести, — говорятъ онѣ.

Услыша это, женихъ прицѣлился и убилъ короля Хакена наповаль. Въ ту-же минуту присутствующіе схватили короля Хакена и убѣжали. Всѣ яства и питья превратились въ разную гадость, — лягушекъ и змѣй, которыя запрыгали и расползлись по щелямъ. Остались цѣлыми только

нарядъ невѣсты, да серебряное блюдо, что до сихъ поръ хранится у внуковъ Барбро.

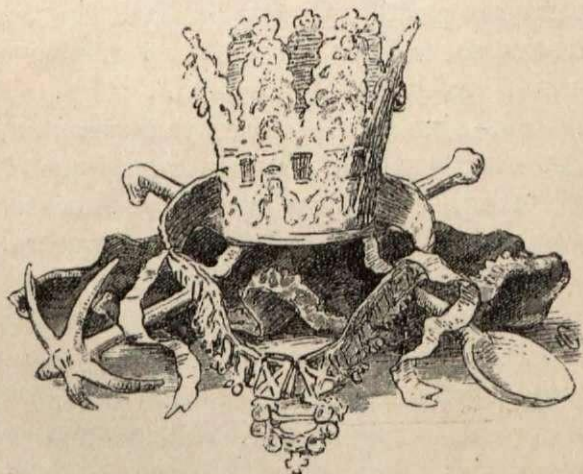
Много Берта рассказывала... всего и не припомню, — пока послышался, наконецъ, у крыльца скрипъ подъѣхавшихъ саней и фырканье лошади.

Подаривъ Бертѣ нѣсколько шиллинговъ, я простился съ нею и черезъ четверть часа былъ дома. Холодные компрессы скоро исцѣлили мой вывихъ, такъ что, когда черезъ нѣсколько дней Берта посѣтила меня и хвасталась на кухнѣ своимъ чудеснымъ заговоромъ отъ вывиха, дѣти не выдержали и съ хохотомъ спѣли ей хоромъ ея знаменитые стихи:

Сегодня я ѣхалъ чащей лѣсной,
Свихнулъ себѣ ногу мой конь вороной;
Сложилъ я кровь съ кровью и мясо съ мясомъ,
И сталъ конь мой снова здоровъ, — малодцомъ.

Она, сначала, сильно обидѣлась, но вскорѣ мы помирились и она часто потомъ рассказывала чудесныя исторіи, хотя я и продолжалъ постоянно подтрунивать надъ нею.

Однако мнѣ больше не удалось выманить у нея ни одной тайны ея колдовства.

О КУЗНЕЦѢ, КОТОРАГО НЕ ПРИНЯЛИ ВЪ АДѢ

СТРАНСТВОВАЛИ по землѣ калики-перехожіе и пришли къ кузницѣ, надъ дверью которой крупными буквами было написано: «*Здѣсь живетъ мастеръ надъ всеми мастерами*». Хозяинъ этой кузницы продалъ душу чорту и обязался сдать ее черезъ семь лѣтъ, а на все это время чортъ долженъ былъ сдѣлать его мастеромъ надъ мастерами въ кузнечномъ искусствѣ. Вотъ прочелъ одинъ изъ каликъ вывѣску эту, входитъ въ кузницу и спрашиваетъ мастера:

— Какъ тебя звать?

— А поди и прочитай, что написано надъ дверью, а коли читать не умѣешь, подожди, пока кто-нибудь грамотный придетъ, — отвѣчалъ кузнецъ.

Не успѣлъ онъ это выговорить, какъ приходитъ человекъ и проситъ подковать ему лошадь.

— Не позволишь-ли ты мнѣ это сдѣлать?—спрашиваетъ одинъ изъ каликъ-перехожихъ.

— Что-жь, попробуй!—говорить кузнецъ:—если и напортишь, такъ я здѣсь на то, чтобъ исправить.

Калика подошелъ къ лошади, отнялъ прочь у ней переднюю ногу, положилъ въ горнъ, раскалилъ подкову, заострилъ шипы, вбилъ гвозди и снова приставилъ ногу на мѣсто. Такимъ же способомъ онъ распорядился и съ остальными ногами.

— Не дурно подковываешь ты коней!—воскликнулъ мастеръ, когда онъ кончилъ.

— Неужели!—сказалъ калика переходжій. Вскорѣ вошла въ кузницу мать кузнеца — древняя-преддревняя старушка, сгорбленная въ три погибели, все лицо въ морщинахъ, едва ноги волочить. Пришла она звать сына домой обѣдать.

— Смотри хорошенько, что я дѣлать стану,—сказалъ калика-перехожій.

Взялъ онъ старуху, положилъ въ горнъ и выковалъ изъ нея прелестную молодую дѣвушку.

— Не говорилъ-ли я, что ты кузнецъ хоть куда,—сказалъ мастеръ. —У меня вывѣска: *здѣсь живетъ мастеръ надъ мастерами*, а мнѣ все-таки не худо у тебя поучиться, видно, по пословицѣ: *вѣкъ живи, вѣкъ учи*!—И онъ, махнувъ рукой, пошелъ домой обѣдать.

Когда онъ вернулся, привели подковать другую лошадь.

— Теперь я ее живо обработаю!—сказалъ кузнецъ:—не даромъ выучился я ковать по новому способу,—скорехонько и хорошихонько, много времени не потрачу; только я не стану возиться съ каждой ногой поочереди, а всѣ подкую сразу.

И онъ принялся рѣзать и ломать ноги лошади, пока всѣхъ не отнялъ. Затѣмъ, онъ положилъ ихъ въ горнъ, какъ дѣлалъ это калика-перехожій, прибавилъ углей и велѣлъ

подмастерьямъ хорошенько дуть. Но, какъ и слѣдовало ожидать, лошадиныя ноги сторѣли и заплатилъ онъ немало за лошадь хозяину ея. Кузнецу это пришлось не по вкусу, да дѣлать нечего! Выглянулъ онъ изъ кузницы, видитъ, проходитъ мимо старая нищенка. «Коли одна штука не вышла, авось другая выйдетъ», подумалъ онъ, схватить старуху и закинуть въ огонь, какъ та ни плакала и ни молила.

— Дура, для твоего-же добра стараюсь!—говорилъ онъ, пихая ее: —сейчасъ мы сдѣлаемъ изъ тебя молоденькую дѣвушку, да притомъ-же ни гроша за работу не возьмемъ.—

И тутъ кузнецу не повезло: несчастная старуха сторѣла, какъ лошадиныя ноги.

— Непохвально поступаешь! — сказалъ калика-перехожій.

— Ну, объ ней-то никто жалѣть не станетъ,—отвѣчалъ кузнецъ. — Не въ томъ дѣло, а бѣда въ томъ, что чортъ не исполняетъ того, что написано на вывѣскѣ.

— Хочешь, я исполню твои три желанія, — сказалъ калика-перехожій, — ну-ка скажи, чего-бы ты пожелалъ?

— Обѣдай исполнить, тогда и увидишь!—отвѣчалъ кузнецъ. Калика обѣщалъ.

— Перво-наперво, — сказалъ кузнецъ, —сдѣлай такъ: кому я велю влѣзть на грушу, что растетъ у кузницы, тотъ пусть и сидитъ тамъ, пока я самъ не позволю слѣзть. Еще хочу я, чтобы кто ни попросится сѣсть на стулъ въ кузницѣ, пусть не сможетъ встать, пока самъ не скажу ему встать. Еще хочу, чтобъ могъ я посадить человѣка въ этотъ кошель изъ стальныхъ колечекъ, и пусть сидитъ онъ тамъ, пока я не позволю вылѣзть.

— Вотъ вздоръ-то придумалъ:—замѣтилъ другой изъ каликъ переходящихъ, —надо-бы прежде всего Божьяго милосердія тебѣ попросить.

Но первый калика сказалъ кузнецу:

— Будь по твоему желанію! — И пошли калики-перехожіе своимъ путемъ-дорогою.

Время шло тихо, но все подвигалось; наступилъ срокъ договора съ чортомъ, и онъ явился за кузнецомъ.

— Что, готовъ?—спросилъ чортъ, пріотворивъ дверь въ кузницу и всунувъ въ щель носъ свой.

— Постой, вотъ сейчасъ выкую головку этому гвоздю,—сказалъ кузнецъ,—а покуда я кую, полѣзай на мою грушу и нарви себѣ плодовъ; ты вѣрно хочешь пить послѣ такой даль-ней дороги.

Чортъ поблагодарилъ и залѣзъ на дерево.

— Эка напасть!—крикнулъ ему кузнецъ:—а мнѣ вѣдь съ гвоздемъ-то раньше четырехъ лѣтъ не справиться,—желѣзо чертовски твердо. Какъ-же тебѣ быть-то? Ты вѣдь не можешь слѣзть до тѣхъ поръ, пока я не кончу. Нечего дѣлать, посиди и отдохни.

Чортъ завертѣлся такъ и этакъ. Никакъ ему не слѣзть, и сталъ онъ униженно проситься на волю. Ничего не помогаетъ. И пришлось ему пообѣщать не приходить за кузнецомъ еще четыре года.

— Слѣзай!—крикнулъ ему кузнецъ.

Прошло обѣщанное время, и чортъ снова явился.

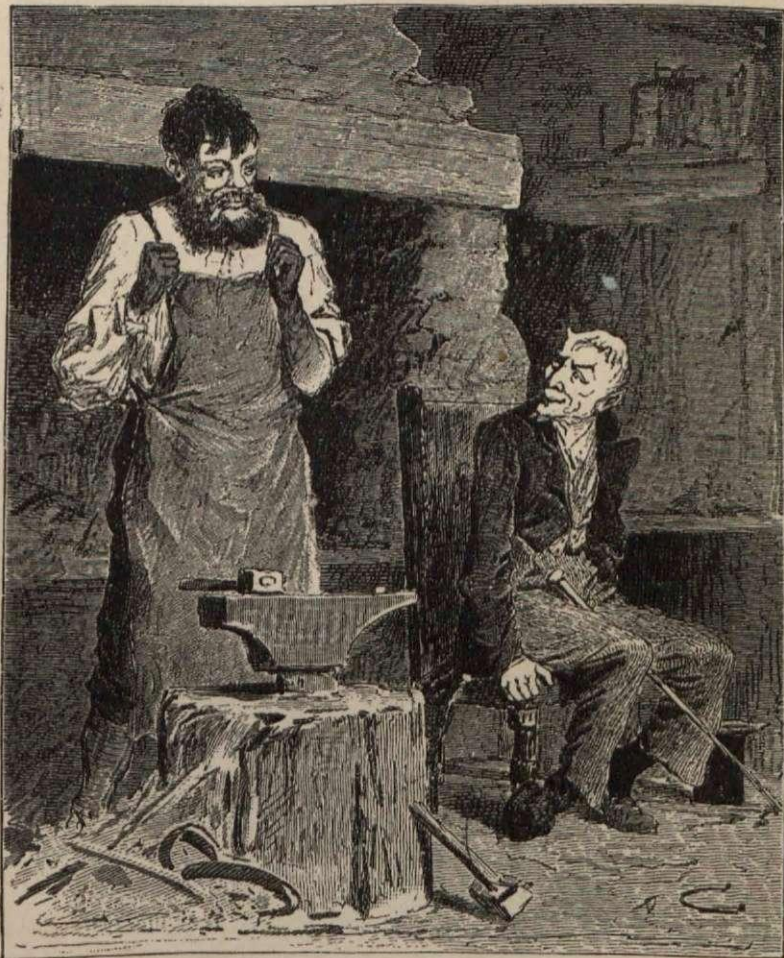
— Ну что-жь, готовъ?—спрашиваетъ:—я думаю, у тебя было достаточно времени сковать головку гвоздя.

— Головку-то я кончилъ,—сказалъ кузнецъ,—да вотъ не успѣлъ я еще заострить конецъ; удивительно жесткое желѣзо! Дай мнѣ доковать, а ты пока присядь на мой стулъ и отдохни, вѣрно изнурился.

— Спасибо,—сказалъ чортъ и сѣлъ.

Не успѣлъ онъ порядкомъ отдохнуть, какъ кузнецъ говорить:

— Что за диво, никакъ съ гвоздемъ не справлюсь,

еще, кажись, четыре года провозиться надъ нимъ придется, а ты пока посиди тутъ, на моемъ стулѣ.

Чортъ хотеть вскочить и не можетъ. Ужь онъ вертѣлся, вертѣлся,—ничто не помогаетъ! И давай онъ ласково упрасивать кузнеца позволить ему встать, а тотъ и не слушаетъ. Чортъ разсердился и ну ругаться. А кузнецъ ему говорить:

— Развѣ моя вина, что желѣзо такъ твердо? Ну что тебѣ посидѣть-то, на стулѣ вѣдь покойно. И всего-то четыре годика посидишь, а тамъ снова встанешь.

Нечего было дѣлать: чортъ обѣщаль дать ему отсрочку еще на четыре года; кузнецъ пустилъ его, и онъ удраля во всѣ лопатки.

Черезъ четыре года снова приходитъ чортъ за кузнецомъ.

— Что, готовъ? — спрашиваетъ онъ кузнеца, просунувъ носъ въ щелку двери.

— Какъ есть въ аккуратѣ! — отвѣчаетъ кузнецъ: — велишь тотчасъ идти — идемъ. Только вотъ что, давно ломаю я себѣ голову надъ одной штукой, хотѣлъ было спросить тебя, а ты тутъ и самъ пришелъ. Правда ли, что чортъ, какъ говорятъ люди, можетъ сдѣлаться самымъ крохотнымъ?

— Правда-то оно, правда, да только все это къ дѣлу не относится! — отвѣчалъ чортъ.

— А видишь-ли, я хотѣлъ просить тебя объ одной услугѣ: залѣзай въ этотъ стальной кошелекъ и провѣрь, цѣло ли дно: я боюсь, какъ бы дорогой не растерять денегъ.

— Ладно, — сказалъ чортъ, сжался въ комочекъ и залѣзъ въ кошелекъ, а кузнецъ тотчасъ его захлопнулъ.

— Эй, слушай, онъ вездѣ цѣль! — закричалъ чортъ изъ кошелька.

— Такъ и надо! — сказалъ кузнецъ. — Однако бережного Богъ бережетъ. Чтобъ какъ-нибудь не разошлись ко-

лечки, нехудо спаять ихъ покрѣпче. И онъ бросилъ кошелекъ въ горнъ и сталъ его накаливать

— Ай, ай! съ ума ты, что-ли, сошелъ! Я еще въ кошелькѣ!—кричалъ чортъ.

— Ну, жаль мнѣ тебя, а помочь не могу, старая пословица говорить: «куй желѣзо, пока горячо».—И, взявъ молотъ, онъ положилъ кошелекъ на наковальню и загремѣлъ по немъ изо всѣхъ силъ.

— Ай, ай, ай!—вопилъ чортъ въ кошелькѣ:—голубчикъ, выпусти, я никогда больше къ тебѣ не приду!

— Готово, — говоритъ кузнецъ:—спаялъ всѣ колечки,—можешь вылѣзть!

Онъ открылъ кошелекъ, и чортъ умчался безъ оглядки.

Тутъ кузнецъ спохватился, хорошо ли онъ сдѣлалъ, что обозлилъ чорта. — «Что, если я не попаду въ рай? — раздумывалъ онъ,—останусь тогда ни при чемъ. Глупо я распорядился, право глупо. Чортъ вѣдь хозяинъ ада». Порѣшилъ кузнецъ тутъ какъ можно скорѣй пристроиться либо въ адъ, либо въ рай, чтобы, по крайней мѣрѣ, выяснить дѣло. И вотъ онъ взвалилъ на плечо большой молотъ и отправился въ путь.

Скоро добрался онъ до распутия, гдѣ раздѣляются дороги въ адъ и въ рай. Тутъ онъ догналъ портняжного подмастерья, который тихонько плелся съ утюгомъ въ рукѣ.

— Здравствуй, — сказалъ кузнецъ:—ты куда?

— Въ рай, если только пустятъ, — отвѣчалъ портной,—а ты?

— Въ рай мнѣ не попасть, такъ я прямо въ адъ иду, — сказалъ кузнецъ;—ужъ и раньше того я былъ немного знакомъ съ чортомъ.

Они распрощались и пошли каждый своей дорогой. Но кузнецъ,—здоровенный мужчина,—шагалъ гораздо проворнѣе портнаго и скоро достигъ воротъ ада. Тутъ онъ обратился

къ часовому и попросилъ доложить, что нѣкто желалъ бы сказать чорту парочку словъ.

— Поди и узнай, кто этотъ *нѣкто*,—сказалъ чортъ часовому.

— Кланяйся чорту,—сказалъ кузнецъ часовому,—и скажи, что пришелъ кузнецъ, у котораго былъ кошелекъ... ужь онъ знаетъ... да скажи, что я его очень прошу поскорѣй меня впустить, потому что я сегодня коваль съ утра до обѣда, да еще порядочный кусокъ дороги отмахалъ.

Когда часовой передалъ отвѣтъ, чортъ приказалъ запереть адскія ворота на всѣ девять запоровъ.

— Да нацѣпи еще висячій замокъ,—прибавилъ чортъ:—потому что, если проклятый кузнецъ заберется сюда, онъ перевернетъ кверху дномъ весь адъ нашъ.

— Стало быть, не пускаютъ,—рѣшилъ кузнецъ, слыша, какъ изнутри запирали адскія ворота:—нечего дѣлать, попытаемся пробраться въ рай!

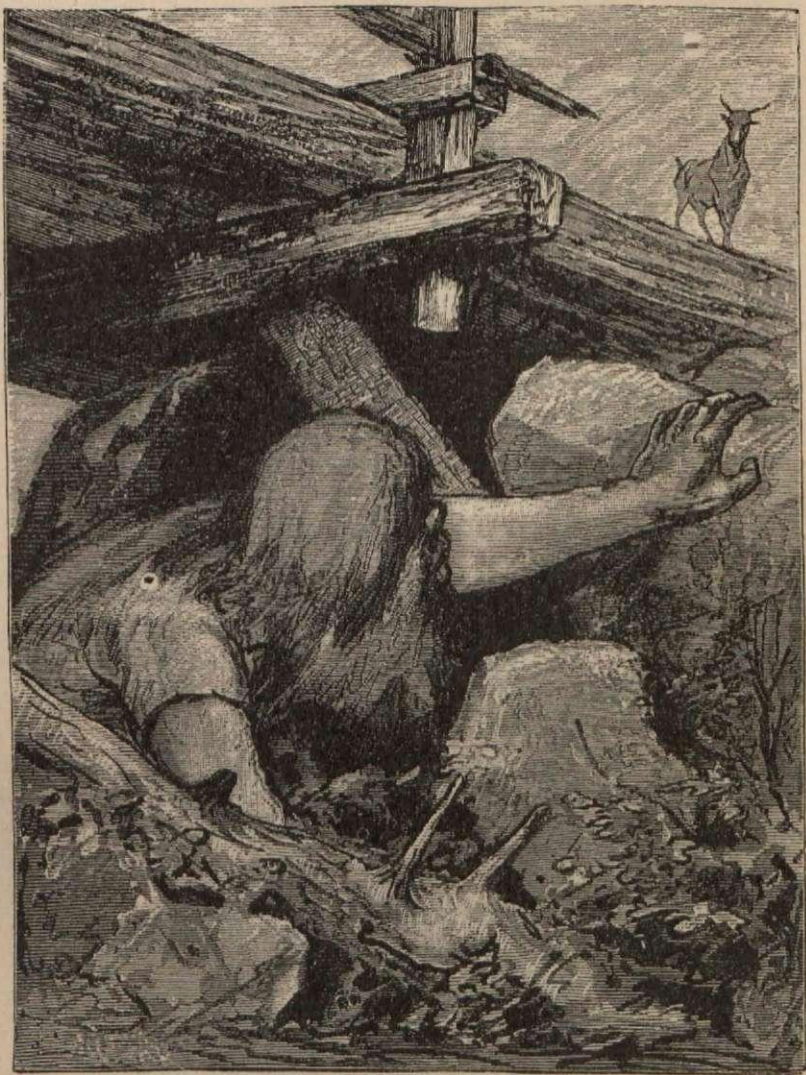
Если кузнецъ не попалъ затѣмъ въ рай, ужь я и не знаю, куда онъ дѣвался.

КАКЪ ТРИ КОЗЛА ШУМИЛЫ ПОШЛИ ГУЛЯТЬ ВЪ ГОРЫ

ЖИЛИ были три козлика; всё трое одинаково назывались Шумилами и всё трое сговорились пойдти въ горы погулять, травы пощипать. Встрѣтился имъ на пути мостъ, переброшенный черезъ горный потокъ, а подъ этимъ мостомъ жилъ большой, противный Троль (горный духъ), съ глазами, похожими на оловяныя тарелки, и съ носомъ, точно ручка отъ граблей.

Первымъ взошелъ на мостъ младшій козель Шумило.
«Трикъ, тракъ!» прозвучало по мосту.

— Кто тамъ топчется на моемъ мосту?—закричалъ Тролль.

— Это я, младшій козель Шумило; мы идемъ гулять въ горы,—отвѣчалъ козликъ тоненькимъ голосомъ.

— Постой-же, вотъ я тебѣ поймаю!—проговорилъ Тролль.

— Ахъ, не лови меня! Я еще такой маленькій; подожди немного — сейчасъ придетъ другой козель Шумило, побольше меня.

— Ну, ладно? — рѣшилъ Тролль.

Проходить черезъ нѣсколько времени другой козель Шумило и хочетъ перейти черезъ мостъ, только ступилъ — «трикъ, тракъ!»

— Кто тамъ топчется? — опять кричалъ Тролль.

— Это я, козель Шумило, иду въ горы гулять,—отвѣчалъ козель ужъ не такимъ нѣжнымъ голосомъ, какъ первый.

— погоди, я сейчасъ тебя поймаю, — сказалъ Тролль.

— Ахъ, не лови меня! Подожди немного, сейчасъ придетъ старшій козель Шумило; онъ гораздо больше меня.

Немного времени спустя приходитъ старшій Шумило. Онъ былъ такъ тяжелъ, что весь мостъ затрепалъ и заскрипѣлъ.

— Кто тамъ топаетъ у меня на мосту,—завопилъ Тролль.

— Это я, старшій козель Шумило, — отвѣчалъ козель грубымъ голосомъ.

— Ну, такъ я тебя сейчасъ поймаю!—отвѣчалъ Тролль.

— Нечего хвастать, подъ мостомъ прячась! Иди-ка сюда на мостъ, коль не жалъ тебѣ глазъ своихъ! Живаго не выпущу: попадешь мнѣ прямо на рога!—насмѣшливо сказалъ козель. Тутъ онъ бросился на противнаго горнаго Тролла, выкололъ ему глаза, пробилъ голову, сломалъ ноги и сбросилъ съ моста въ горный потокъ, а самъ пошелъ съ другими козликами въ горы.

Тамъ они нагулялись и разжирѣли. Если-же не похудѣли, то и до сихъ поръ такіе-же толстые.

ПЕТРЪ ГИНТЪ

ДАВНЫМЪ давно жилъ въ Квамъ стрѣлокъ, по имени Петръ Гинтъ. Онъ постоянно странствовалъ по горамъ и билъ оленей да медвѣдей въ дремучихъ лѣсахъ, которые тогда покрывали горы.

Разъ позднею осенью, когда уже почти весь скотъ сведенъ былъ въ долину, забрался Петръ въ горы, гдѣ оставались три пастуха. Къ ночи достигъ онъ до Хеврингъ-Альпа *) гдѣ собирався переночевать въ пастушеской хижинѣ. Темъ была страшная, а собаки его такъ и заливались лаемъ. Вдругъ наткнулся онъ на что-то большое, холодное и скользкое, такъ что не могъ понять сразу, что это такое. Однако онъ ни мало не испугался.

— Кто тутъ! — спросилъ онъ, чувствуя какъ это нѣчто движется.

— Это я *Хромой*, — послышался отвѣтъ.

Петръ и не зналъ какой такой хромой. Свернулъ онъ въ сторону и рѣшилъ обойти невѣдомаго хромого, но немного пройдя, опять на него наткнулся.

— Кто тутъ? — спросилъ Петръ-Гинтъ.

— Э, да все я-же — *Хромой*, — былъ отвѣтъ.

— Хромой ты или нѣтъ, пропусти-ка меня лучше, —

*) *Альпомъ* называютъ въ Норвегii горное пастбище

Прим. перев.

сказаль Петръ, сообразивъ, что это горный духъ не пускаетъ его въ хижину.

Хромой посторонился, и Петръ вошелъ въ хижину, но тамъ было не свѣтлѣе, чѣмъ снаружи, и, когда Петръ сталъ ощупывать стѣны, ему поналось подъ руки все тоже холодное и скользкое тѣло.

— Кто это? опять? — спросилъ онъ.

— Да, все я-же — *Большой-Хромой*,

Куда Петръ ни сунется, такъ вотъ и чувствуетъ, словно кто его обхватываетъ.

«Тутъ дѣло неладно, — подумаль Петръ, — но я тотчасъ положу конецъ всѣмъ этимъ штукамъ!»

Взявъ онъ ружья, подошелъ къ двери и сталъ ощупью искать шею страннаго хромаго.

— Что-же ты за штука?

— Я — *Большой-Хромецъ* изъ Этнедаля, — отвѣчалъ духъ.

Петръ, сообразивъ, гдѣ его голова, приложился — трахъ! и прострѣлилъ ему ее три раза.

— Стрѣлай еще разъ! — закричалъ духъ, но Петръ отлично зналъ, что выстрѣли онъ еще разъ — всѣ пули вернутся къ нему. Затѣмъ Петръ съ помощью собакъ оттащилъ большого духа на дорогу и спойконо вошелъ въ хижину. Вдругъ по сосѣднимъ горамъ пошелъ гамъ и хохотъ. Наконецъ какой-то голосъ крикнулъ: — Петръ побѣдилъ, но только благодаря собакамъ!

На другое утро Петръ отправился на охоту и увидѣлъ на вершинѣ горы дѣвушку, пасшую стадо овецъ и козъ. Но едва только онъ приблизился, она исчезла, а на томъ мѣстѣ очутилось стадо медвѣдей.

— Никогда не видывалъ я, чтобы медвѣди ходили стадами, — подумалъ Петръ и сталъ подбираться къ нимъ, но они тоже исчезли, а въ ближней горѣ послышался крикъ:

— Береги свою свинью: Петръ Гинтъ идетъ съ ружьемъ.

— Моей свинѣ ничего не будетъ, а Петру плохо придется онъ сегодня не мылся, — послышался отвѣтъ.

Быстро вымылъ Петръ руки водой изъ своей фляжки, выстрѣлилъ въ медвѣдей и убилъ одного.

А въ горѣ такъ и залились хохотомъ:

— Ну, сберегъ-же ты свою свинью! Ты и не подумалъ, что у Петра вода съ собой взята.

Петръ снялъ съ медвѣдя шкуру съ головой, а тушу завалилъ камнями и отправился домой, но на дорогѣ встрѣтилъ горную лисицу.

— Вишь-ты, ягненокъ, какой сталъ ты жирный! — крикнулъ голосъ въ горѣ.

— Берегись лучше, видишь, какъ Петръ высоко держитъ свой хвостъ, — послышалось въ отвѣтъ.

Въ это время Петръ скидывалъ ружье; онъ прицѣлился и

убилъ лису. Поступивъ съ лисицей точно также, какъ съ медвѣдемъ, онъ вернулся въ пастушью хижину и укрѣпилъ головы медвѣдя и лисы съ разинутой пастью около двери, а шкурами затянулъ и дверь, и всѣ отверстія хижины. Потомъ развелъ огонь и началъ варить супъ, но дымъ такъ страшно ѣлъ ему глаза, что онъ принужденъ былъ проткнуть отверстіе въ стѣнѣ, и въ ту-же минуту какой-то горный духъ всунулъ въ него свой носъ, да такой длинный, что онъ доходилъ до середины хижинѣ.

— Видалъ-ли ты такой носъ?—сказалъ духъ.

— А пробовалъ-ли ты такой горячій супъ? — отвѣчалъ Петръ и вылилъ ему на носъ весь котелъ съ кипящимъ супомъ.

Духъ отскочилъ и жалобно завылъ, а по горамъ только гулъ пошелъ отъ хохота.

— Ошпаренный носъ, ошпаренный носъ! — Кричали въ горахъ. Затѣмъ все стихло, но не надолго, — скоро опять поднялся страшный шумъ. Выглянулъ, Петръ и увидѣлъ, какъ самый страшный изъ горныхъ духовъ сѣлъ въ телегу, запряженную медвѣдями, и отправился въ горы. Въ то время, какъ онъ смотрѣлъ на это, въ трубу хижины вылилось цѣлое ведро воды, огонь погасъ, Петръ очутился въ темномъ, а по всѣмъ угламъ слышался хохотъ, ликованіе, — и какой-то голосъ воскликнулъ:

— Теперь Петру придется такъ-же плохо, какъ тремъ дѣвушкамъ въ Вальской хижинѣ.

Петръ развелъ снова огонь, взялъ собакъ, заперъ свою пастушью избушку и отправился на сѣверъ къ Вальской хижинѣ, гдѣ жили три дѣвушки.

Скоро онъ увидалъ стоявшее надъ хижиной зарево и наткнулся на стадо волковъ, одну часть которыхъ, перестрѣлялъ, а другую просто перебилъ прикладомъ. Къ Вальской

хижинѣ онѣ добрался въ полнѣйшей темнотѣ — огня и слѣдовъ не было, тѣмъ не менѣе дѣвушкамъ очень приходилось плохо; четыре горныхъ духа: *Густъ-и-Вере*, *Тронъ Вальфельдетъ*, *Тьестелъ Аабакенъ* и *Рольфъ Эльдферпунгенъ* *) напали на нихъ. Густъ-и-Вере стоялъ у дверей, а трое остальныхъ уже вошли въ хижину. Петръ выстрѣломъ заставилъ Густа дать себѣ дорогу и проникъ въ хижину, гдѣ бѣдныя дѣвушки были полумертвы отъ отчаянія и страха и только у одной изъ нихъ, по прозванію Бѣшеной Кари, хватало мужества защищаться отъ нападавшихъ злодѣевъ. Появленіе Петра сильно смутило духовъ; Рольфъ Эльдферпунгенъ бросился поджигать хижину, но собаки въ ту-же минуту повалили Тьестела Аабакена (воду) на очагъ, такъ что зола и угли разлетѣлись и потухли.

— Берегись, Петръ, сейчасъ явятся мои змѣи! — вскричала Тронъ Вальфельдетъ, подразумѣвая подъ змѣями волковъ.

— Ступай-же вслѣдъ за ними! — отвѣчалъ Петръ. Тутъ онъ застрѣлилъ его и ударомъ приклада убилъ Тьестела Аабакена, одинъ Рольфъ Эльдферпунгенъ успѣлъ спастись черезъ трубу. Покончивъ съ духами, Петръ проводилъ освобожденныхъ дѣвушекъ до ихъ дома, такъ какъ онѣ не рѣшались больше оставаться въ горахъ.

Незадолго до Рождества прослышалъ Петръ, что на одной мызѣ въ Доврѣ въ сочельникъ набирается столько духовъ, что житыя отъ нихъ нѣтъ и хозяева выѣзжаютъ на это время на сосѣдную мызу. А у Петра просто страсть была бороться съ духами.

Нарядился онъ въ старыя лохмотья, взялъ съ собою сво-

*) Имена четырехъ духовъ произведены отъ именъ четырехъ элементовъ: Være — воздухъ; fjeld — земля; aa — вода; eld — огонь. *Прим. перса.*

его ручнаго, бѣлаго медвѣдя, захватилъ также шило, кусокъ вару, дратву и отправился.

Сначала хозяева мызы не хотѣли его пускать, увѣряя, что они и сами собираются уѣзжать, но услыша его обѣщанье очистить мызу отъ духовъ, не только пустили его съ радостью, но еще подарили ему цѣлую свиную шкуру.

Петръ уложилъ своего медвѣдя за печку спать, а самъ сѣлъ передъ печкой, вынулъ шило, варъ и дратву и началъ шить большой башмакъ изъ цѣлой свиной кожи, устроивъ такъ, что онъ могъ крѣпко затягиваться толстой веревкой; вдобавокъ, онъ приготовилъ два здоровыхъ кнута.

Только что успѣлъ Петръ кончить свою работу, какъ явились духи со скрипками и музыкантами и начали веселиться: одни танцевали, другіе ѣли, стоявшія на столѣ, кушанья и лакомства, наготовленные хозяевами на праздники. Иныя жарили свиное сало, лягушекъ, жабъ и другія противныя вещи.

Наконецъ, они замѣтили Петровъ башмакъ и стали его пробовать, да всѣ и засунули ноги въ него, а Петръ только этого и ждалъ, онъ схватилъ концы веревки и, затянувъ ихъ, поймалъ въ башмакъ всѣхъ духовъ за ноги. Между тѣмъ медвѣдь проснулся, разбуженный шумомъ и высунулъ носъ изъ за печки, чуя жаркое и другія прелести.

— Хочешь пирожка, моя Киска-бѣлянка?—спросилъ одинъ духъ и бросилъ медвѣдю въ пасть горячую жареную лягушку. Мишка обжегся и пришелъ въ ярость.

— Бей и рви, Мишка,—приказалъ ему Петръ Гинтъ. И принялись они за дѣло:—медвѣдь принялся бить духовъ и рвать, а Петръ лупить ихъ въ два кнута. Духи убѣжали безъоглядки и многіе годы носа туда не показывали.

Петръ-же пропироваль тутъ цѣлое Рождество, а на прощанье посовѣтоваль хозяину развести бѣлыхъ жеребятъ отъ своей бѣлой кобылы и пасты ихъ по окрестнымъ горамъ.

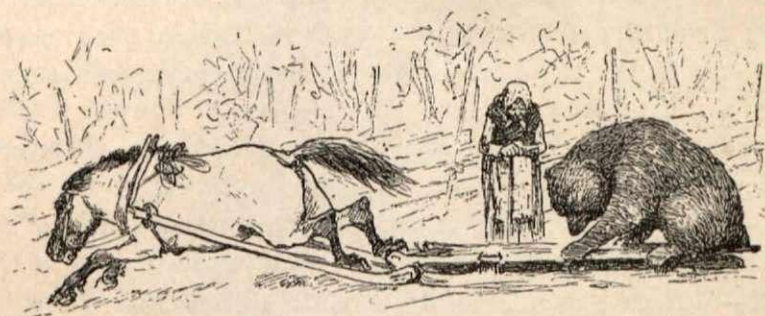
Прошло много-много лѣтъ. Вотъ разъ въ самый сочельникъ хозяинъ рубилъ въ лѣсу дрова, вдругъ явился духъ и спросилъ:

— А что, жива еще твоя большая бѣлая кошка?

— Да, она лежитъ дома, за печкой,—отвѣчалъ тотъ, у ней родилось семь котятъ и всѣ пребольшіе да вдвое злѣе, чѣмъ она сама!

— Ну, такъ прощай!—закричалъ духъ и исчезъ на вѣки.

ХРАБРЫЙ МИХАЙЛО ТОПТЫГИНЪ

Какъ-то зимою поѣхалъ одинъ крестьянинъ въ горы за листвою для скотины. Подѣхалъ вплотную къ сараю съ листьями, влѣзъ въ него и началъ бросать пуки листьевъ въ сани. Въ сараѣ-же лежалъ медвѣдь, забравшійся туда на зимнюю спячку. Шумъ разбудилъ Мишку, онъ бросился вонъ и упалъ какъ разъ въ сани. Лошадь, почувявъ медвѣдя, испугалась и помчалась стрѣлой къ дому.

Михайло Ивановичъ былъ не трусъ, но такая ѣзда пришлось ему больно не повкусу—онъ насилу держался въ саняхъ и только боязливо поглядывалъ по сторонамъ. А лошадь все мчится, да мчится.

Попадается имъ на дорогѣ торгошъ; увидѣлъ онъ медвѣдя, не разглядѣлъ его да и думаетъ:

«Куда это такъ летить господинъ Фогтъ? Должно быть у него спѣшное дѣло, а дорога видно предстоить ему не близкая».

Молча пролетѣлъ мимо него Мишка, — не до торгоша ему было.

Вотъ бредеть имъ навстрѣчу старушка. Остановилась и давай кланяться и присѣдать и просить Христа ради подаванія, — но Мишка и ей ни слова не сказалъ, промчавшись мимо нея стрѣлою.

Летить онъ далѣе, а навстрѣчу ему бѣжитъ Рейнеке-Лисъ.

— Эй, эй, стой! — закричалъ тотъ, — возьми меня съ собою прокатиться; я сяду спереди и буду кучеромъ.

Но Мишка и вниманья на него не обратилъ.

— Добро-же! Не хочешь взять меня, такъ возьми мое пожеланіе, — сегодня ты ѣдешь бариномъ, а завтра твоя шуба будетъ висѣть на гвоздикѣ, — закричалъ ему Лисъ, разсердившись.

Но Мишка ничего не слышалъ. Прискакала лошадь на свой дворъ и прямо бросилась въ стойло, такъ что сани разлетѣлись въ дребезги, а храбрый Мишка разбилъ себѣ черепъ о косякъ стойла и растянулся мертвымъ.

Крестьянинъ между тѣмъ преспокойно продолжалъ бросать въ воображаемыя сани пучки листьевъ, наконецъ, думая, что уже довольно, вылѣзъ изъ сарая — глядь, а саней съ лошадыю и слѣдъ простылъ. Пришлось идти пѣшкомъ!

Встрѣчаетъ онъ торгоша и спрашиваетъ, не видалъ-ли онъ его лошади?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ тотъ, — видѣлъ только Фогта, онъ ужасно быстро ѣхалъ, — должно быть, торопился произвести какое нибудь взысканіе.

Идетъ дальше крестьянинъ, повстрѣчалъ бѣдную старушку и спрашиваетъ:

— Не видала-ли, бабушка, лошадь и сани?

— Нѣтъ, никого тутъ не проѣхало кромѣ пастора, да и тотъ торопился—должно быть спѣшилъ къ умирающему—ѣхалъ въ крестьянскихъ саняхъ!

А тутъ и Рейнеке-Лисъ подоспѣлъ.

— Не видалъ-ли моей лошади? — спросилъ его крестьянинъ.

— Разумѣется, видѣлъ—она сейчасъ проскакала тутъ, а Мишка сидѣлъ въ саняхъ!

— Ну, пропала лошадь! — воскликнулъ крестьянинъ, — заѣздитъ ее Мишка до смерти!

— Тогда сними съ него шкуру, а самого его изжарь, — посоветовалъ Лисъ; — а если найдешь лошадь живой, тогда перевези меня черезъ горы въ награду! Ужасно хочется прокатиться на чужихъ ногахъ!

— А что дашь за провозъ?

— И сухое, и мокрое, чего ни пожелаешь; словомъ заплачу столько-же, сколько получишь съ Мишки.

— Ладно! — сказалъ крестьянинъ, — подожди меня завтра обѣ эту-же пору здѣсь.

Вернулся онъ домой, да и захватилъ ружье, а на другой день убилъ Рейнеке-Лиса и получилъ и медвѣжью шубу, и лисій мѣхъ.

ПРЕДАНІЯ МЕЛЬНИЦЫ

СЛУЧИТСЯ-ЛИ со мною какая непріятность, посѣтитъ-ли меня истинное горе — я всегда предпринимаю продолжительную прогулку подъ открытымъ небомъ, что, какъ мнѣ хорошо извѣстно по опыту, лучшій цѣлитель сердечныхъ ранъ. Не помню, какая случилась со мною невзгода, знаю только, что разъ лѣтомъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, взялъ я удочку и отправился по лѣвому берегу Акерсельва,

протекающаго черезъ Торскаугъ, Сандакеръ и Дилихагъ, направляясь къ мѣсту его впаденія въ Маридальское озеро.

Свѣжій воздухъ, запахъ сѣна, аромать цвѣтовъ и веселое щебетанье птицъ скоро оказали свое живительное дѣйствіе и мое грустное настроеніе стало проходить. Когда я дошелъ до моста, находящагося у впаденія рѣки въ Маридальское озеро, солнце уже садилось за горы, окрашивая облака въ блестящіе цвѣта или по временамъ пронизывая ихъ яркимъ лучемъ свѣта и золотя вершины темнаго хвойнаго лѣса, который высится по ту сторону потока.

Бросивъ въ рѣчку свой поплавокъ, я механически слѣдилъ за нимъ глазами, вдыхая доносившійся до меня освѣжающій запахъ сосенъ, прислушиваясь къ отдаленному грустному кукованью кукушки. Но вотъ въ струяхъ мелькнула золотистая рыбка, шнуръ удочки съ шумомъ сталъ разматываться. Я придержалъ его, но тогда удочка моя согнулась чуть не кольцомъ, — на крючокъ попалась форель фунта съ три вѣсомъ. Теперь уже не было времени мечтать; нужно было призвать все свое присутствіе духа, всю опытность рыболова, чтобы вытащить рыбу на берегъ. Течение было очень быстрое, форель сильна, а у меня не было съ собою сѣтки, такъ что я порядкомъ-таки повозился, пока не завелъ рыбу въ маленькій заливчикъ и тамъ уже благополучно вытащилъ прекрасную, покрытую пурпуровыми пятнами рыбу внушительной величины. Продолжая спускаться внизъ по теченію, я дошелъ, наконецъ, до пыльной мельницы и, взойдя на плотину для ловли сплавляемаго лѣса, продолжалъ тамъ свое уженье, но уже почти безуспѣшно. Вѣтеръ стихъ, стало темнѣть; только на горизонтѣ еще оставалась полоса яблочно-зеленаго цвѣта, слабо озарявшая прудъ мельницы, зеркально-гладкую поверхность котораго только и нарушалъ временами мой поплавокъ, производя при своемъ паденіи дрожащіе расходящіеся круги.

Мальчикъ — подростокъ, стоявшій подлѣ меня на холмѣ, посоветовалъ мнѣ попробовать поудить на червяковъ и предложилъ накопать ихъ цѣлую кучу. Я послѣдовалъ его совету и вскорѣ блестящій успѣхъ превзошелъ все мои ожиданья: съ перваго-же раза я вытащилъ форель въ нѣсколько фунтовъ вѣсомъ. Но счастье мое на плотинѣ этимъ и ограничилось — поплавокъ оставался спокоенъ, а въ тихой водѣ не замѣтно было ни одной рыбы, только изрѣдка летучія мыши, сновавшія туда и сюда, гоняясь за насѣкомыми и схва-

тывая ихъ на поверхности воды, производили на ней дрожащіе расходящіеся круги.

Какъ разъ передо мною находилась пыльная мельница, ярко освѣщенная пылающимъ очагомъ. Она была въ полномъ ходу. Казалось, будто ея колеса, пилы и рычаги приводились въ движеніе какой-нибудь сверхъестественной силой, потому что не видать было ни души.

Но вотъ показались на мельницѣ фигуры работниковъ. Одинъ изъ нихъ торопливо подошелъ съ длиннымъ багромъ къ запрудѣ и вытащилъ изъ нея большое бревно, приведа

этимъ въ колебанье всю водяную поверхность. Другой человекъ подошелъ въ вытащенному бревну съ топоромъ, положилъ его, какъ слѣдуетъ, для пиленья, обтесалъ съ него кору и побросалъ ее обратно въ прудъ. Пилы пилили, рычаги работали, мельница свистѣла, шипѣла, стонала, словно шло жесточайшее сраженіе духовъ ночи съ гигантами, при чемъ пилы служили имъ мечами.

Съ сѣвера потянуло холодомъ и я живо почувствовалъ при этомъ, что я весь мокръ и сильно усталъ.

Я рѣшился войти на пыльную мельницу и обогрѣться у огонька. Попросивъ, все еще стоявшаго подлѣ меня, мальчика, донести мнѣ туда корзинку съ рыбой, я отправился черезъ плотину, запруженную сплавнымъ лѣсомъ, гладкіе стволы котораго двигались и погружались въ воду при каждомъ моемъ шагѣ.

На мельницѣ у очага сидѣлъ старый сѣдой старичекъ въ красной шапкѣ; разглядѣвъ его прежде мѣшала мнѣ труба мельницы.

На мою просьбу позволить мнѣ отдохнуть и обогрѣться—онъ сейчасъ же любезно подтащилъ къ огню обрубокъ дерева и предложилъ мнѣ сѣсть.

— Прекрасная рыба,—сказалъ старикъ, взвѣсивая мою добычу на рукѣ, —это хайрузъ! Пожалуй фунта три вытянетъ! Вы ее, должно быть, поймали здѣсь въ пруду?

На мой утвердительный отвѣтъ старикъ, видимо бывшій страстнымъ рыболовомъ, разразился жалобами на то, какъ мало теперь становится рыбы изъ-за пыльных мельницъ; при этомъ онъ разсказалъ мнѣ о своей прежней удачной ловлѣ въ этихъ водахъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, когда онъ только что переселился сюда изъ Гудрунской долины.

— Рыба исчезаетъ, — говорилъ онъ такимъ громкимъ голосомъ, что я могъ ясно слышать каждое его слово, не-

смотря на грохот мельницы,—теперь рѣдко, когда попадается хайрузъ или форель побольше этой, а пильныхъ мельницъ нарождается съ каждымъ годомъ все больше и больше. Можно-ли удивляться тому, что рыба уходитъ изъ рѣки, если теперь стоитъ ей, бѣдной, только разокъ глотнуть водицы, чтобы имѣть полонъ ротъ, набитый щепками и опилками пильной мельницы. Проклятыя пильныя мельницы, прости Господи!—хоть онѣ и кормятъ меня и мою семью, а я все-же не могу не сердиться, вспоминая о томъ, какая тутъ до постройки ихъ ловилась форель.

Въ это время пришелъ мальчикъ съ корзинкой рыбы. Шумъ и движеніе мельницы видимо смущали его. Осторожно ступая онъ по дрожащимъ половицамъ, со страхомъ прислушиваясь къ шуму воды и колесъ подъ поломъ мельницы.

— Экое страшное мѣсто!—сказалъ онъ.—Хоть-бы мнѣ поскорѣе добраться цѣлымъ и невредимымъ до дому!

— Развѣ ты не здѣшній?—спросилъ я его.

— Кто-же ты такой и откуда?—спросилъ его старикъ мельникъ.

— Ахъ, я изъ Альтштадта.—Баринъ, живущій въ Бреке, посылалъ меня къ старостѣ съ письмомъ, да только я такъ боюсь идти, темно!—сказалъ мальчикъ, все время старавшійся держаться около меня.

— Стыдись! Этакой большой, а визжишь, какъ маленький,—сказалъ старикъ и тотчасъ прибавилъ въ видѣ успокоенья,—скоро взойдетъ мѣсяцъ, да къ тому-же вотъ баринъ навѣрное охотно проводить тебя!

Я общалъ мальчику проводить его до Беэрскаго моста и это видимо его успокоило.

Въ это время мельница остановилась и двое работниковъ принялись точить пилы, что производило ужасный, пронизывающій до мозга костей, звукъ. Случается иногда въ тихую

погоду, что звукъ отъ точащихся пилъ на окрестныхъ мельницахъ слышится въ самомъ городѣ. Нервы трусливаго мальчика видимо страдали отъ ужаснаго визга и скрипа.

— Ни за что на свѣтѣ не остался-бы я ночевать тутъ! — промолвилъ онъ, озираясь, точно ожидая, что вотъ, вотъ выскочить русалка или покажется въ уголкѣ мельницы домовой.

— А вотъ я сколько здѣсь ночей проводилъ, — сказалъ старикъ, — и ничего особеннаго ни разу не видалъ.

— Мнѣ мать говорила не разъ, что въ такихъ мельницахъ всегда тьма духовъ и вѣдьмъ, — продолжалъ боязливо мальчикъ.

— Положимъ, сомною случалось, когда я, бывало, вздремну маленько, что кто-то спускалъ у меня воду или опять ее останавливалъ... или-же слышался шорохъ въ колесѣ, но видать — я ничего не видывалъ! — сказалъ старикъ, пытливо взглянувъ на меня. — Да и не вѣрятъ теперь ни во что больше, — прибавилъ онъ, — оттого духи и не являются больше. Умный ужъ больно, да ученый народъ теперь сталъ!

— Пожалуй, что ты и правъ, — сказалъ я, желая лучше выманить у него какую-нибудь интересную легенду или сказку, чѣмъ пускаться въ безплодный споръ съ нимъ о глупости повѣрій и сказокъ. — И точно, люди теперь не вѣрятъ больше въ духовъ и вѣдьмъ, или вѣрнѣе, стараются показать себя невѣрующими, а между тѣмъ въ горахъ до сихъ поръ вѣдьмы и духи посѣщаютъ и морочатъ людей, портятъ ихъ такъ-же, какъ и въ прежнія времена. Да вотъ послушай-ка исторію, — продолжалъ я, думая окончательно расположить старика къ разсказамъ, — только не припомню, гдѣ она происходила. Видишь-ли: у одного мельника мельница стояла на горномъ ручьѣ, и въ той мельницѣ поселился духъ, да такой злой, что мельникъ ничего не могъ съ нимъ подѣлать: и пивомъ подчивалъ, и хлѣба бѣлаго давалъ,

на Рождество, и чего-чего не дѣлалъ; всякій разъ, какъ начиналась работа, духъ схватывалъ ось мельничнаго колеса и останавливалъ всю мельницу. Сообразивъ, наконецъ, что мельница не работаетъ изъ-за продѣлокъ духа, пришелъ разъ вечеромъ мельникъ на мельницу работать и принесъ съ собою большой горшокъ, полный смолы и дегтю.

Разложивши огонь на очагѣ и поставивъ на него принесенный горшокъ, мельникъ пустилъ мельницу въ ходъ. Черезъ нѣсколько минутъ она остановилась, какъ всегда. Тогда мельникъ началъ тыкать палкою вокругъ оси мельничнаго колеса. Потыкавъ немного и видя, — что это не помогаетъ, — не пугаетъ духа, мельникъ отворилъ дверку, выходящую на жолобъ для воды и на мельничныя колеса. Какъ разъ въ эту минуту духъ, стоявшій тамъ зѣвнулъ, да такъ славно, что верхняя челюсть его рта касалась до притолки, а нижнею онъ дотрогивался до порога дверки. Мельникъ живо схватилъ съ огня горшокъ съ кипящими смолой и дегтемъ и приготовился.

«— Что, братъ, видаль-ли ты когда-нибудь такую морду?» — сказалъ духъ мельнику.

«— А пробоваль-ли ты когда-нибудь такъ горячо состряпанное?» — отвѣчалъ тотъ, бросая ему въ пасть горшокъ кипящей смолы и дегтю. Духъ страшно вскрикнулъ, и тотчасъ исчезъ. Съ той поры никто о немъ не слыхалъ, а мельница стала отлично работать.

— Мать мнѣ это рассказывала, — сказалъ мальчикъ, слушавшій меня съ величайшимъ вниманіемъ, — и еще она мнѣ рассказывала про другой случай, — какъ разъ на одной мельницѣ было столько духовъ, что никто не былъ въ состояніи молоть на ней муку. Тамъ-же жила одна бѣдная женщина. Разъ ей было необходимо намолоть муки и она стала просить позволить намолоть ее ночью.

«— Ну нѣтъ, — возразилъ мельникъ, — Боже тебя избави—

и ты погибнешь и мельницу погубишь!» Но женщина такъ просила, говоря, что у ея дѣтей нѣтъ ни одной горсточки муки, что ей, наконецъ, позволили молоть муку ночью. Пришедши туда, она развела огонь подъ стоявшимъ тамъ горшкомъ дегтю, пустила мельницу и сѣла вязать чулокъ у огня. Вдругъ явилась какая-то дѣвушка и говорить ей:

«— Добрый вечеръ!»

«— Добрый вечеръ,»—отвѣчала женщина, продолжая вязать. Дѣвушка сѣла къ огню и начала разбрасывать огонь. Бѣдная женщина препокорно снова сгребла его въ кучу.

«— Какъ тебя зовутъ?»—спросила дѣвушка.

«— Меня зовутъ: *Я сама*,»—отвѣчала женщина.

Дѣвушка не спросила, отчего у ней такое странное имя, но нѣсколько разъ принималась разбрасывать огонь, такъ что, наконецъ, бѣдная женщина разсердилась и неожиданно облила вѣдму кипящимъ дегтемъ. Та съ громкимъ плачемъ бросилась вонъ изъ мельницы, крича:

«— Отецъ, отецъ—*Я сама* обварила руки и ноги!»

«— Сама обварилась, сама и терпи,»—послышался отвѣтъ въ горѣ...

— Хорошо, что женщина наплась, а то-бы плохо ей пришлось!—замѣтилъ старикъ,—она и сама-бы сгорѣла, да и мельницу сожгла-бы. Нѣчто подобное слышалъ я еще, когда былъ дома. У одного мельника мельница горѣла два раза въ самый день Троицы. Приближался опять Троицынъ день, а у мельника жилъ тогда портной и шилъ ему и женѣ его праздничное платье.

«— Что-то будетъ съ мельницей въ эту Троицу,—сказалъ мельникъ портному,—какъ ты думаешь, сгоритъ она, какъ въ прошломъ году?»

«— Не сгоритъ!—отвѣчалъ портной,—дай мнѣ только ключъ отъ нея и позволь ее сторожить.»

Понравилось это мельнику. Вечеромъ портной, взявши

ключъ отправился въ только что отстроенную мельницу; сѣлъ на полъ, нарисовалъ вокругъ себя мѣломъ кругъ, а по кругу написалъ «Отче нашъ» и смѣло сталъ ждать, хоть самъ чортъ приходи!

Въ полночь двери распахнулись и влетѣло цѣлое стадо черныхъ кошекъ. Немного времени спустя, поставили кошки на очагъ большой горшокъ, развели подъ нимъ огонь и скоро въ горшкѣ закипѣло и зашипѣло, точно въ немъ была смола и деготь.

«— Ага,—сказалъ портной, штука-то вотъ въ чемъ!»

И едва онъ это вымолвилъ, какъ одна изъ кошекъ подскочила и протянула лапу, чтобы опрокинуть горшокъ.

«— Берегись, кошка, обожжешься,» —закричалъ портной.

«— Берегись, кошка, обожжешься,» —сказалъ мнѣ портной,—закричала кошка другимъ кошкамъ и онѣ всѣ бросились къ кругу и начали скакать и плясать вокругъ него,—но вотъ опять та-же кошка подскочила къ горшку и опять протянула лапу.

«— Берегись, кошка, обожжешься!» —закричалъ опять портной.

«— Берегись, кошка, обожжешься!»—сказалъ мнѣ портной,—закричала кошка другимъ кошкамъ; опять всѣ онѣ начали плясать и скакать и опять та-же кошка подскочила къ горшку.

«— Да берегись-же, кошка!»—закричалъ портной и такъ ее толкнулъ, что всѣ кошки попадали, но скоро опять поднялись и принялись снова плясать.

Вотъ окружили онѣ тотъ кругъ, въ которомъ сидѣлъ портной, и начали вертѣться все быстрѣе и быстрѣе, такъ что у портнаго голова начала кружиться и онъ какъ въ туманѣ увидѣлъ, что одна изъ кошекъ старается его цапнуть. Онъ тогда выхватилъ ножъ и отрубилъ кошкѣ лапу. Въ ту-же минуту съ визгомъ и крикомъ всѣ кошки бросились въ двери и исчезли. Портной-же спокойно улегся въ своемъ кругу спать и проспалъ чуть не до полудня. Проснувшись, заперъ онъ мельницу и отправился къ мельнику въ домъ.

«— Доброе утро,»—сказалъ онъ мельнику.

«— Доброе утро,»—отвѣчалъ тотъ съ радостью, видя его живымъ,—и пожалъ ему руку.

Портной протянулъ руку и мельничихѣ; она лежала на лавкѣ со спрятанными подъ одѣяломъ руками и была такая блѣдная, точно сильно хворала. Мельничиха протянула портному лѣвую руку, а правую спрятала еще глубже подъ одѣяло... Тутъ рассказывавшій остановился и добавилъ затѣмъ въ раздумьи.

— Вотъ только я забылъ, что дальше было...

— Значить, мельничиха сама была вѣдьма? — спросилъ мальчикъ.

— Разумѣется,—отвѣчалъ старикъ.

Дальше вести разговоръ было невозможно, такъ какъ мельница опять была пущена въ ходъ.

Мѣсяцъ взошелъ, мы отдохнули и обсохли, я распрощался со старикомъ и пошелъ вмѣстѣ съ мальчикомъ.

Мы шли по тропинкѣ, извивавшейся у подножія Грэффскихъ горъ по направленію къ Грэффе. Бѣловатый туманъ подымался отъ болотъ долины и тянулся надъ рѣкой. Надъ городомъ высилась своимъ башнями Акерхусъ, рѣзко выдѣляясь на голубой дали моря, въ которое далеко вдавался мысъ. Небо было заволочено облаками, такъ что всѣ предметы неясно обрисовывались въ сумракѣ, только горныя цѣпи Берумень и Аферъ рѣзко выдѣлялись темными массами, составляя какъ-бы раму ландшафта, а вдали сверкалъ заливъ, залитый мягкимъ луннымъ сіяньемъ. Надъ лугами носился чудный аромат фіалокъ и другихъ ночныхъ цвѣтовъ, но съ болотъ и ручьевъ тянуло холодомъ, заставлявшимъ меня по временамъ вздрагивать.

— У меня морозъ по кожѣ пробѣгаетъ, — шепнулъ мнѣ мой спутникъ. Струи холоднаго воздуха казались ему дыханьемъ духовъ и онъ поминутно озирался, ожидая, что вотъ выскочитъ изъ того или другаго куста вѣдьма или кошка съ горящими, какъ уголья, глазами.

О МАЛЬЧИКѢ, ХОДИВШЕМЪ КЪ СѢВЕРНОМУ ВѢТРУ ТРЕБОВАТЬ СВОЮ МУКУ ОБРАТНО

ЖИЛА была старушка, предряхлая и больная. Ея единственный сынъ долженъ былъ вмѣсто нея ходить въ амбаръ и доставать муку на обѣдъ. Разъ спускался онъ съ лѣстницы амбара; вдругъ налетѣлъ Сѣверный вѣтеръ, выдулъ у него муку и умчалъ ее въ вихрь. Мальчикъ вернулся въ амбаръ взялъ еще муки, но, какъ только онъ началъ спускаться съ лѣстницы — снова налетѣлъ Сѣверный вѣтеръ и выдулъ у него муку — и такъ до трехъ разъ. Разсердился мальчикъ на такую несправедливость Сѣвернаго вѣтра и рѣшилъ пойти къ нему и потребовать свою муку обратно. Пошелъ онъ. Путь былъ дологъ и много ему пришлось идти, пока, наконецъ, онъ не добрался до жилища Сѣвернаго вѣтра.

— Здравствуй! — сказалъ ему мальчикъ.

— Здорово, — грубо отвѣчалъ Сѣверный вѣтеръ, — что тебѣ надо?

— Будь такъ добръ, — сказалъ мальчикъ, — отдай намъ ту муку, что ты отнялъ у меня на лѣстницѣ. У насъ такъ ее мало. Если ты возьмешь эти послѣднія оставшіяся у насъ пригоршни, намъ придется умереть съ голоду!

— Муки у меня нѣтъ, — отвѣтилъ вѣтеръ, но такъ какъ ты бѣденъ — вотъ тебѣ платокъ; онъ будетъ тебѣ доставлять

все, чего не пожелаешь, только скажи: «Развернись, платокъ, да подай мнѣ хорошій обѣдъ».

Мальчикъ остался этимъ очень доволенъ и пошелъ домой, но не могъ дойти въ тотъ-же день до своего жилища и остановился ночевать въ гостинницѣ. Наступило время ужинать—мальчикъ положилъ платокъ на столъ въ уголку и сказалъ: «Развернись, платокъ, подай мнѣ вкусное блюдо». Едва онъ успѣлъ это выговорить, какъ платокъ развернулся и на столѣ появились превосходныя кушанья и разное питье. Всѣ ахнули, увидавъ такое необычайное угощенье, но никому такъ не понравился платокъ какъ хозяйкѣ гостиницы.

— Былъ-бы у меня такой платокъ, не было-бы мнѣ больше никакихъ хлопотъ — ни съ вареньемъ, ни съ жареньемъ, ни съ накрываніемъ, ни съ убираніемъ!—подумала она. И какъ только наступила ночь и всѣ крѣпко заснули, взяла она у мальчика платокъ Сѣвернаго вѣтра и положила взамѣнъ такой-же съ виду, но самый обыкновенный: онъ не то что обѣда, но одного чернаго хлѣба подать не могъ.

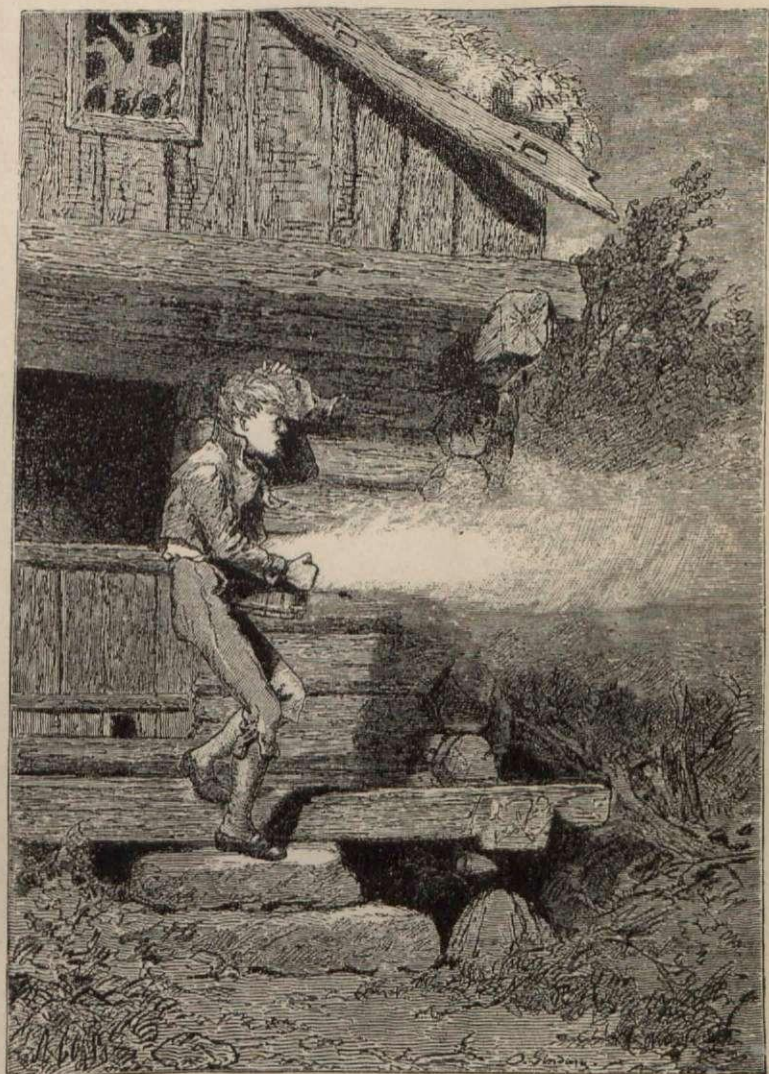
Проснувшись, мальчикъ взялъ платокъ и продолжалъ путь. Приходить онъ къ своей матери и говорить:

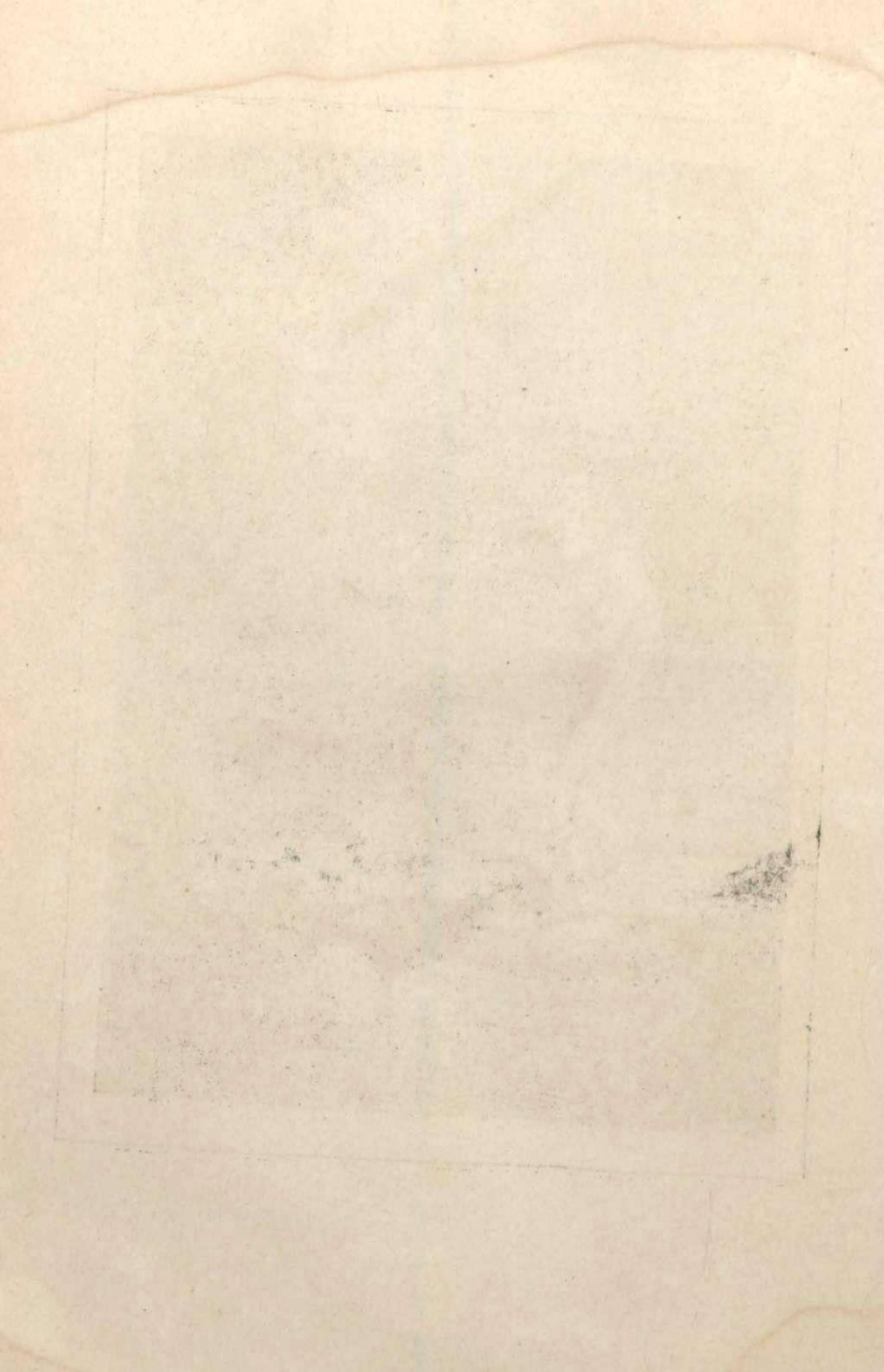
— Былъ я у сѣвернаго вѣтра; онъ очень добрый малый;—далъ мнѣ вотъ этотъ платокъ. Стоитъ ему сказать: «Развернись, платокъ, да подай мнѣ обѣдать», и получишь сейчасъ все, чего ни пожелаешь?

— Очень можетъ быть, что это и правда,—сказала мать,—но я этому не повѣрю, пока не увижу своими глазами.

Мальчикъ беретъ проворно столъ, ставитъ его передъ матерью, кладетъ на него платокъ и говоритъ: «Развернись платокъ! дай мнѣ самыхъ лучшихъ кушаній». Но платокъ не то что ни корочки хлѣба не далъ, даже и не развернулся!

— Ничего тутъ больше не остается, какъ снова идти къ

Сѣверному вѣтру,—сказаль мальчикъ; собрался въ путь и отправился.

Къ вечеру приходитъ онъ опять въ жилище вѣтра:

— Добрый вечеръ!—сказаль мальчикъ.

— Добрый вечеръ!—отвѣчалъ Сѣверный вѣтеръ.

— Отдай мнѣ, пожалуйста, муку мою — сказалъ мальчикъ,—тотъ платокъ, что ты мнѣ далъ, гроша мѣднаго не стоитъ.

— Нѣтъ у меня муки,—отвѣчалъ Сѣверный вѣтеръ,—возьми вотъ этого козла—стоитъ только сказать ему: «Козель, дай денегъ!» и онъ тебѣ дастъ золотыхъ червонцевъ.

Мальчикъ остался очень доволенъ и пошелъ обратно; шелъ онъ шелъ, притомился и остановился опять ночевать въ той-же самой гостиницѣ.

Придя туда, ему захотѣлось узнать, правду-ли говорилъ Сѣверный вѣтеръ, дастъ-ли ему козель червонцевъ, и сказалъ онъ ему: «Дай денегъ.»

Козель тотчасъ насыпаль много денегъ.

— Что за чудесное животное!—подумаль хозяинъ гостиницы и какъ только мальчикъ заснулъ, взялъ волшебнаго козла, а на его мѣсто поставилъ простаго. И на этотъ разъ мальчикъ не замѣтилъ обмана. Приходитъ онъ къ матери и говоритъ:

— Прекрасный малый этотъ Сѣверный вѣтеръ! Онъ далъ мнѣ такого козла, который умѣетъ дѣлать золото.

— Снова онъ вѣрно подшутилъ надъ тобой, — сказала мать,—я ни за что не повѣрю, пока сама не увижу червонцевъ!

— Козель, дай денегъ! приказаль мальчикъ, и козель далъ ему... но увы!—только не золота.

Опять пошелъ мальчикъ къ Сѣверному вѣтру, и говоритъ ему:—Твой козель ничего не стоитъ, онъ самый обыкновенный козель. Отдай мнѣ скорѣе мою муку.

— Ничего не могу дать тебѣ больше,—сказаль вѣтеръ;—развѣ возьми ту старую дубинку, что стоитъ въ углу; но она не простая — скажи ей только: «Бей дубинка!» и она будетъ бить, пока не скажешь ей: «Дубинка перестань!»

Пошелъ мальчикъ домой и опять остановился переночевать въ той-же гостиницѣ. Ему пришло вдругъ на мысль—ужь не тутъ-ли украли у него платокъ и козла. Онъ сейчасъ-же легъ на лавку и притворился спящимъ. Хозяинъ увидѣвъ дубинку, смѣкнулъ, что она, должно быть, тоже не простая, отыскалъ похожую на нее и только собрался подмѣнить ее, какъ мальчикъ скомандовалъ: «Дубинка, бей!»

Какъ примется дубинка бить хозяина... Онъ отъ нея и подъ лавки и на столы и во всеѣ углы, а она колотить его вездѣ, да колотить.

— Ахъ, Господи! Бери и платокъ, и козла,—взмолился трактирщикъ, — только вели дубинкѣ перестать!

Но мальчикъ нескоро еще остановилъ дубинку. Увидавъ, наконецъ, что хозяинъ ужь достаточно поплатился за свое воровство, онъ крикнулъ: «Дубинка, перестань!»

Взялъ онъ дубинку въ руки, положилъ платокъ въ карманъ, козлу навязалъ веревку на рога и отправился домой.

Да ужь по правдѣ сказать хорошая была плата за муку!

КОРОЛЕВСКІЕ ЗАЙЦЫ И ПАСТУХЪ ИХЪ

У одного старика было три сына: Петръ, Павелъ да Иванушка, всѣ трое большіе лѣвтя: ровно ничего никогда не хотѣли дѣлать; а жадные такіе, что казалось имъ всего у нихъ мало, все бы у другихъ отняли. Услыхалъ старшій братъ Петръ, что король ищетъ пастуха для своихъ зайцевъ, и говоритъ отцу:

— Пойду въ пастухи; стану королевскихъ зайцевъ пасти; ни у кого другаго, какъ у короля, служить хочу!

Какъ отецъ его ни отговаривалъ, какъ ни доказывалъ, что лучше другимъ какимъ ему дѣломъ заняться; что гоняться за зайцами не то, что изъ угла въ уголъ шататься; что нужно съ ними быть бойкимъ, ловкимъ. Но сынъ и слышать не хотѣлъ никакихъ доводовъ, вскинулъ ранецъ на плечи, спустился съ горъ и отправился въ путь, переваливаясь, какъ тюлень какой. Шелъ онъ долго предолго, даль-

ше самаго дальняго мѣста зашелъ и вотъ видить онъ стоитъ на пути старуха, носъ въ пень защемленъ, рвется и мечется бѣдная, никакъ высвободить носа не можетъ. Увидаль это Петръ, да какъ расхохочется.

— Чего ты горло дерешь—то,—сказала бѣдная женщина,—помоги лучше безпомощной старушкѣ; я хотѣла наколоть дровъ, да и прищемила носъ въ щели. Цѣлую сотню лѣтъ все маюсь, все это время крошки во рту не имѣла!

Петръ захохоталъ пуще прежняго и пошелъ дальше, крикнувъ старухѣ на прощанье:

— Если ты здѣсь сто лѣтъ простояла, можешь и другую сотню отдежурить!

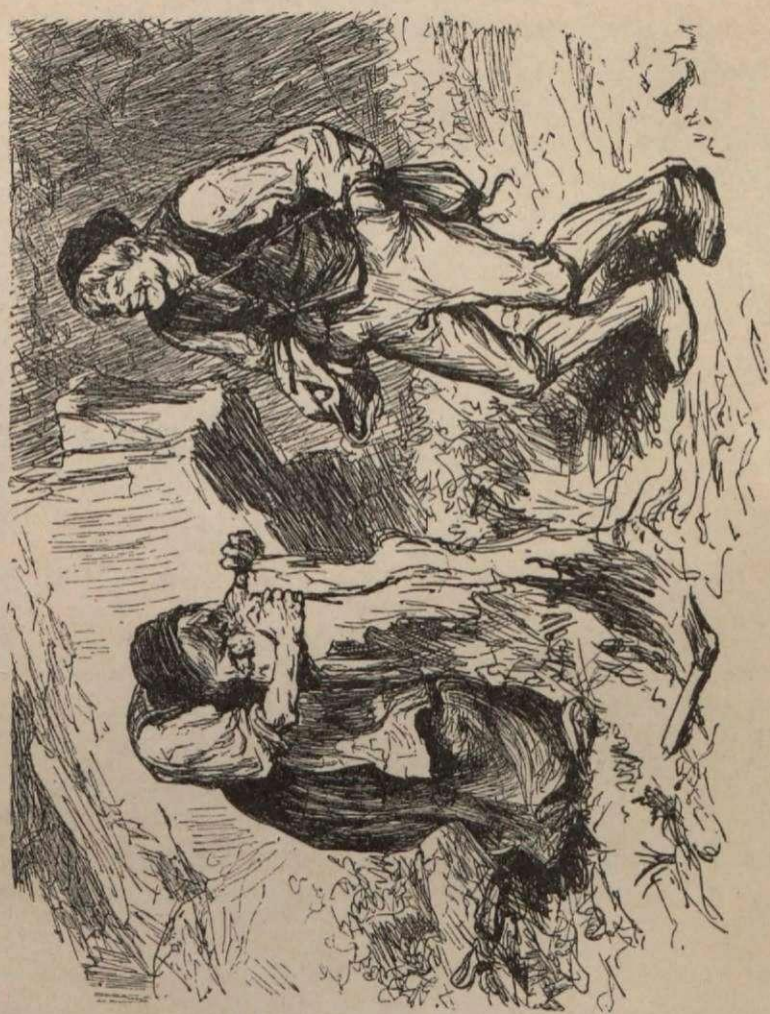
Вотъ приходитъ онъ въ королевскій замокъ и нанимается въ пастухи къ зайцамъ. Дѣло это съ виду показалось Петру совсѣмъ нетрудное, а ѣда и плата шли ему хорошія, къ тому-же исправному пастуху обѣщана была принцесса въ жены. Бѣда лишь въ томъ, что прибавлено было: если хоть одинъ заяцъ пропадетъ, тогда пастуху вырѣжутъ изъ спины три ремня, а самого его бросать въ змѣинный ровъ *).

Покуда Петръ пасъ зайцевъ на лугу, все шло хорошо; но лишь только дошелъ онъ съ ними до лѣсу, зайцы разбѣжались по кустамъ и по горамъ, и какъ онъ ни старался поймать хоть одного изъ нихъ, ничего не могъ подѣлать.

Выбившись изъ силъ, онъ упалъ въ изнеможеніи на траву. Отдохнувъ, онъ опять пустился на поиски своего стада, но не нашелъ ни одного зайчишки и вернулся въ королевскій замокъ одинъ одинешенекъ.

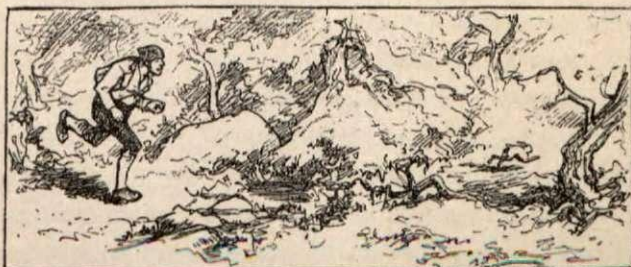
А тамъ ужъ и ножъ для него готовъ. Вырѣзали ему изъ спины три красные ремня, посыпали раны перцемъ и солью

*) У древнихъ норманновъ и англо-саксовъ существовалъ ужасный родъ казни—заключеніе въ подземной темницѣ, наполненной змѣями и всякими гадами. Такъ поступилъ Этельредъ англійскій съ Гаральдомъ норвежскимъ, попавшимъ къ нему въ плѣнъ. *Прим. перев.*

и бросили несчастного въ змѣиный ровъ. Немного времени спустя, явился ко двору второй братъ Павелъ. Какъ ни уговаривалъ его старикъ отецъ, какъ ни убѣждалъ его, онъ все-таки настоялъ на своемъ и ушелъ изъ дома родительскаго. Павелъ тоже видѣлъ на пути старуху, ущемившую носъ въ пень, и тоже только насмѣялся надъ бѣднягой.

И Павлу не отказали въ мѣстѣ пастуха; но какъ онъ, ни бился, не могъ сберечь ни одного зайца. Гонялся онъ, гонялся за ними, и по горамъ, и по доламъ, изъ силъ со- всѣмъ выбился, а все-же долженъ былъ вернуться одинъ

въ королевскій замокъ. Тамъ его ждали съ ножомъ у сама- го порoga. Тотчасъ вырѣзали ему три красныхъ ремня изъ спины, засыпали раны перцемъ и солью и бросили его въ змѣиный ровъ.

Тутъ сталъ Иванушка въ путь — дорогу собираться, и ему захотѣлось въ пастухи зайцевъ наняться.

— Совсѣмъ работа по мнѣ, — говорилъ онъ, — гуляй себѣ цѣлые дни по лугамъ и по лѣсамъ, рви землянику, да спи себѣ на солнышкѣ!

Старикъ отецъ ну его уговаривать:

— Не ходи, сынокъ, къ королю, не берись не за свое дѣло, тутъ у насъ для тебя лучше работа нашлась-бы. Куда ужъ лѣнтю въ заячьи пастухи наниматься. Ты ступаешь, точно свинцомъ у тебя сапоги подбиты; стануть зайцы разбѣ-

гаться, нужно летать на крыльяхъ, чтобы не растерять ихъ. Не воротится тебѣ домой цѣлымъ и невредимымъ, вѣрь мнѣ, будетъ съ тобою то же, что случилось съ братьями твоими.

Но Иванушка и слушать не хотѣлъ.

— Или королю служить или никому,—сказалъ онъ рѣшительно,—да и зайцевъ пасти, право, не такъ ужъ трудно, какъ козъ или телятъ.

И, не долго думая, вскинулъ онъ ранецъ за плечи и отправился въ путь.

Шелъ онъ, шелъ, порядкомъ проголодался, пока набрелъ на то мѣсто, гдѣ старуха въ пень свой носъ защемила. Все-то она еще рвется и мечется бѣдная, да никакъ высвободить носа изъ щели не можетъ.

— Доброе утро, бабушка,—говорить Иванушка ласково,—что это ты тутъ, бѣдная, мучаешься?

— Уже цѣлую сотню лѣтъ никто не величалъ меня бабушкой,—сказала старушка,—освободи меня, молодецъ! Ты, какъ я вижу, парень добрый! Дай-ка ты мнѣ чего-нибудь поѣсть; сто лѣтъ прошло, какъ я крошки во рту не имѣла. Сослужи мнѣ службу и я отблагодарю тебя.

Иванушка расщепилъ пень, освободилъ старушку, а затѣмъ раздѣлилъ съ нею свой обѣдъ. Поѣвши, старушка подарила ему волшебную дудочку. Свистнешь съ одной стороны въ нее, все, что пожелаешь, разлетится во всѣ стороны; свистнешь съ другой стороны, все снова слетится къ тебѣ. Чудесная это была дудочка! Къ тому-же, кто-бы ее ни взялъ, она сама опять возвращалась къ хозяину.

Въ королевскомъ замкѣ Иванушку тотчасъ приняли въ пастухи, хорошее содержаніе ему положили и обѣщали отдать за него принцессу, если онъ будетъ исправно пасти королевскихъ зайцевъ; но если пропадетъ хоть одинъ маленький зайченокъ, вырѣжутъ ему три красныхъ ремня изъ спины.

Король зналъ, что Иванушкѣ зайцевъ не сбережъ и велѣлъ ужъ для него и ножъ наточить.

— Этихъ зайцевъ совсѣмъ не трудно пасти,—подумалъ Иванушка, видя, какъ они послушно держались стадочкомъ, пока онъ пасъ ихъ на лугу; но когда добрались до горнаго лѣса и солнце стало припекать на просѣкахъ и горныхъ склонахъ, зайцы поскакали всѣ по горамъ.

— Ну васъ, убирайтесь! — закричалъ Иванушка имъ вслѣдъ и посвисталъ въ дудочку. Зайцы вмигъ разбѣжались на всѣ четыре стороны и исчезли. Черезъ нѣсколько времени нашелъ Иванушка старое капустное поле и посвисталъ въ другой конецъ дудочки; вмигъ явились зайцы и выстроились передъ нимъ рядами, точно солдаты на парадѣ.

— Чудесная дудочка! — подумалъ Иванушка и улегся спать на солнышкѣ на холмѣ, а зайцы прыгали и паслись около него. Вечеромъ Иванушка привелъ ихъ въ королевскій замокъ, точно стадо овецъ какое. Король, королева и принцесса стояли на балконѣ и не могли надивиться, какъ это зайцы явились съ своимъ пастухомъ обратно. Сколько король ихъ не считалъ и не пересчитывалъ — всѣ были на лицо.

— Вотъ этотъ молодецъ, такъ молодецъ! — подумала принцесса.

На другой день отправился Иванушка снова въ лѣсъ со своимъ стадомъ; только что онъ развалился опять на травѣ, между земляникой, пришла къ нему Фрейлина, подосланная королемъ узнать, какъ онъ можетъ такъ хорошо стогать зайцевъ?

Онъ охотно показалъ ей дудочку и то, какъ зайцы по ея свисту разбѣгаются во всѣ стороны и опять собираются и строятся рядами.

Фрейлина воскликнула, что за такую чудесную дудочку она охотно дала-бы ему сто талеровъ.

— Да, дудочка хорошая,—согласился съ нею Иванушка, но я ее не продамъ за однѣ деньги; а хочешь фрейлина имѣть ее,—сними съ меня сапоги, а то жарко, лѣнь мнѣ самому съ мѣста двинуться.

— Вотъ вздоръ, — сказала фрейлина, — стану я пастуха разувать!

— Какъ знаешь, — сказалъ Иванушка, — а безъ этого дудочки тебѣ не отдамъ.

— Такъ и быть, — рѣшила фрейлина, подумавъ, — давай сюда ногу. Она разула пастуха, взяла дудочку и поспѣшила обратно въ королевскій замокъ; но на дорогѣ дудочка исчез-

ла и возвратилась къ Иванушкѣ, такъ что вечеромъ онъ опять явился со своимъ стадомъ, и какъ король ни считалъ— всѣ зайцы были, — на лицо до самаго послѣдняго зайченка.

На третій день король съ королевой послали принцессу, дочь свою, выманить у Иванушки дудочку.

Принцесса нѣжно и кротко, какъ голубка, стала просить его уступить ей дудочку за двѣсти талеровъ и научить, какъ донести ея въ цѣлости до дому.

— Дудочка рѣдкая, — сказалъ Иванушка, — ни за чтобы ее не продалъ, ну да ничего—изъ любви къ тебѣ уступлю ее за двѣсти талеровъ, да еще вдобавокъ ты мнѣ набей табаккомъ трубку и раскури ее. А что до дудочки, то береги ее въ дорогѣ, какъ сама знаешь, — это твое дѣло.

— Дорога эта цѣна для такой дудочки,—подумала принцесса; но особенно противно ей было закурить трубку,—ну, да ничего, въ лѣсу никто не увидитъ, надо-же добыть эту дудочку.

Она набила и закурила трубку Иванушкѣ, заплатила двѣсти талеровъ, взяла дудочку и всю дорогу ощущивала—тутъ-ли она?—но все-же едва дошла до замка, — дудочка выскользнула у ней между пальцевъ и исчезла.

На четвертый день отправилась сама королева въ лѣсъ съ твердымъ намѣреніемъ добыть дудочку. Какъ ни была она скупа и какъ ни торговалась, все-же должна была обѣщать за нее триста талеровъ. Но Иванушкѣ и этого было мало. Онъ потребовалъ еще, чтобы она почистила ему куртку, въ придачу. Королева отказала было ему наотрѣзъ чистить куртку, но наконецъ согласилась. Получивъ дудочку, она крѣпко завязала ее въ платокъ и спрятала въ карманъ. Но это однако ни на волосъ не помогло: — дудочка и у нея пропала, а Иванушка явился вечеромъ со всѣми королевскими зайцами, точно они были не зайцы, а кроткія овцы.

— Эти глупыя бабы не умѣютъ приняться за дѣло,—сказалъ король,—нужно мнѣ самому идти,—иначе не добыть намъ эту несносную дудку, а добыть надо ее, во что бы то ни стало.

И вотъ, на слѣдующее утро отправляется самъ король въ лѣсъ. Засталъ онъ Иванушку на томъ же самомъ холмѣ, на которомъ онъ велъ такую выгодную торговлю съ Фрейлиной, принцессой и королевой.

Король и Иванушка сошлись очень любезно. Они долго разсматривали дудочку, пробовали ея чудесную силу и король такъ ею заинтересовался, что сразу предложилъ за нее Иванушкѣ цѣлую тысячу талеровъ.

— Дудочка по истинѣ волшебная,—сказалъ Иванушка,—и я не отдамъ-бы ее ни за какія деньги, развѣ вотъ что.

Видишь тамъ въ лѣсу бѣлую лошадь, подъ большой сосной, на болотѣ?

— Да, это — моя собственная лошадь, — сказалъ король.

— Такъ дай мнѣ тысячу талеровъ и поцѣлуй ту лошадь — дудочка будетъ твоя.

— Нельзя-ли мнѣ получить дудочку за какую-нибудь другую цѣну? — спросилъ король.

— Нѣтъ, ни на что другое не согласенъ! — сказалъ Иванушка.

— А можно поцѣловать лошадь черезъ шелковый платокъ?

— На это я согласенъ, — сказалъ Иванушка.

Вотъ король поцѣловалъ лошадь, отдалъ пастуху денежки, получилъ дудочку, и положилъ ее въ кошелекъ; кошелекъ спряталъ въ карманъ, а карманъ застегнулъ пуговицей. Пришелъ домой, досталъ съ торжествомъ кошелекъ — но что это? — дудочки въ немъ какъ ни бывало. Вечеромъ Иванушка снова привелъ свое стадо цѣлешенькимъ.

Король страшно разсердился на своего пастуха, такъ разсердился, что рѣшилъ казнить его безъ всякихъ разговоровъ, а королева такъ вотъ и торопится, такъ вотъ и торопитъ его раздѣлаться съ мошенникомъ.

Иванушка сталъ было оправдываться, говоря, что онъ исполнялъ только то, что они сами приказывали и поэтому несправедливо и невозможно его казнить.

— Пустяки, — сказалъ король, — сказано, что умрешь, и умрешь; помилюю тебя только въ такомъ случаѣ, если съумѣешь насказать цѣлый коробъ лжи, да такъ, чтобы ложь черезъ край пошла.

— Это для меня самое легкое и веселое дѣло! — сказалъ Иванушка и началъ рассказывать, что съ нимъ случилось. Рассказывалъ онъ и про женщину, защемившую носъ въ пень дерева, и о томъ, какъ фрейлина у него торговала дудо-

чку за сто талеровъ, и въ придачу служила ему какъ горничная: снимала съ него сапоги.

— Не можетъ быть!—закричали придворные.

— Нужно-же мнѣ хорошенько врать, чтобы скорѣе наполнить бочку,—отвѣчалъ Иванушка и сталъ рассказывать о томъ, какъ пришла къ нему въ лѣсъ на холмъ принцесса, какъ она торговала дудочку, а онъ заставилъ ее набивать и закуривать себѣ трубку...

— Экіе враки!—закричали придворные.

— Какъ-бы мнѣ еще получше солгать? — прибавилъ

Иванушка и началъ рассказывать, какъ явилась къ нему сама королева, какъ она на деньги скупа, какъ долго торговалась; за то хорошо ему куртку вычистила...

— Довольно, право довольно,—сказала королева,—бочка совсѣмъ уже полна.

— Ну, нѣтъ—далеко еще не съ верхомъ! — рѣшилъ король.

— И вотъ—продолжалъ рассказывать Иванушка,—приходить ко мнѣ самъ король. Сидѣлъ я на горѣ, а внизу, на болотѣ, подъ сосной стояла королевская лошадь — и вотъ... вѣдь надо-же мнѣ хорошо соврать, чтобъ наполнить бочку...

— Стой, стой!—закричалъ король, — развѣ не видишь твоя ложъ уже черезъ край пошла!

Что было дѣлать? Отдали король съ королевой за Иванушку принцессу и дали половину королевства въ приданое.

ЛОВЛЯ МАКРЕЛЕЙ

Я выросъ на морѣ и съ ранняго дѣтства жилъ среди волнъ и скалъ. Отечество мое богато хорошими моряками, что вполне естественно, такъ какъ всѣ они привыкають къ морю спозаранку: едва дѣти выучатся бѣгать, они лазають каждое утро на прибрежные утесы наблюдать море и погоду; лишь только они въ состояніи поднять весло, какъ уже въ лодкѣ, и скоро начинаютъ свыкаться съ морскими опасностями. Въ молодости я часто плавалъ съ однимъ мѣстнымъ лоцманомъ, лучшимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ моряковъ. Часы, проведенные съ нимъ, принадлежать къ моимъ любимѣйшимъ воспоминаніямъ. Свободенъ и веселъ, какъ птица, носился я по волнамъ. То въ легкой лодкѣ ѣздили мы съ нимъ среди шхеръ *)

на утиную, гагачью или тюленью охоту; то уходили далеко

*) Шхера—плоскій скалистый островокъ. *Прилмн. персв.*

въ море на палубной шлюпкѣ ловить макрелей. Если встрѣчалось судно, требовавшее лоцмана, я принималъ команду надъ нашей шлюпкой и возвращался домой одинъ или съ лоцманскимъ юнгой. Съ этого-то времени у меня явилась неудержимая страсть къ морю.

Не стану распространяться о прелестяхъ морской жизни, лучше расскажу о поѣздкѣ, совершенной нами нѣсколько лѣтъ тому назадъ во время моего отдыха на родинѣ.

Мы уже нѣсколько дней находились въ отдаленнѣйшихъ шхерахъ, на большомъ палубномъ ботѣ съ шпротовымъ парусомъ *). Команда состояла изъ Размуса Ольсена — моего друга, лоцманскаго юнга и меня. Однажды на разсвѣтѣ пошли мы на море на ловлю макрелей. Съ земли тянуть легкій вѣтерокъ и съ трудомъ разгонялъ густой туманъ, лежавшій надъ шхерами и голыми утесами, откуда съ рѣзкимъ крикомъ срывались то испуганныя чайки, то касатки, то морскія сороки, крикъ которыхъ такъ похожъ на смѣхъ человека, что неопытные люди принимаютъ его часто за хохотъ. Воздухъ былъ густъ и тяжелъ; свинцовая поверхность моря лишь изрѣдка оживлялись чистикомъ, ныркомъ, стаей гагъ или стонущимъ дельфиномъ. Размусъ—крѣпкій мужчина большого роста, — сидѣлъ у руля, а юнга, смотря по необходимости, находился то на носу, то на кормѣ. Загорѣлое, обвѣтренное лицо стараго лоцмана дышало добродушіемъ, но взглядъ его умныхъ сѣрыхъ глазъ былъ строгъ и испытующъ; видно было, что онъ привыкъ встрѣчать опасность.

Въ желтоватой курткѣ и зюдь-весткѣ **), натянутой до ушей, старикъ казался въ утреннемъ туманѣ почти сверхъ-

*) *Шпротовый парусъ*—косой парусъ, прикрѣпленный къ діагональной реѣ (*шпроту*), идущей отъ основанія мачты въ верхній наружный уголъ паруса; *примѣръ*—паруса чухонскихъ лайбъ. *Примѣч. персв.*

**) *Дождевал шляпа*. Въ русскомъ флотѣ *зюдьвестками* называютъ вообще всю дождевую одежду (названіе происходитъ отъ SW, юго-западнаго вѣтра, обыкновенно сопровождающагося дурной погодой.) *Примѣч. персв.*

естественной величины и напоминалъ привидѣніе изъ временъ викинговъ — только въ тѣ времена не курили табаку, какъ это дѣлалъ наипрениправнѣйшимъ образомъ, Размусъ Ольсенъ.

— Вѣтеръ такъ слабъ, что не перевернулъ бы берестяной лодочки въ водосточномъ жолобѣ, — сказалъ Размусъ, поглядывая во всѣ стороны и замѣняя свою табачную жвачку маленьксі, до черна обкуреной глиняной трубочкой; — вчера на закатѣ все небо было покрыто вѣтровыми облаками, а теперь вѣтра и полной шляпы не насобираешь!

Юнга, смотрѣвшій впередъ и дѣйствовавшій весломъ съ праваго борта, чтобы ботъ не сносило теченіемъ къ западу, возразилъ, что впереди, кажется, разъяснивается.

— Фу ты пропасть! — совсѣмъ не похоже на утреннюю зарю, — продолжалъ Размусъ, — видно до самаго восхода солнца все такъ будетъ; ну, а тамъ жди вѣтра больше, чѣмъ намъ нужно.

Однако, вскорѣ потянулъ свѣжій вѣтерокъ; мы пошли безъ помощи весла и быстро проскользнули въ море. Туманъ постепенно исчезалъ и можно было различить голубоватый берегъ и обнаженные холмы. Впереди разстилалось безконечное море, отливавшее красноватымъ блескомъ подъ утренними лучами солнца.

Береговой вѣтеръ еще не улегся; но чѣмъ выше поднималось солнце, тѣмъ свѣжѣй задувало съ моря, и поднимающійся туманъ закутывалъ землю; вотъ потянулъ, наконецъ, настоящій макрельный вѣтеръ.

Мы скоро попали въ стадо макрелей, закинули удочки и начали таскать одну за другой этихъ прелестныхъ серебристыхъ обитательницъ моря. Но радость наша, какъ водится, была не особенно продолжительна.

Къ срединѣ дня вѣтеръ окрѣпъ; море сдѣлалось неспокойно, развело большое волненіе; наконецъ, удочки пе-

рестали погружаться въ воду и грузики на нихъ прыгали по гребнямъ волнъ. Хотя опытная рука лощмана держала руль, громадныя валы поминутно обрушивались на нашу орѣховую сторлупку и пѣна взлетала выше мачты. Мы принуждены были убрать удочки.

Юнга сидѣлъ въ большомъ люкѣ, болталъ ногами и зѣвалъ по сторонамъ. Иногда онъ спускался въ каюту и смотрѣлъ на свои часы, лежавшіе въ большомъ красномъ корабельномъ сундукѣ.

— Все любитъся на часы, да на сундукъ, — смѣясь и подмигивая замѣтилъ Размусъ; — и какъ не любить ему ихъ: кабы не они, гулять бы ему теперь съ рыбами по дну морскому.

Я попросилъ его объяснить мнѣ — въ чемъ дѣло, и онъ разсказалъ слѣдующее:

«Въ прошломъ году въ октябрѣ стоялъ сильный штормъ; я съ большимъ трудомъ держался на волненіи, но оставался таки въ морѣ, и мой юнга былъ со мной. Наконецъ, я окликнулъ голландское судно и перешелъ на него; но мысль о моей шлюпкѣ и юнгѣ не выходила у меня изъ головы и я ежеминутно поглядывалъ на нихъ. Вдругъ, вижу — огромная волна накатилась сзади, шлюпка нырнула носомъ и пошла ко дну. Мы не могли помочь, даже еслибъ и захотѣлъ шкиперъ — это было слишкомъ далеко. Я молился про себя и думалъ: не видать мнѣ больше моего юнга. И что-жъ бы вы думали? возвращаюсь домой, а онъ встрѣчаетъ меня, показываетъ свои часы и говорить:

«— Я спасъ часы и они еще идутъ.

«— Слава Богу, что ты-то спасенъ, — подумалъ я; ну, а насчетъ шлюпки какъ-нибудь устроимся, хоть она мнѣ стоила полтора ста талеровъ, да и новешенькіе паруса на ней были. Вы спросите, какъ онъ спасся? А вотъ изволите видѣть... да, да, малецъ, — обратился онъ къ юнгѣ, — кому

суждено быть повешеннымъ, тотъ не утонетъ... Такъ вотъ идетъ бригъ (онъ какъ разъ теперь стоитъ къ сѣверу отсюда на стоянкѣ); вдругъ, слышитъ его команда крикъ (имъ и въ голову не приходило, что крикъ раздался снаружи); одинъ изъ матросовъ побѣжалъ на носъ, но тамъ все въ порядкѣ. А тутъ опять крики подъ самымъ носомъ. Прибѣжалъ капитанъ, выглянулъ и видитъ, нашъ юнга сидитъ на сундукѣ и держитъ часы высоко надъ волнами. Капитанъ быстро далъ сигналъ рулевому остановиться; имъ удалось повернуть, бросить канатъ и взять юнгу на бортъ.

Въ это время вѣтеръ немного стихъ и мы снова принялись удить среди безконечныхъ рассказовъ.

— Эге,—сказалъ Размусъ, покачивая головой и набивая трубку,—тамъ на югѣ опять что-то собирается. Вѣтерокъ, поигравшій нами, изображалъ только утреннюю закусочку. Вотъ увидите, какъ насъ потреплеть; даже рыба предчувствуетъ и не клюетъ больше; и птица тревожится: слышите, какъ она кричитъ, стараясь пробраться ближе къ землѣ. Къ вечеру разыграется дьявольская погода. Смотрите, смотрите: эта бестія такъ близко вертится, что я могъ-бы... наплевать на него, хотѣлъ онъ сказать, но въ ту-же секунду грянуло мое ружье по дельфину, игравшему среди волнъ рядомъ съ нами. Онъ сильно ударилъ хвостомъ, такъ что вода фонтаномъ взлетѣла до верха мачты и окатила насъ всѣхъ.

— Если это оборотень, такъ ужъ онъ намъ никакой штуки навѣрно не устроить, сказалъ я, видя какъ вода окрасилась кровью дельфина. Скоро онъ однако опять появился, сильно застонавъ, и повернулся брюхомъ къверху. Размусъ ловко вонзилъ въ него багоръ и втащилъ его съ моей помощью въ боть. Онъ вертѣлъ тяжелое животное съ бока на бокъ, ласкалъ его, какъ ребеночка, и наконецъ заявилъ, что это жирнѣйшій водяной чортъ, который отлично пригодится для сапожной мази и ламповаго масла.

Мы заговорили объ оборотняхъ и вѣдьмахъ, вызывающихъ бурю; мнѣ вспомнилась странная исторія, слышанная въ дѣтствѣ отъ Размуса, но такъ смутно, точно я все это во снѣ видѣлъ. Я сообщилъ это Размусу.

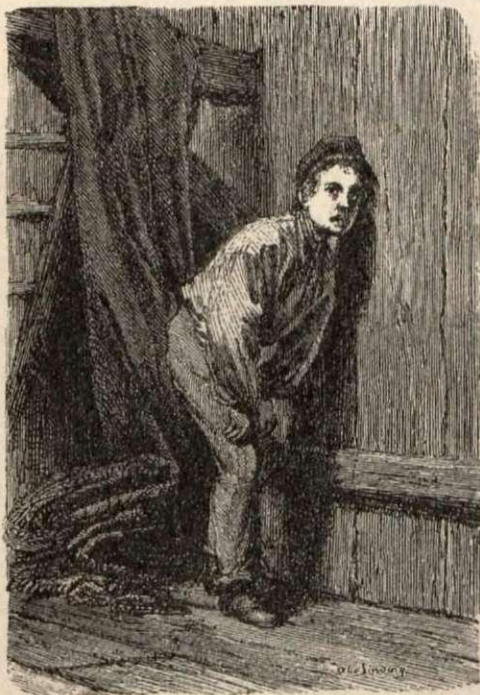
— Ахъ, да! — сказалъ онъ и засмѣялся; это изъ тѣхъ разсказовъ, что зовутъ нынче враньемъ моряковъ, хотя въ старину въ нихъ вѣрили, какъ въ «Отче-Нашъ». Мой старый дѣдъ разсказывалъ эту исторію мнѣ, когда я былъ маленькимъ мальчишкой; но былъ-ли тотъ юнга, съ которымъ случилась исторія, его дѣдомъ или прадѣдомъ, я ужъ не могу припомнить. Ну, да все равно, дѣло было такъ:

— Этотъ юнга цѣлое лѣто плавалъ съ однимъ шкиперомъ; когда-же стали собираться въ осенній рейсъ, онъ вдругъ затосковалъ и не хотѣлъ отправляться. Шкиперъ любилъ его, потому что хотя онъ былъ еще молодъ, но отлично понималъ морское дѣло. Для своихъ лѣтъ онъ былъ очень великъ и силенъ и не боялся тяжелой работы, исполняя почти всю матросскую службу; притомъ же, онъ отличался веселымъ нравомъ и оживлялъ весь экипажъ. Понятно, шкиперу не хотѣлось его лишиться. Но малый ни за что не желалъ пуститься въ осеннее плаванье и сказалъ, что останется на суднѣ, лишь куда его нагрузятъ. Разъ въ воскресенье, когда команда съѣхала на берегъ, а шкиперъ, желая обдѣлать дѣльце и на свой пай, отправился къ лѣсному крестьянину закупить дровъ и обрѣзковъ досокъ для палубнаго груза, юнгѣ поручили стеречь судно. Долженъ я вамъ замѣтить, что онъ родился въ воскресенье и нашелъ четыре-листный клеверъ; поэтому онъ былъ духовидецъ и могъ видѣть оборотней, а тѣ его видѣть не могли.

— Да, да, знатная погода будетъ! — прервалъ вдругъ свой разсказъ лоцманъ, вставъ и глядя на югъ, защитивъ глаза рукой отъ солнца, ярко сіявшаго на длинныхъ гладкихъ волнахъ. Глядите-ка, какая туча идетъ, съ грозой и молніей.

Надо-бы убираться во-время, а вѣтру нѣтъ—у насъ почти штиль; мы болтаемся на волнахъ, какъ куль сѣна. Нужно взять рифы *), пока до насъ не дошло. Йонъ, живо!

Покуда брали рифы, я сталъ на руль и смотрѣлъ на приближающуюся грозу. Вокругъ насъ было свѣтло и почти тихо;

вѣтеръ улегся, но нашъ боть качался на волнующемся морѣ. Далеко на югѣ подымалась рѣзко очерченная темная туча. Сначала она имѣла видъ узенькой полоски, сливавшейся съ горизонтомъ, затѣмъ стала постепенно выдвигаться широкой завѣсой, окаймленной тяжелыми, соломенно-желтыми, скомканными грозowymi облаками. Минутами туча свѣтлѣла и сквозила, словно кто сзади проходилъ съ огнемъ. Молніи не было видно, но доносился слабый грохотъ;

я думалъ сначала, что это просто гудятъ волны.

— Ну-съ,—сказалъ Размусъ, раскуривъ трубку и снова взявшись за руль,—нашъ юнга былъ духовидцемъ. Вотъ сидитъ онъ въ матросской каютѣ и слышитъ, какъ кто-то болтаетъ въ трюмѣ. Онъ поглядѣлъ въ щелку: видитъ, сидятъ на попе-

*) *Брать рифы* — убавлять парусъ, скручивая его край и завязывая особыми веревочками (рифами), вшитыми въ парусъ.

Прим. перев.

речной балкѣ три, какъ смоль черныхъ, вороны и говорятъ о своихъ мужьяхъ; всѣмъ имъ они, вишь, до смерти надоѣли. Легко было понять, что это вѣдъмы, обернувшіяся въ птицъ.

— Но вѣрно-ли, что насъ никто не слышитъ? — спросила одна изъ нихъ. Мальчикъ узналъ по голосу, что это жена шкипера.

— Ты сама видишь, — мы здѣсь однѣ-одинешеньки, отвѣчали двѣ другихъ (это были жены перваго и втораго штурмановъ).

— Ну, такъ я вамъ скажу хорошее средство отдѣлаться отъ нашихъ мужей, снова начала жена шкипера и подсказала поближе къ остальнымъ: мы обратимся въ три огромныхъ волны, смоемъ ихъ за бортъ и потопимъ судно со всѣмъ экипажемъ. Предложеніе это понравилось ея собесѣдницамъ и онѣ долго говорили, когда и гдѣ это сдѣлать.

— Никто насъ не слышитъ? — опять спросила жена шкипера.

— Сама знаешь, что никто — отвѣчали другія.

— Такъ я вамъ скажу, есть средство противъ нашего замысла и если его примѣнить — мы погибли. Надо купить ровно три сажени березовыхъ дровъ, не торгуясь. Когда налетитъ первая волна, надо выбросить одну сажень по полѣну; когда придетъ вторая, — выбросить вторую сажень, — опять по полѣну; обрушится третья волна, — тѣмъ-же способомъ выкинуть третью сажень; тогда мы погибли.

— Да, это правда, тогда мы погибли, тогда мы погибли! глухо прокаркали штурманскія жены; но вѣдь никто этого не знаетъ! воскликнули онѣ и, громко засмѣявшись, вылетѣли изъ главнаго люка, крича и каркая, какъ настоящія вороны.

Когда насталъ часъ отплытія, мальчикъ ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ ѣхать съ другими, какъ ни уговаривалъ его шкиперъ. Его спросили, наконецъ, не боится-ли онъ

осеннихъ бурь, предпочитая сидѣть у печки подъ юбкой матери.

— Нѣтъ, сказали онъ, я не боюсь и вы навѣрно до сихъ поръ не считали меня такой сухопутной крысой; чтобы доказать это еще разъ, я ѣду, но съ однимъ условіемъ: купите, не торгуясь, три сажени хорошо смѣянныхъ березовыхъ дровъ и дайте мнѣ команду надъ судномъ на одинъ день,—въ тотъ день, когда я самъ назначу.

— Вотъ-то, дурацкія шутки придумалъ!—сказалъ шкиперъ; виданное-ли дѣло, чтобы юнгѣ поручалось управленіе судномъ.

Но мальчикъ отвѣчалъ, что ему все равно; не хотятъ—и не надо, а его нога больше не будетъ у нихъ на борту.

Это показалось шкиперу страннымъ, но онъ въ концѣ концовъ согласился, желая во что бы то ни стало взять юнгу съ собой.

— Дай только выйти въ море, а ужъ тамъ мы тебя поставимъ на умъ, подумалъ онъ. Штурманъ былъ того-же мнѣнія—«ничего, дадимъ ему покомандовать; а будетъ слишкомъ дрейфить, мы исправимъ дѣло подзатыльниками».

Итакъ, купили безъ торгу ровно три сажени березовыхъ дровъ и судно вышло въ море.

Въ тотъ день, когда шкиперомъ долженъ былъ сдѣлаться юнга, была спокойная, прекрасная погода; но онъ вызвалъ всѣхъ наверхъ крѣпить паруса и брать рифы. Шкиперъ и команда смѣялись.

— Сейчасъ видно, каковъ капитанъ, говорили они; не убрать-ли и послѣдній вершокъ парусовъ?

— Еще рано, но скоро понадобится, отвѣчалъ юнга.

Вдругъ налетѣлъ такой сильный шквалъ, что не будь паруса зарифлены, судно неминуемо погибло бы. Когда покатила черезъ него первая громадная волна, юнга скомадовалъ выбрасывать первую сажень дровъ, полѣно за полѣ-

номъ и отнюдь не по два сразу. На этотъ разъ моряки проворно послушались: у нихъ прошла охота смѣяться. Когда вылетѣло послѣднее полѣно, раздался чей-то предсмертный стонъ, и шкваль тотчасъ стихъ.

— Богъ спасъ! — перекрестились моряки.

— Я говорю и, — повторяю это передъ всей нашей корабельной компаніей, — что ты спасъ судно и грузъ, сказалъ юнгѣ шкиперъ.

— Все это прекрасно, но мы еще не кончили, возразилъ мальчикъ; скоро будетъ хуже. И онъ приказалъ убрать послѣдніе паруса.

Вотъ заревѣлъ второй шкваль, еще сильнѣй перваго, и команда пришла въ ужасъ. Когда вѣтеръ достигъ наибольшей силы, мальчикъ приказалъ бросать вторую сажень дровъ. Выбросивъ послѣднее полѣно, снова слышали глубокий стонъ, и буря улеглась.

— Теперь ждите еще шквала и самого злаго! — сказалъ мальчикъ и поставилъ каждаго матроса на его постъ.

Налетѣлъ послѣдній шкваль, свирѣпѣе обоихъ первыхъ: судно такъ и ложилось то на ту, то на другую сторону, всѣ боялись, что оно не встанетъ, и волны неслись черезъ палубу и шканцы. Юнга велѣлъ выбрасывать третью сажень дровъ, по полѣну и отнюдь не по два. Когда полетѣло послѣднее полѣно, слышался отчаянный вопль, выпускаемый человекомъ въ безнадежной борьбѣ со смертью. Буря улеглась, а все море, сколько его можно было видѣть, окрасилось кровью.

Прибывъ въ портъ назначенія, шкиперъ и штурманы хотѣли писать женамъ.

— Оставьте, не пишите! — сказалъ имъ мальчикъ; у васъ больше нѣтъ женъ.

— Это еще что за вздоръ, поросенокъ, ишь что выдумалъ: у насъ нѣтъ больше женъ! воскликнулъ шкиперъ.

— Что-же, ты что-ли спровадилъ ихъ на тотъ свѣтъ? прибавилъ штурманъ.

— Не я одинъ, мы всѣ въ этомъ виноваты, возразилъ мальчикъ и рассказалъ все видѣнное имъ въ воскресенье передъ отплытіемъ.

Прибывъ домой, они узнали, что ихъ жены исчезли въ день бури и никто ихъ больше не видалъ.

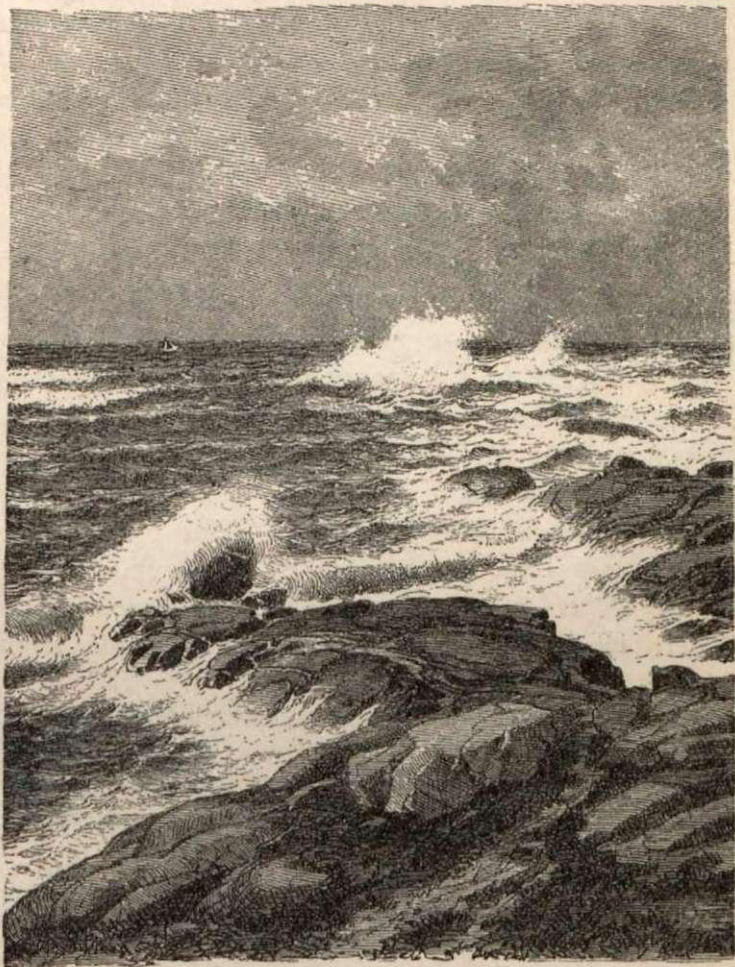
Покуда Размусъ рассказывалъ это и много другихъ преданій, наступилъ вечеръ. Гроза надвигалась, захватывая небо; молніи то сверкали прямо въ море, то змѣнились горизонтально, окаймляя огненной бахромой пышныя складки темной облачной завѣсы; минутами она вся сквозила, какъ тюль. Гроза еще далеко не дошла до насъ; громовые удары чуть слышались и волны до самаго горизонта были свѣтлы и длинны, отливая кровью подъ лучами солнца, садившагося въ красныя облака. Но мы ясно видѣли, что намъ не избѣжать непогоды.

Волны стали вздыматься выше. Теченіе несло насъ къ землѣ, а вѣтеръ только минутами трогалъ парусъ. При послѣднихъ лучахъ солнца, мы увидѣли далеко на горизонтѣ черную полосу; когда подошли ближе, вдоль нея показалась бѣлая кайма пѣны. Гроза настигла насъ и кругомъ были мракъ и буря. Стрѣлой мчалась шлюпка и мы скоро были у крайнихъ шхеръ, надъ которыми носились бѣлыя облака испуганныхъ морскихъ птицъ; но крикъ ихъ заглушался ревомъ прибоя. Шхеры ослабляли немного волненіе; за то ближе къ землѣ, гдѣ море опять стало свободно, оно снова усилилось, и мы видѣли, при свѣтѣ молніи, вдоль всего берега пѣнящіеся буруны *), грохотъ которыхъ оглушалъ насъ. Размусъ зорко вглядывался въ темноту, для меня непрони-

*) *Буруны* — прибой, высокія волны, вставшія, когда валъ накатывается на прибрежныя отмели и камни.

Прим. перев.

цаемую; я видѣлъ только широкую бѣлую полосу пѣны, къ которой мы приближались съ грозной быстротой. Наконецъ, появилась маленькая черная точка и мы стали спускаться

въ нее. Черезъ нѣсколько мгновений нашъ боть влетѣлъ между высокихъ буруновъ въ маленькій заливъ подъ Уллерхофедомъ, защищенный утесомъ отъ вѣтра и волнъ.

П Л У Т Ъ

ЖИЛИ старикъ со старухой; у нихъ были сынъ и дочь—двойни,—и до того похожіе другъ на друга, что только по платью ихъ различали. Сына звали *Плутъ*, потому что онъ постоянно плутовалъ, надувалъ, обманывалъ и дурачилъ людей; никому не было отъ него покоя. Когда же умерли его родители, дѣла пошли еще хуже—работать Плутъ ничего не хотѣлъ, а только и дѣлалъ, что тратилъ отцовское наслѣдство, да ссорился съ сосѣдями. Сестра работала изо всѣхъ силъ, но ея заработка не хватало на прожитокъ и она часто выговаривала брату за его глупую лѣнь.

— Чѣмъ-же мы будемъ жить, когда ты все истратишь?—спрашивала она.

— А я тогда надую кого-нибудь, — говорилъ Плутъ.

Когда все было прожито, Плутъ принарядился и отправился въ путь.

Шелъ онъ, шелъ, пока не пришелъ въ столицу короля. Король стоялъ на балконѣ и, увидя мальчика, спросилъ:

— Куда ты идешь, Плутъ?

— Да вотъ хочу попробовать надуть кого-нибудь, — отвѣчалъ тотъ.

— Не можешь-ли ты меня надуть?—спросилъ король.

— Нѣтъ, не могу,— возразилъ Плутъ;— я забылъ свои плутни дома.

— Ну, такъ ступай и принеси ихъ; мнѣ-бы хотѣлось посмотрѣть, такой-ли ты мошенникъ, какъ говорятъ,— прибавилъ король.

— Я плохой ходокъ, долго меня ждать придется,— возразилъ Плутъ.

— Я одолжу тебѣ лошадь и сѣдло, сказалъ король.

— Да и въ ѣздоки я не гожусь, упрямился Плутъ.

— Мы тебя посадимъ на лошадь,—сказалъ король:—ну, а тамъ ты какъ нибудь удержишься.

Плутъ почесалъ въ затылкѣ — и согласился.

Все время, пока онъ не скрылся изъ глазъ короля въ лѣсу за холмомъ, онъ такъ болтался въ сѣдлѣ, что король до слезъ смѣялся: такого всадника онъ еще не видывалъ; но какъ только въѣхалъ онъ въ лѣсъ, такъ помчался стрѣлой въ ближній городъ и продалъ лошадь съ сѣдломъ. Король между тѣмъ похаживалъ по дворцу, поджидая Плута съ его плутнями и смѣялся, вспоминая его жалкую фигуру, когда онъ болтался въ сѣдлѣ, точно мѣшокъ съ сѣномъ, того и гляди, на которую нибудь сторону да евалится. Но время шло, а Плутъ не являлся.

Наконецъ, король понялъ, что онъ обманутъ, а лошадь и сѣдло украдены, хотя Плутъ и не имѣлъ при себѣ всѣхъ своихъ плутней. Тогда дѣло приняло другой оборотъ — король разгнѣвался и рѣшилъ пойти убить Плута.

Плутъ, узнавъ, въ какой день король хочетъ придти, приказалъ своей сестрѣ налить въ глиняный горшокъ капельку воды и поставить его на огонь. Въ ту минуту, когда король входилъ къ нему, Плутъ схватилъ горшокъ съ кипяткомъ съ огня, поставилъ его на обрубокъ и сдѣлалъ видъ, что варить кашу на обрубкѣ. Король очень этому удивился,— такъ удивился, что забылъ—зачѣмъ пришелъ.

— Сколько ты хочешь получить за этот горшок?— спросил онъ.

— Я не могу безъ него обойтись, — сказалъ Плутъ.

— Отчего это ты не можешь обойтись безъ него?— спросилъ король: — я бы тебѣ далъ хорошую цѣну.

— Эхъ-ма!—отвѣчалъ Плутъ.— Съ нимъ мнѣ не нужно ни трудиться, ни деньги тратить; не нужно ни дровъ, ни дровосѣка, ни нагрузки, ни перевозки.

— Все равно, я дамъ тебѣ сто талеровъ, сказалъ король. Ты меня надулъ на лошади,—на сѣдлѣ и уздѣ, но все это будетъ забыто, если отдашь мнѣ горшокъ.

— Такъ и быть,—сказалъ Плутъ,— берите его себѣ за сто талеровъ.

Вернувшись домой, король созвалъ гостей на пиръ, но все кушанье приказалъ варить въ волшебномъ горшкѣ, который онъ собственноручно поставилъ на полъ среди залы. Гости подумали, что съ королемъ что-то неладно, похаживали около него, переглядывались, да посмѣивались надъ его выдумкой а король все ходилъ около горшка и твердилъ: «Да, да, подождите—вотъ онъ сейчасъ станетъ кипятить»; но ничего изъ этого не вышло. Сообразилъ король, что Плутъ опять сыгралъ съ нимъ штуку и опять собрался пойти и убить его. Приходить онъ къ Плуту, а тотъ стоитъ себѣ около амбара и спрашиваетъ:

— Должно быть, горшокъ-то не хотѣлъ кипятить?

— Да не хотѣлъ, отвѣчалъ король:—ты со мою сейчасъ за это расплатишься! и онъ выхватилъ мечъ.

— Легко этому повѣрю, возразилъ Плутъ,—ты вѣдь не взялъ съ собою чурбана?

— Да не врешь-ли ты опять? спросилъ король.

— Вся штука въ чурбанѣ, на которомъ стоялъ горшокъ; безъ него онъ не станетъ кипятить, сказалъ Плутъ.

— Сколько-же ты за него хочешь?

— Хоть онъ и стоитъ вѣрныхъ триста талеровъ, но изъ уваженія къ королю, такъ и быть, возьму двѣсти, сказалъ Плуть.

Получивъ чурбанъ, король ушелъ съ нимъ. Опять созвалъ онъ гостей на пиръ и поставилъ горшокъ на чурбанъ среди комнаты. Гости опять съ недовѣріемъ поглядывали на его затѣи, считая подобное дѣло невѣроятнымъ, а король ходилъ около горшка и говорилъ:—вы только подождите—теперь навѣрное онъ станетъ кипити, сейчасъ въ немъ закипитъ кушанье! Но горшокъ и на чурбанѣ также не хотѣлъ кипити, какъ и стоя на полу. Надулъ опять Плуть короля!

Почесалъ король голову и рѣшилъ, что теперь уже не пощадить Плута — убьетъ его и никакихъ его рассказней слушать не станетъ; но Плуть опять приготовился къ его приему: убилъ барана, налилъ его крови въ пузырь и приказалъ своей сестрѣ спрятать его у себя на груди.

— Гдѣ Плуть? закричалъ король дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ.

— Онъ спитъ и такъ слабъ, что шелохнуться не можетъ, отвѣчала сестра, наученная Плутомъ.

— Разбуди его, приказалъ король.

Но сестра не рѣшалась—Плуть такой вспыльчивый.

— Э, я еще вспыльчивѣе! закричалъ король:—если ты его сейчасъ-же не разбудишь — я тебя! и король схватилъ мечъ.

Нечего дѣлать—пошла сестра будить Плута; тотъ вскочилъ и ударилъ ее ножомъ прямо въ грудь, такъ что кровь брызнула изъ пузыря фонтаномъ; сестра упала и притворилась мертвою.

— Что ты за злодѣй, Плуть — закололъ свою родную сестру до смерти, — и къ тому-же въ присутствіи твоего короля.

— Это ничего—лишь бы только хоть искра жизни осталась въ тѣлѣ, я тотчасъ ее оживлю, возразилъ Плуть. Взялъ онъ рожокъ и сталъ трубить. Протрубивъ свадебную пѣ-

сенку, приставилъ онъ рожокъ сестрѣ ко рту, дунулъ въ него и она встала, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Оборони насъ Боже отъ такихъ людей, какъ ты! сказалъ король:—ты убиваешь и умѣешь опять оживлять!

— Что-же мнѣ остается дѣлать—я такой вспыльчивый, что легко могу убить всякаго, съ кѣмъ имѣю дѣло, отвѣчала Плуть.

— Я самъ вспыльчивый, сказалъ король:—и этотъ рожокъ мнѣ необходимъ. Даю тебѣ за него сто талеровъ, прощаю кражу лошади, то, что ты надулъ меня на горшкѣ и на чурбанѣ, и всѣ твои остальные грѣхи.

Трудно было Плуту обойтись безъ рожка, но изъ уваженія къ королю онъ отдалъ его и король стрѣлой помчался къ себѣ—такъ ему хотѣлось испытать силу рожка.

Пріѣхавъ король домой и давай нарочно ссориться и браниться съ королевою и своей старшей дочерью—тѣ въ долгу не оставались; но вдругъ король выхватилъ мечъ и заколотъ ихъ. Упали онѣ обѣ мертвыми, а всѣ придворные разбѣжались отъ страха. Король-же похаживалъ, да болталъ всякій вздоръ про то, какъ онъ ихъ оживить; наконецъ взялъ рожокъ и принялся трубить. Трубилъ день, трубилъ другой—трубилъ изъ всѣхъ силъ, но не могъ оживить ни королевы, ни дочери,—пришлось ихъ похоронить, да еще поминки сдѣлать.

Разгнѣвался король на Плута и рѣшилъ опять убить его.

Но, тому такъ удалось узнать заранѣе время прихода короля и поэтому онъ сказалъ сестрѣ:—обмѣняйся со мной платьемъ, возми все, что у насъ есть и уходи.

Сестра переодѣлась въ его платье, уложила вещи и поспѣшно ушла, а Плуть, переодѣтый сестрою, остался одинъ въ домѣ.

— Гдѣ Плуть? закричалъ король, входя, страшно разгнѣванный.

— Онъ уѣхалъ, отвѣчала воображаемая сестра Плута.

— Попадись онъ мнѣ! я-бы его убилъ, сказалъ король: — такой негодай, какъ онъ, не заслуживаетъ пощады.

— Плутъ узналъ, что король хочетъ его убить за его плутни, ушелъ и бросилъ меня здѣсь безъ денегъ и безъ пищи, сказалъ переодѣтый Плутъ и заплакалъ такъ жалобно, точно онъ и впрямь былъ красной дѣвушкой.

— Поѣдемъ со мною въ мой королевскій замокъ; тебѣ тамъ всего будетъ вволю, — сказалъ король. — Не годится дѣвушкѣ сидѣть тутъ одной, да еще голодать.

Плутъ этому былъ очень радъ. Король взялъ его съ собою и сталъ любить и учить наравнѣ со своими дочерьми; у него стало словно три дочери, такъ какъ Плутъ подрублялъ и шилъ, шалилъ и игралъ съ ними съ утра до вечера. Спустя нѣкоторое время пріѣзжаетъ къ нимъ сынъ одного короля — невѣсть смотрѣть.

— У меня три дочери, — говоритъ король, — которая тебѣ понравится, ту и бери.

Пошелъ королевичъ въ комнаты принцессъ — поболтать съ ними и себя имъ показать. Плутъ понравился королевичу больше всѣхъ; до того онъ ему понравился, что королевичъ бросилъ ему шелковый платокъ и сейчасъ-же назначили день свадьбы.

Наѣхали родные королевича, собрались всѣ придворные короля и начали пировать.

Наступилъ уже вечеръ — вдругъ невѣста пропала! — Плутъ испугался и бѣжалъ изъ королевскаго замка въ лѣсъ. Король ужасно разсердился и огорчился, а обѣ королевны захворали съ горя, такъ что свадебный пиръ кончился бѣдой и всѣ разъѣхались по домамъ. Съѣлъ король на лошадь и поѣхалъ прокатиться — такъ ему было скучно дома. Выѣхалъ онъ въ поле — глядь — а на придорожномъ камнѣ сидитъ Плутъ, одѣтый уже въ свое платье.

— Какъ ты смѣешь тутъ сидѣть, Плутъ? — вскричалъ король.

— А гдѣ-же мнѣ больше сидѣть? — отвѣчалъ Плутъ.

— Ты меня столько разъ дерзко обманывалъ, что теперь я тебя казню. Иди за мною!

— Если ужъ иначе ничего нельзя подѣлать — охотно пойду, — сказалъ Плутъ.

Какъ только они прибыли въ королевскій замокъ, король приказалъ заколотить Плута въ бочку, отвезти на высокій

утесъ и оставить тамъ на три дня, чтобы онъ могъ хорошенько раскаяться въ своихъ грѣхахъ, а на третій день бочку сбросить въ Фіордъ.

На третій день проѣзжаетъ мимо одинъ богачъ и слышитъ, что Плутъ поетъ въ бочкѣ:

Въ царство небесное, въ рай къ Божиимъ
ангеламъ

Долженъ я тотчасъ летѣть!

Ахъ! если-бъ на солнце хоть разъ передъ
странствіемъ

Я могъ-бы еще посмотрѣть!

Услышавъ эту пѣсню богачъ и сталъ просить Плута уступить ему свое мѣсто.

— Это не дешево стоитъ, — сказала Плутъ, — вѣдь не каждый день встрѣчается случай попасть въ царство небесное.

Богачъ обѣщавъ отдать ему все свое состояніе. Тогда Плутъ позволилъ ему выбить дно у бочки и залѣзть въ нее на свое мѣсто.

Въ скоромъ времени пришелъ король и приказавъ сбросить бочку въ Фіордъ.

— Счастливаго пути! — сказалъ онъ при этомъ, думая, что въ бочкѣ сидитъ Плутъ. — Вотъ ты и отправился въ воду скорѣе, чѣмъ на саняхъ, запряженныхъ оленями. Конецъ тебѣ и твоимъ плутнямъ!

Не успѣла бочка пролетѣть полъ-пути до воды, какъ разбилась въдребезги объ утесъ.

Вернулся король домой, въ свой замокъ—глядь, а Плутъ уже тамъ—сидитъ у крыльца и на органѣ играетъ.

— Какъ это ты тутъ сидишь, Плутъ?—спрашиваетъ король.

— А гдѣ-же мнѣ больше сидѣть?—отвѣчаетъ Плутъ. — Я хорошо заплачу за свое содержаніе — у меня вволю денегъ, скота и лошадей!

— Куда-же я тебя бросилъ, что ты получилъ такое богатство? — спросилъ король.

— Ты меня сбросилъ въ Фіордъ, а тамъ на днѣ есть что взять, — сказалъ Плутъ: — лошади и коровы стадами ходятъ, а золото большими грудами лежитъ.

— Сколько ты возьмешь за то, чтобы сбросить меня въ Фіордъ, по той-же дорогѣ? — спросилъ король.

— Тутъ и рѣчи нѣтъ о платѣ, — сказалъ Плуть: — ты съ меня ничего не взялъ, я также услужу тебѣ даромъ.

Посадилъ онъ короля въ бочку, сбросилъ ее съ утеса въ Фіордъ, а самъ вернулся въ королевскій замокъ, женился на младшей дочери короля и такъ умно сталъ править своими подданными, что о Плутѣ и его плутняхъ и помину не было, а всѣ только и говорили, что о добромъ молодомъ королѣ.

ГЛУПЫЕ МУЖЬЯ И ЗЛЫЯ ЖЕНЫ

ЗАСПОРИЛИ разъ двѣ женщины — у которой изъ нихъ мужъ глупѣе. Одна говорить, — мой мужъ такъ простъ, что я могу его увѣрить въ чемъ угодно.

Другая кричить: — едва-ли есть на свѣтѣ что либо глупѣе моего мужа; я могу заставить его дѣлать все, что только мнѣ вздумается: ужъ онъ такъ глупъ, такъ-то глупъ, страсть!

И такъ-то бабы объ этомъ заспорили, что чуть въ волосы другъ другу не вцѣпились. Наконецъ одна изъ нихъ и говорить: попробуемъ, кто изъ насъ лучше проведетъ своего мужа, тогда и увидимъ, чей мужъ глупѣе.

На этомъ онѣ и помирились.

Какъ только мужъ одной изъ женщинъ вернулся домой изъ лѣсу, она ему и говоритъ:—Господи! что это съ тобою?—ты должно быть ужасно боленъ, того гляди—умрешь!

— Я просто голоденъ и пить хочу, возразилъ мужъ.

— Спаси насъ Господи! застонала жена:—вотъ бѣда-то! Ты лицомъ больше похожъ на мертвеца, чѣмъ на живаго. Ложись скорѣй! Охъ! чуетъ мое сердце, останусь я вдовой горе мыкать.

И продолжала она причитать и стонать до тѣхъ поръ, пока не убѣдила мужа, что онъ умираетъ. Она заставила его лечь, скрестить руки и закрыть глаза. Уложила она такъ его, какъ покойника—вначалѣ на столъ, а потомъ и въ гробъ, въ которомъ предварительно провертѣла дырки, чтобы мужъ могъ свободно дышать и видѣть, что около него происходитъ.

Другая женщина сдѣлала вотъ что: взяла она гребень, которымъ чешутъ шерсть, и стала дѣлать видъ, что чешетъ, а шерсти не взяла. Мужъ ея пришелъ какъ разъ на эту комедію.

— Прялка безъ колеса никуда не годна, а ужъ чесать небывалую шерсть—просто изъ рукъ вонъ, сказалъ онъ.

— Я-то чешу безъ шерсти? возразила жена.—Эхъ-ты! шерсть-то у меня есть, только такая тонкая, что ты ее не видишь.

Начесавши воздухъ вволю, жена взяла прялку и стала прясть безъ пряди.

— Вотъ смѣшная трата времени, сказалъ мужъ:—ну не глупа-ли: сидеть и прядеть на пустой прялкѣ!

— Какъ на пустой прялкѣ? сказала жена.—Тутъ только нужны хорошіе глаза, чтобы разглядѣть нитки—такъ онѣ тонки!

Потомъ жена принесла ткацкій станокъ, сдѣлала будто основу и принялась ткать сукно такое же невидимое, какъ

была невидима ея пряжа. Затѣмъ она будто-бы раскроила сукно, сшила изъ него одежду для своего мужа и повѣсила ее въ кладовую.

Хотя и не могъ мужъ разглядѣть ни сукна, ни платья, но онъ таки повѣрилъ женѣ и сказалъ:

— Да, ужъ если все сдѣлано такъ тонко, что не видно простымъ глазомъ — ничего тутъ не подѣлаешь!

Дня черезъ два говоритъ ему жена: — сегодня тебѣ нужно быть на поминкахъ нашего сосѣда Нордигаарда — надѣвай свое новое платье и пойдемъ.

Мужъ охотно согласился и жена усердно помогла ему одѣваться, — платье было такъ тонко, что онъ могъ разорвать его, если-бъ вздумалъ одѣваться самъ.

Приходятъ они въ домъ покойнаго, а тамъ уже провожавшіе успѣли напиться до-пьяна и видъ пришедшихъ только прибавилъ еще новый поводъ къ ихъ веселью. Похоронное шествіе направилось на кладбище. Захотѣлось покойнику еще разъ поглядѣть въ дырочку гроба — увидѣлъ онъ наряднаго сосѣда, да какъ расхохочется. Гробъ сильно затрясся и крышка съ него слетѣла.

— Вотъ смѣхъ! крикнулъ мнимый мертвецъ. Сосѣдъ Оле Соригардъ пришелъ на мои похороны нагишомъ!

Удивился и Соригардъ. Какъ-же это такъ? покойникъ болтаетъ и хохочетъ въ гробу. — Тебѣ пристойнѣе было-бы плакать, закричалъ онъ ему.

— Эхъ братъ! никто не выплакать еще себя изъ гроба, отвѣчалъ покойникъ.

Тутъ они разговорились и поняли, какую скверную шутку устроили съ ними жены. Пошли тогда мужья по домамъ и поступили съ женами такъ умно, какъ никогда еще не поступали.

Если-же кто хочетъ знать — какъ они съ ними поступили, пускай спросить у тѣхъ женъ.

ПАСТОРЪ И ПОНОМАРЬ

ЖИЛЬ былъ пасторъ ужасно чванливый. Ыдетъ, бывало, и еще издали кричить встрѣчнымъ:

— Въ сторону, въ сторону—самъ пасторъ ѣдетъ!

Разъ повстрѣчался онъ съ королемъ и, не узнавъ его, крикнулъ по своему обыкновенію.

— Сворачивай въ сторону!

Но король спокойно продолжалъ свой путь и пастору самому пришлось посторониться. Поровнявшись съ нимъ, король говорить:

— Завтра изволь явиться ко мнѣ въ замокъ и если не съумѣешь отвѣтить на три вопроса, которые я тебѣ задамъ—поплатишься за свое чванство своимъ мѣстомъ и саномъ.

Не привыкъ пасторъ, чтобы съ нимъ о чемъ серьезномъ говорили: кричать, да чваниться онъ умѣлъ, а на вопросы отвѣчать не его было дѣло. Позвалъ онъ своего пономаря, тотъ былъ умный—преумный, и говорить ему:

— Не хочу я идти къ королю,—иной ученый дуракъ такой вопросъ задасть, что десяти умнымъ на него не отвѣтить. Ступай за меня ты къ королю.

Надѣлъ пономарь платье и воротникъ пастора и пошелъ въ замокъ. Король стоялъ на балконѣ въ коронѣ, со скипетромъ и былъ ослѣпительно хорошо одѣтъ.

— А, вотъ ты наконецъ! — сказалъ король. — Скажи мнѣ, сколько пути отъ запада до востока?

— Пути-то? — Да одинъ день пути! — отвѣчалъ пономарь.

— Какъ такъ? — удивился король.

— А такъ, что солнце утромъ идетъ съ востока, а вечеромъ того-же дня приходитъ на западъ.

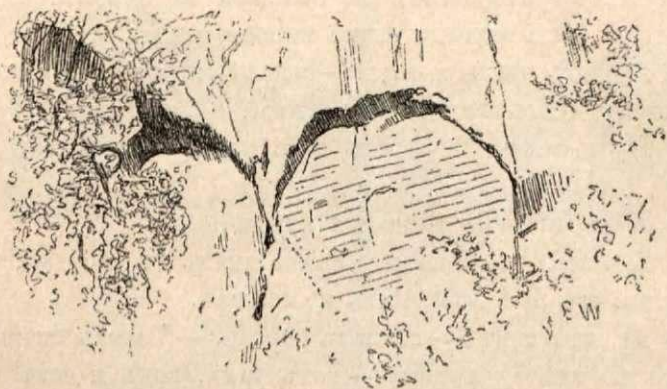
— Да, это такъ, — сказалъ король. — Теперь скажи мнѣ, сколько по твоему я стою — вотъ такъ, какъ я есть!

— Христа оцѣнили въ 30 сребрянниковъ, поэтому не могу оцѣнить тебя дороже двадцати девяти, — сказалъ пономарь.

— Такъ, такъ, — сказалъ король. — Ну, если ты такъ уменъ, скажи-ка мнѣ, что я теперь думаю?

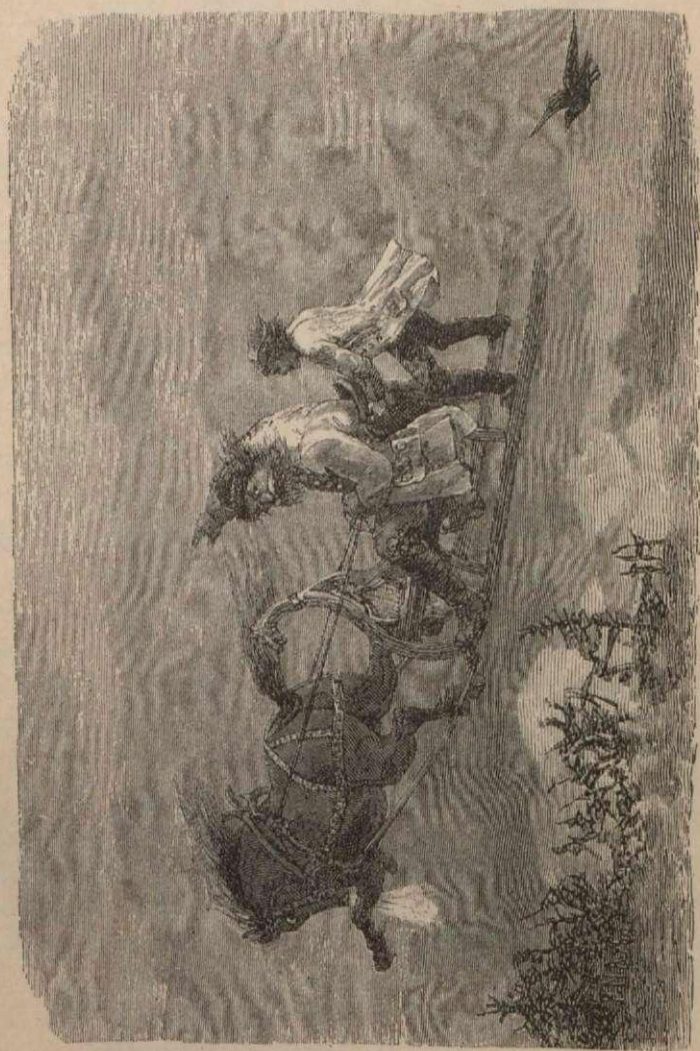
— Э! ты думаешь, что передъ тобой стоитъ пасторъ, а я пономарь!

— Ну, такъ будь-же ты пасторомъ, а тотъ пусть будетъ пономаремъ! — рѣшилъ король. И такъ и прожили они оба всю остальную жизнь.

ГОРНЫЙ ДУХЪ И ЮГАНЪ БЛЕСЗОМЪ

ДОМЪ священника въ Ваагѣ стоитъ у подножія обрывистой горы Ютула, увѣчанной соснами и изрытой пропастями. Съ одной стороны гора эта высится гладкой стѣной, въ которой игра природы ясно обрисовала ворота. Если смотрѣть на нихъ съ моста, что переброшенъ черезъ дикую Финну, или съ той стороны луга, да еще призвать себѣ на помощь фантазію, то ясно увидишь среди прелестной зелени и висячихъ гирляндъ плакучихъ березъ двойную готическую арку. Бѣлые стволы старыхъ березъ стоятъ по бокамъ, какъ колонны, но и до половины арки не достигаютъ деревья своими пышными вершинами, потому что ворота эти выше Ваагской церкви съ ея колокольней. При томъ это не простыя ворота, а входъ въ чертогъ Ютула или духа горъ; самый большой горный духъ съ пятидесятью головами можетъ войти въ нихъ не сгибаясь. Въ доброе старое время, когда люди больше имѣли общаго съ духами,

если кто имѣлъ какую нибудь нужду или просто хотѣлъ повидать горнаго духа — стоило ему только бросить въ ворота камень и сказать:

— Отвори, Ютуль!

Духъ тотчасъ являлся, и отворялъ свои ворота.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ заѣхалъ я къ священнику, но всѣ были на лугу и дома оставался только одинъ старикъ, который и повелъ меня, по моей просьбѣ, къ воротамъ Ютула. Стучали мы въ нихъ, стучали, но духъ не отворилъ намъ ворота, что меня не особенно удивило, потому что, судя по слѣдамъ, оставленнымъ на воротахъ бросавшимися въ нихъ камнями, бѣдному духу порядкомъ таки надоѣдали посѣтители, къ тому-же и старъ былъ Ютуль!

— Послѣдній, кто видѣлъ горнаго духа, — сказалъ мнѣ старикъ, — былъ нашъ сосѣдь — Юганъ Блесзомъ, (да и тотъ навѣрное радъ былъ-бы никогда его не видать!) Этому Югану Блесзому случилось быть по дѣламъ въ Копенгагенѣ. Кончилъ онъ ихъ какъ разъ наканунѣ Рождества и уныло шелъ вдоль улицы. Онъ соскучился по своему очагу. Вдругъ быстро проѣхалъ мимо него какой-то человекъ изъ Вааги, высокій и сильный, въ бѣломъ кафтанѣ съ отворотами на карманахъ, съ цуговицами величиною въ талеръ. Блесзому онъ показался знакомымъ, но тотъ такъ скоро ѣхалъ, что Юганъ не могъ хорошо его разсмотрѣть и закричалъ:

— Куда это ты торопишься?

— Я тороплюсь въ Ваагу, куда долженъ пріѣхать сегодня вечеромъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Ахъ, какъ-бы я хотѣлъ поѣхать съ тобою! — сказалъ Юганъ.

— Можешь стать назапятки моихъ саней, — сказалъ незнакомецъ. — Конь у меня славный — въ двѣнадцать шаговъ цѣлую милю пробѣгаетъ. И они помчались вихремъ,

такъ что Блесзому стоило величайшаго труда [держаться на запяткахъ; онъ ничего не видалъ — только вѣтеръ свистѣлъ у него въ ушахъ. Разъ они остановились — дать вздохнуть коню; но гдѣ это было, Юганъ не могъ разсмотрѣть, только замѣтилъ мертвую голову, торчавшую на палкѣ изъ снѣга. Проѣхавъ еще немного, Юганъ Блесзомъ сталъ мерзнуть и сказалъ:

— Я забылъ на нашей остановкѣ перчатку и у меня мерзнетъ рука.

— Потерпи, Блесзомъ, — сказалъ незнакомецъ, — теперъ недалеко уже до Вааги. Мы останавливались на полъ-пути.

У Зандбовальда, недалеко отъ моста чрезъ Финну, незнакомецъ остановился и высадилъ Югана изъ саней.

— Теперъ тебѣ недалеко до дому, — сказалъ онъ, — но обѣщай мнѣ не оглядываться, чтобы ты ни слышалъ и ни видѣлъ.

Юганъ обѣщаль. Затѣмъ онъ поблагодарилъ привезшаго его и незнакомецъ поѣхалъ на мостъ, а Юганъ пошелъ чрезъ холмъ къ своей фермѣ. Вдругъ услышалъ онъ шумъ со стороны горы Ютула и дорога передъ нимъ внезапно освѣтилась такъ ярко, что можно было булавку на землѣ разглядѣть. Не подумавъ о своемъ обѣщаніи, онъ оглянулся и видитъ — Ворота Ютула, отворены, а среди воротъ стоитъ его спутникъ — горный духъ. Но только съ той поры голова у Блесзома такъ и осталась свернутой на сторону.

СОКРОВИЩЕ

ШЕЛЬ-шель Матвѣй, видитъ на дорогѣ деревян-
ный ящикъ; взялъ Матвѣй въ руки ящикъ—плот-
ный онъ такой; хочетъ открыть,—не тутъ-то было, не от-
крывается; глядитъ,—а онъ на ключъ запертъ.

Повертѣлъ онъ, повертѣлъ ящикъ, досада такая—ключика
нѣтъ, а въ ящикѣ, сдается ему драгоцѣнности какія-нибудь
лежать: можетъ, золото тамъ, а можетъ и дорогіе камни. Да
что станешь дѣлать, безъ ключика не отопрешь. Пошелъ
Матвѣй дальше.

Идетъ, а самъ все раздумываетъ, ящичекъ бережно не-
сетъ, какъ вдругъ видитъ—на дорогѣ блеститъ что-то. На-
гнулся: ключикъ, маленькій такой, старенькій.

«Дай, погляжу, — думаетъ, — не подойдетъ-ли къ
ящичку».

Вложилъ въ замокъ, повернулъ... тихо раздалось въ
замочкѣ «щелкъ».

«Отъ него ключъ и есть! Вишь мнѣ счастье какое, что какъ тамъ брильянты?»

А у самага руки отъ радости дрожать, голова идетъ кругомъ. Открываетъ, глядитъ, а въ ящикѣ-то хвостъ телячій лежитъ.

Если-бы хвостъ тотъ былъ побольше, я сказалъ бы сказку подольше.

СЫНЪ ВДОВЫ

ЖИЛА была вдова и былъ у нее единственный сынъ. Прокормила она его кое-какъ до конфирмаціи *), а тамъ сказала: — отыщи себѣ какую-нибудь работу и самъ добывай свой хлѣбъ; долѣе содержать тебя я не могу.

Пошелъ мальчикъ искать работы и на другой же день встрѣтился съ однимъ незнакомцемъ.

— Куда ты идешь? — спросилъ онъ мальчика.

— Да хочу поступить къ комунибудь въ услуженіе, — отвѣчалъ мальчикъ.

— Поступай ко мнѣ!

— Ладно, мнѣ все равно, кому ни служить, — сказалъ мальчикъ.

— Тебѣ у меня понравится, — только и дѣла будетъ, что при мнѣ состоять.

И сдѣлался мальчикъ слугой незнакомца. Кормили и поили его хорошо, работы совсѣмъ почти не было, только скучалъ онъ: — никогда души человѣческой, кромѣ своего хозяина, онъ не видалъ.

Однажды незнакомецъ говорить мальчику:

— Я уѣзжаю на восемь дней, ты-же оставайся здѣсь

*) Первое причастіе.

одинъ. Можешь ходить по всѣмъ комнатамъ, только не входи въ тѣ четыре, которыя заперты. Если же войдешь, я вернусь и убью тебя.

Мальчикъ обѣщалъ въ точности исполнить это приказаніе. Прошло четыре дня и ему страхъ какъ захотѣлось узнать, что тамъ,—въ этихъ запертыхъ комнатахъ. Онъ не выдержалъ, вошелъ въ одну изъ нихъ, но ничего въ ней не увидалъ, кромѣ полки надъ дверью, а на полкѣ вѣтку терновника; и подумалъ про себя:

— Очень нужно было такъ строго запрещать мнѣ глядѣть на этотъ путь!

Пріѣзжаетъ черезъ восемь дней хозяинъ домой.

— Входилъ ты въ запертыя комнаты? — спрашиваетъ.

— Право-же, не входилъ! — отвѣчалъ мальчикъ.

— Ну, это я сейчасъ увижу, — сказалъ незнакомецъ и съ этими словами пошелъ прямо въ ту комнату, въ которую мальчикъ входилъ.

— Ты входилъ туда, несмотря на мое запрещенье! — закричалъ онъ возвратясь, — и за это долженъ умереть!

Мальчикъ сталъ такъ плакать и просить прощенья, что незнакомецъ даровалъ ему жизнь, хотя порядочно избилъ его. А за тѣмъ все было забыто и они стали друзьями попрежнему.

Черезъ нѣсколько времени опять незнакомецъ уѣхалъ, но уже не на восемь, а на четырнадцать дней и опять запрещаетъ мальчику входить только въ три запертыя комнаты; въ ту-же, въ которую уже онъ входилъ,—можетъ заглядывать сколько ему угодно. На этотъ разъ мальчикъ только черезъ восемь дней не выдержалъ,—вошелъ въ одну изъ запертыхъ комнатъ и опять ничего въ ней не нашелъ, кромѣ полочки надъ дверью; а на ней булыжникъ и бутылочку воды.

— Стоитъ такъ заботиться объ этакихъ пустякахъ, — подумалъ онъ.

Вернувшись домой, незнакомецъ опять спросилъ, входилъ-ли мальчикъ въ запертыя комнаты?—и мальчикъ опять сталъ увѣрять, что не входилъ.

— А вотъ я это узнаю! — Сказалъ незнакомецъ.

Убѣдившись, что мальчикъ опять не послушался его, онъ закричалъ:

— Теперь нѣтъ тебѣ пощады — приготовься умереть!

Но мальчикъ опять сталъ плакать и просить прощенья. Незнакомецъ помиловалъ его и на этотъ разъ, только страшно избилъ его. Поправился мальчикъ кое-какъ отъ побоевъ и опять зажили они по прежнему складно да ладно.

Пожили они такъ немного и сталъ снова незнакомецъ собираться въ путь — на цѣлыхъ три недѣли, а мальчику объявилъ, что если онъ войдетъ въ третью запертую комнату, то чтобы не ждалъ больше никакой отъ него пощады. Черезъ четырнадцать дней мальчику такъ захотѣлось посмотрѣть—что въ запертой комнатѣ, что онъ опять не послушался и прокрался въ нее. Комната была совсѣмъ пустая, только посреди пола виднѣлась подъемная дверь. Поднявъ мальчикъ эту дверь и видя, что подъ поломъ стоитъ большой мѣдный котелъ, а въ немъ кипитъ и шипитъ какая-то масса, хотъ подъ котломъ и не видно огня.

— Дай-ка попробую—горячо ли! — сказалъ мальчикъ, сунулъ палецъ въ котелъ, а палецъ и покрылся позолотой, да такъ хорошо, что какъ мальчикъ ни оттиралъ ее, ничего подѣлать не могъ и завязалъ палецъ тряпкой. Когда незнакомецъ вернулся и спросилъ, что у него съ пальцемъ, — онъ сказалъ, что сильно порѣзался.

Сорвавъ повязку и увидѣвъ золотой палецъ, незнакомецъ такъ разсердился, что чуть тутъ-же не убилъ мальчика, — но снова сжалился надъ его мольбами и слезами и пощадилъ, только такъ избилъ, что тѣтъ три дня съ постели не вставалъ. Тогда незнакомецъ снялъ мѣшечекъ съ мазью со

стѣны, вымазалъ ею раны мальчика — и опять сталъ тотъ здоровъ и все было забыто.

Пришлось незнакомцу опять уѣзжать и въ этотъ разъ онъ думалъ проѣздить цѣлый мѣсяцъ. Прощаясь, строго приказалъ онъ мальчику въ четвертую запертую комнату не заглядывать, подѣ страхомъ смерти неминучей.

Цѣлыя три недѣли помнилъ мальчикъ приказанье незнакомца, но дольше этого не могъ устоять, вошелъ въ послѣднюю комнату и увидѣлъ тамъ стоящаго въ стойлѣ черного коня съ грязнымъ мѣшкомъ на головѣ и съ корзиной для сѣна на хвостѣ. Подумавъ, что тутъ ошибка, мальчикъ сбросилъ грязный мѣшокъ и поставилъ корзину съ сѣномъ передъ мордой коня.

— У тебя доброе сердце, — сказалъ тогда конь: — ты далъ мнѣ ѣсть, а я тебя спасу за это. Войди въ комнату, находящуюся надъ этой, возьми одну изъ висѣщихъ тамъ броней, только смотри свѣтлыхъ броней не трогай, а выбери самую заржавленную; — выбери себѣ мечъ и сѣдло, да только тоже заржавленные.

Мальчикъ исполнилъ приказаніе лошади, но сѣдло и мечъ оказались такъ тяжелы, что онъ едва могъ ихъ принести.

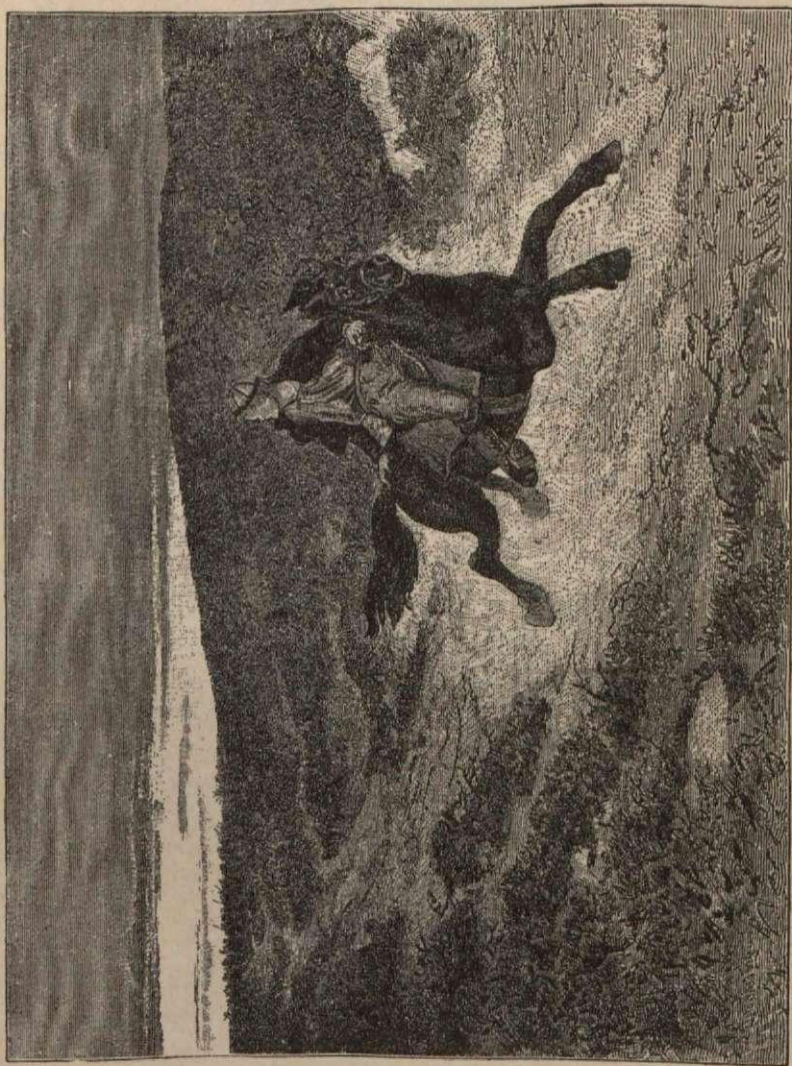
Тогда конь велѣлъ ему раздѣться и хорошенько выкупаться въ мѣдномъ котлѣ, который кипѣлъ въ сосѣдней комнатѣ.

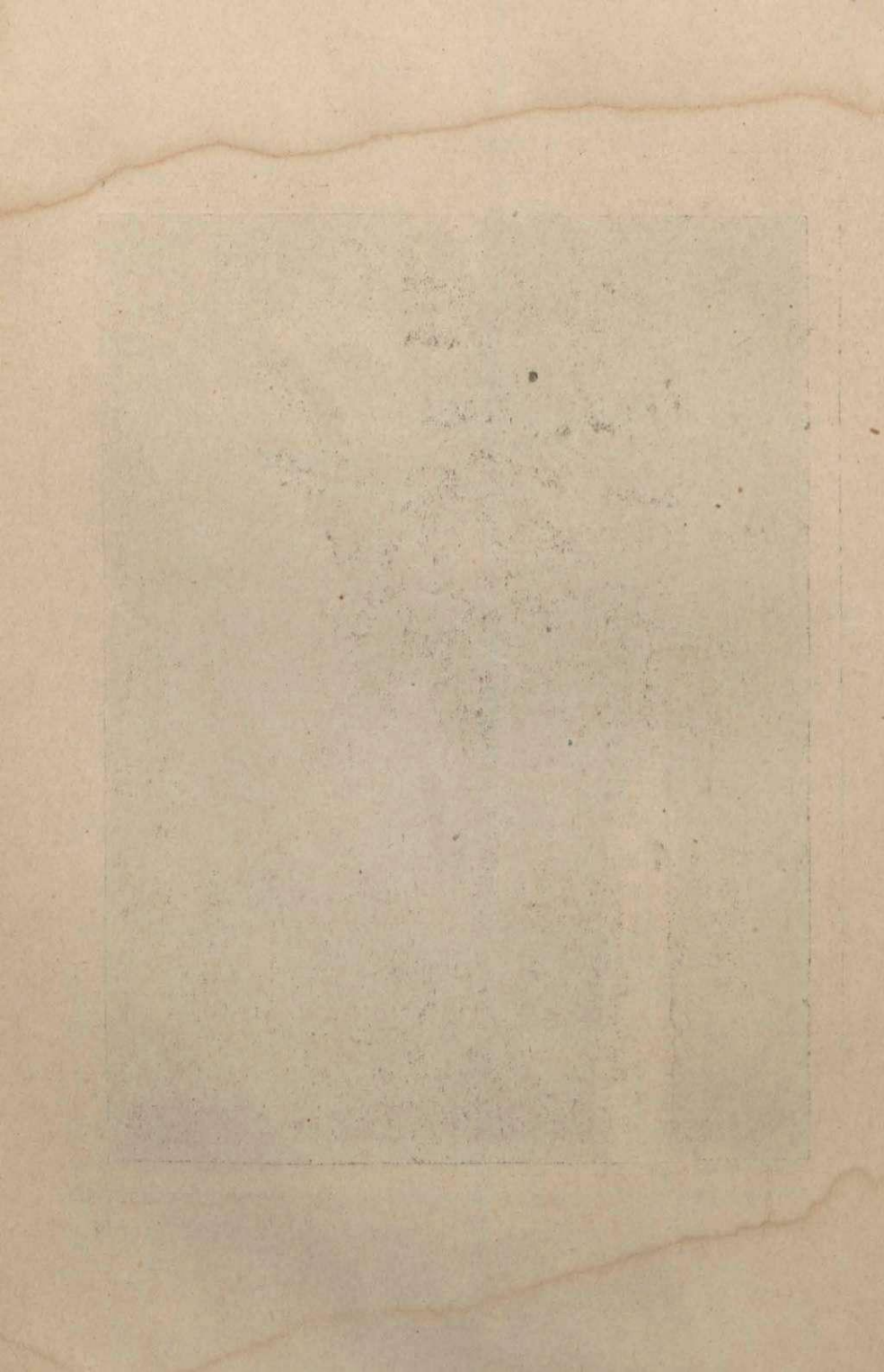
— Хорошъ я выйду изъ такой ванны! — подумалъ мальчикъ, но все таки выкупался и вышелъ изъ котла статнымъ, сильнымъ, просто красавцемъ кровь съ молокомъ.

— Попробуй теперь поднять меня, — сказалъ конь.

Легко исполнилъ это нашъ молодецъ, да и мечомъ взмахнулъ онъ молодецки, словно перышкомъ.

— Осѣдай меня теперь, — сказалъ конь: — а самъ надѣнь латы, возьми терновую вѣтку, камень, бутылочку съ водой и мѣшечекъ съ мазью, — и въ путь!

Вскочилъ молодецъ на коня и помчались они быстро вътра. Скакалъ конь скакалъ, да вдругъ и говоритъ:

— Я слышу топотъ. Обернись, не видишь-ли чего?

— За нами гонится много, много людей — человекъ двадцать, — сказалъ молодецъ.

— Это Троллъ *) — гонится со своими людьми — сказалъ конь.

Опять они помчались; только вдругъ опять слышитъ конь, что ихъ Троллъ настигаетъ.

— Брось теперь терновый пруть черезъ плечо, — сказалъ онъ; — только какъ можно дальше отъ меня!

Молодецъ бросилъ пруть и тотчасъ выросъ огромный густой терновый лѣсъ, такъ что Троллъ принужденъ былъ вернуться домой за топорами, чтобы прорубить себѣ въ лѣсу дорогу; а молодецъ между тѣмъ мчался да мчался.

Опять говорить ему конь:

— Оглянись, не увидишь-ли чего?

— Я вижу цѣлую толпу, — сказалъ молодецъ.

— Это опять Троллъ и людей съ нимъ больше прежняго. Бросай камень, но подальше отъ меня.

Только успѣлъ молодецъ исполнить приказаніе коня, какъ выросла большая, большая гора.

Подскакалъ къ ней Троллъ и пришлось опять ему вернуться за инструментами, чтобы пробивать себѣ дорогу въ горѣ; а молодецъ тѣмъ временемъ порядочно выгадалъ времени.

Вотъ опять попросилъ его конь обернуться, и онъ увидалъ, что вдали двигалась цѣлая туча враговъ въ блестящемъ вооруженіи.

— Теперь Троллъ собралъ всѣхъ своихъ людей, — ска-

*) Троллъ общее норвежское названіе для злыхъ духовъ.

залъ конь. — Лей скорѣе воду изъ бутылочки, но берегись хоть каплю на меня капнуть!

Какъ молодецъ ни старался, но уронилъ нѣсколько капель на коня. Сейчасъ же образовалось огромное озеро, но изъ капель, упавшихъ на коня, вода такъ на нихъ хлынула, что они едва могли добраться до берега. А Троллы, доскакавъ до озера, легли всѣ на берегъ и вздумали его выпить. Пили, пили да вдругъ всѣ и лопнули.

— Вотъ мы отъ нихъ и избавились, — сказалъ конь.

Долго, долго они ѣхали, наконецъ выѣхали на зеленый лугъ въ лѣсу.

— Сними теперь свое вооруженье и одѣнься въ прежнія лохмотья, — сказалъ конь: — разсѣдай меня, пусти на волю, а сѣдло и вооруженье спрячь въ дуплѣ большой липы; потомъ сдѣлай себѣ парикъ изъ мха, ступай въ столицу короля, она недалеко отсюда, и понци тамъ мѣста, а понадоблюсь я тебѣ—приходи сюда и позвони уздой,—я тотчасъ явлюсь.

Молодецъ исполнилъ все, какъ сказалъ конь. Лишь только надѣлъ онъ парикъ изъ мха, какъ сдѣлался такимъ блѣднымъ, жалкимъ и тощимъ, что никто-бы его не узналъ. Пошелъ онъ въ столицу короля и сталъ просить взять его на кухню дрова и воду носить.

— Зачѣмъ это ты надѣлъ противный парикъ изъ мха?—спросила его кухарка.

— Да голова у меня не очень то чиста, — отвѣчалъ ей молодецъ.

— И ты воображаешь, что я тебя возьму въ такомъ видѣ на кухню!—закричала она; — убирайся лучше на конюшню, попроси кучера поручить тебѣ чистку стойлъ.

Но и кучеръ не взялъ его въ его ужасномъ парикѣ, а послалъ его къ садовнику землю копать.

Садовникъ далъ ему у себя мѣсто, но никто изъ при-

слуги не хотѣлъ спать съ нимъ, и ему приказали ночевать подъ лѣстницей бесѣдки, стоявшей въ саду на столбикахъ; бросили ему туда немного мху, — тамъ онъ и укладывался, какъ умѣлъ.

Такъ прожилъ онъ нѣсколько времени. Только разъ случилось, — снялъ онъ утромъ свой парикъ на восходѣ солнца, и сталъ мыться, причемъ онъ всегда дѣлался такимъ же красавцемъ, какъ былъ прежде, — увидала его принцесса въ окно и показалось ей, что такого красавца она еще въ жизнь не встрѣчала. И спрашиваетъ она у садовника, отчего его работникъ спитъ подъ лѣстницей?

— Да никто изъ прислуги не хочетъ съ нимъ спать, — отвѣчалъ тотъ.

— Прикажи ему сегодня лечь у порога моей комнаты, — сказала принцесса: — послѣ этого ужъ навѣрное прислуга пуститъ его въ домъ къ себѣ.

Садовникъ передалъ это молодцу.

— Неужели ты думаешь, что я это сдѣлаю! — возразилъ тотъ: — вѣдь люди стали-бы невѣсть что говорить объ этомъ.

— Станутъ о тебѣ говорить, нечего сказать, хорошъ гусь! — сказалъ садовникъ.

— Ну ладно, я сдѣлаю по твоему, — рѣшилъ молодецъ и въ тотъ же вечеръ пошелъ въ теремъ принцессы, но такъ топалъ и шумѣлъ, подымаясь по лѣстницѣ, что принуждены были просить его не шумѣть, чтобы не услышалъ король. Добрался молодецъ до порога комнаты принцессы, легъ и сейчасъ захрапѣлъ. А та послала свою служанку тихонько снять съ него парикъ изъ мха. Какъ ни тихонько взялась та за парикъ, однако онъ все таки услышалъ, вѣѣпился въ парикъ обѣими руками и объявилъ, что низачто его не отдастъ ей, а затѣмъ опять легъ и захрапѣлъ. Тогда принцесса опять кивнула служанкѣ, та быстро сорвала парикъ;

и увидали онѣ того-же красавца, котораго принцесса видѣла на восходѣ солнца.

Дошло до короля, что работникъ садовника былъ въ комнатѣ принцессы. Онѣ страшно разгнѣвался на это и приказалъ работника казнить, а до казни заключилъ въ башню; принцессу же заперъ въ ея комнатѣ, и какъ она ни плакала и ни просила за себя и за молодца, король ничего слушать не хотѣлъ, только все болѣе и болѣе гнѣвался.

Прослышалъ разъ молодецъ, что король собираетъ войско,—отражать нападеніе сосѣдняго короля и упросилъ онъ тюремщика передать королю его покорную просьбу пожаловать ему какое-нибудь вооруженіе и взять съ собою на войну. Разсмѣшила всѣхъ такая просьба и приказалъ король для смѣху дать уродцу кое-какое вооруженіе и хромую клячу. Отправились они на войну, но едва отъѣхали отъ столицы, какъ молодецъ завязъ со своей клячей въ болотѣ. Какъ ни работалъ онъ руками и ногами, какъ ни кричалъ коню—Эй ты, вылѣзай, эй ты!.. Ничего не помогло.

Всѣ посмѣялись надъ нимъ вволю и проѣхали мимо, но только успѣли они скрыться изъ виду, молодецъ прямо отправился на зеленую поляну, вооружился, брякнулъ уздой и въ ту же минуту явился конь.

— Ты свое дѣло дѣлай, а я не оплошаю!—сказалъ онъ молодцу.

Они догнали войско короля, когда бой уже начался и королю приходилось плохо; но не успѣли воины и оглянуться, какъ молодецъ разбилъ врага, прогналъ его съ поля битвы и исчезъ.

Король и все войско ломали голову, что за герой помогъ имъ, да такъ и не догадались. А на возвратномъ пути видятъ,—сидитъ молодецъ со своей клячей все еще въ болотѣ да руками и ногами клячу погоняетъ.

— Поглядите-ко, дуракъ-то все тутъ сидить! крикнули ему. Посмѣялись и проѣхали мимо.

На другое утро опять отправились воины на битву и, проѣзжая мимо болота, видѣли, что молодецъ все еще сидить тамъ со своей клячей. Опять посмѣялись надъ нимъ и проѣхали, не вытаскивъ его, а онъ снова побѣждалъ къ своему коню, вооружился, выручилъ ихъ, какъ въ прошлый разъ, — и снова исчезъ.

Возвращаясь домой, увидали воины, что молодецъ все еще

не выбрался изъ болота, стали надъ нимъ насмѣхаться, а одинъ взялъ, выстрѣлилъ въ него и попалъ ему стрѣлой въ ногу. Тутъ молодецъ такъ сталъ кричать и стонать, что король сжалился надъ нимъ и бросилъ ему свой платокъ, чтобы перевязать рану.

Выѣзжаяютъ на битву на третье утро—все сидить молодецъ въ болотѣ!

— Да онъ тутъ досидитъ до того, что съ голоду умретъ! смѣялись воины и такъ имъ казалось это забавно, что они чуть съ лошадей со смѣху не попадали.

А молодецъ опять отправился къ коню, явился на битву какъ разъ во время и убилъ на этотъ разъ вражяго короля. Въ тотъ день и война кончилась.

При концѣ битвы замѣтилъ король свой платокъ на ногѣ незнакомаго витязя и узналъ по немъ молодца.

Тогда всѣ съ радостью окружили его и съ торжествомъ повезли въ столицу, а принцесса, увидавъ его въ окошко, страшно обрадовалась и сказала:

— Вотъ мой женихъ, не пойду за другаго!

Взялъ молодецъ мѣшечекъ съ мазью, помазалъ ею себѣ ногу, а потомъ всѣхъ раненыхъ—и всѣ стали опять въ ту же минуту здоровы.

Въ награду за его подвиги король женилъ молодца на принцессѣ и далъ за ней въ приданое полъ королевства.

Въ день свадьбы зашелъ молодой король въ стойло своего коня,—глядить, а тотъ голову повѣсилъ—не ѣсть и не пьеть.

Спрашиваетъ король, что съ нимъ?

— Выручилъ я тебя изъ бѣды,—отвѣчалъ конь, не хочу больше жить,—возьми мечъ и отруби мнѣ голову!

— Ни за что этого не сдѣлаю! возразилъ молодой ко-

ролевичъ: напротивъ, доставлю тебѣ все, что захочешь, и отъ всякой работы освобожу тебя навсегда.

— Коди не хочешь сдѣлать по моему, — такъ я самъ убью тебя! — вскричалъ конь.

Что было тутъ королевичу дѣлать? Поднялъ онъ свой мечъ, отвернулся и отрубилъ голову коня. Только что онъ это сдѣлалъ — глядитъ, на мѣстѣ коня стоитъ принцъ-красавецъ и говорить:

— Спасибо тебѣ! злой король отнялъ у меня корону, превратилъ въ коня и продалъ Троллу. Ты вчера убилъ злодѣя и я снова король. Мы теперь сосѣди съ тобою и ужъ навѣрное не станемъ другъ съ другомъ воевать.

И въ самомъ дѣлѣ, до самой смерти были они друзьями и часто ѣздили въ гости одинъ къ другому.

НА ВОСТОКЪ ОТЪ СОЛНЦА, НА ЗАПАДЪ ОТЪ ЛУНЫ

У одного крестьянина были прекрасныя дѣти, особенно младшая дочь, но такъ много ихъ у него было, что бѣднякъ съ трудомъ могъ ихъ кормить и одѣвать.

Разъ позднею осенью, въ четвергъ вечеромъ, поднялась страшная буря—темно—хоть глазъ выколи, дождь лить какъ изъ ведра, а вѣтеръ такъ и шаталъ стѣны ихъ домика. Вся семья усѣлась у очага и что-то работала. Вдругъ слышать, кто-то постучалъ три раза въ окошко. Крестьянинъ вышелъ посмотрѣть, кто стучится, и видитъ стоитъ огромный бѣлый медвѣдь.

— Добрый вечеръ! говорить медвѣдь.

— Добрый вечеръ! — отвѣчаетъ крестьянинъ.

— Отдай за меня одну изъ твоихъ дочерей, я тебя за это сдѣлаю столь-же богатымъ, какъ ты теперь бѣденъ.

Крестьянину это понравилось, но онъ сказалъ, что нужно

согласіе дочери. Вошелъ онъ въ домъ и спрашиваетъ дочерей—не пойдеть-ли которая изъ нихъ замужъ за бѣлаго медвѣдя, тогда-бы они всѣ стали страсть какъ богаты! Но дочери низачто не соглашались. Вернулся крестьянинъ къ бѣлому медвѣдю и просилъ его придти за отвѣтомъ въ слѣдующій четвергъ. А къ тому времени отецъ и мать уговорили младшую дочку пойти за медвѣдя. Соблазнившись богатствомъ, она охотно вымыла и вычинила свои лохмотья, кое-какъ принарядилась и приготовилась въ дорогу.

Въ четвергъ явился бѣлый медвѣдь за невѣстой; она сѣла со своимъ узелкомъ ему на спину и они отправились въ путь. Пробѣжавъ немного, медвѣдь спрашиваетъ:

— Не страшно-ли тебѣ?

— Нѣтъ, не страшно.

— Держись только крѣпче за мою шерсть и не бойся ничего, сказалъ ошкуй.

Долго-ли, коротко-ли они ѣхали, наконецъ подъѣхали къ большому утесу. Медвѣдь постучалъ и тотчасъ отворилась дверь въ утесъ. Они вошли и очутились въ богатомъ замкѣ; множество ярко освѣщенныхъ комнатъ сіяло серебромъ и золотомъ. Въ одной изъ залъ стоялъ накрытый столъ, и чего только на немъ не было! Тутъ медвѣдь далъ красавицѣ серебряный колокольчикъ. Стоило только позвонить въ него и тотчасъ исполнится все, чего ни пожелаешь.

Покушавъ, захотѣла красавица спать, такъ какъ наступилъ уже вечеръ, къ тому-же она была утомлена дорогой. Она позвонила въ колокольчикъ и тотчасъ очутилась въ спальнѣ, гдѣ стояла великолѣпная кровать съ шелковыми подушками и занавѣсами съ золотыми шнурками; вся прочая мебель была изъ золота и серебра. Только что дѣвушка легла спать и потушила свѣчу, слышитъ вошелъ кто-то въ сосѣдную комнату, раздѣвается и ложится спать. Это былъ самъ бѣлый медвѣдь—ночью онъ сбрасывалъ свой мѣхъ и

превращался въ человѣка, но какъ только начинался разсвѣтъ, опять становился ошкучемъ.

Прошло такъ много времени. Какъ ни хорошо было Красицицѣ, но, не видя никого, стала она скучать и тосковать объ отцѣ съ матерью—о сестрахъ и братьяхъ. Бѣлый медвѣдь замѣтилъ ея грусть и, узнавъ причину, сказалъ:

— Этому горю легко пособить, только обѣщай мнѣ никогда не оставаться съ твоею матерью съ глазу на глазъ, иначе съ нами обоими случится несчастье.

И вотъ, разъ въ воскресенье, съѣла Красицица бѣлому медвѣдю на спину и они отправились въ обратный путь.

Долго, долго бѣжалъ ошкуй, наконецъ увидели они большой бѣлый домъ и около него бѣгавшихъ и игравшихъ сестеръ и братьевъ Красицицы.

— Вотъ тутъ живутъ твои родители, сказалъ бѣлый медвѣдь, только пожалуйста помни свое обѣщанье!

Красицица обѣщала вѣрно сдержать свое слово, простилась съ бѣлымъ медвѣдемъ и вошла въ домъ, а ошкуй отправился обратно.

Родители чрезвычайно обрадовались пріѣзду дочки и не знали, какъ благодарить ее за все, что она для нихъ сдѣлала, такъ имъ было теперь хорошо.

Послѣ обѣда стала мать звать ее въ свою комнату поговорить наединѣ и какъ Красицица ни отговаривалась, помня свое слово, мать взяла ее за руки, увела въ комнату и стала спрашивать, хорошо-ли ей самой-то живется.

— О, да, очень хорошо, отвѣчала Красицица: всего вволю, чего ни пожелаю, все есть; только я все одна одишенька. Да вотъ еще что смущаетъ меня. Какъ я лягу только спать, приходитъ кто-то въ сосѣдную комнату и тоже ложится, но кто это—не знаю: только лишь забрезжитъ свѣтъ, какъ онъ исчезаетъ!

— Горе намъ! сказала мать:—отдали мы тебя въ домъ къ

оборотню; но я помогу твоей бѣдѣ, дамъ тебѣ кусочекъ сальной свѣчки; какъ только тотъ, кто къ тебѣ приходитъ, заснетъ, ты тихонько войди въ его комнату, засвѣти ее и посмотри, кто онъ такой. Смотри, будь только осторожна:—капнешь на него саломъ, пропадешь.

Красавица спрятала свѣчку на груди, а вечеромъ явился бѣлый медвѣдь и унесъ ее къ себѣ. Только дорогой и спрашиваетъ онъ ее, сдержала-ли она свое слово? Не могла красавица ему солгать и созналась во всемъ.

— Смотри-же, не исполняй совѣта матери, иначе оба мы будемъ несчастны и навсегда разлучимся, сказалъ медвѣдь. Красавица обѣщала непременно исполнить его совѣтъ.

Но пріѣхавъ домой, она не могла удержаться отъ любопытства, выждала глухую полночь, когда была увѣрена, что сосѣдъ ея крѣпко спитъ, встала, зажгла свѣчку и подкралась къ спящему. Видитъ лежитъ принцъ, да такой красавецъ. Она испугалась, рука у ней дрогнула, пламя свѣчи заколебалось и три капли горячаго сала упали ему на грудь. Принцъ проснулся.

— Ахъ, что ты сдѣлала! — сказалъ онъ: если-бы ты только годъ выдержала, не выдавши меня, я бы освободился отъ чаръ моей мачихи, благодаря колдовству которой я ночью — человекъ, а днемъ — бѣлый медвѣдь. Теперь-же прощай навсегда, я долженъ умчаться въ замокъ, находящійся на востокъ отъ солнца и на западъ отъ луны, гдѣ меня ждетъ принцесса съ носомъ въ три локтя длины, на которой я долженъ жениться!

Какъ ни плакала, какъ ни просила красавица — онъ не могъ ни остаться, ни взять ее съ собою.

— Укажи мнѣ только дорогу, что ведетъ къ тому замку; я доберусь до тебя и ничто и никто меня не удержитъ, сказала она.

— О, если-бы ты могла туда дойти! Но замокъ на вос-

токъ отъ солнца, на западъ отъ луны и къ нему нѣтъ дороги! Никогда не доберешься тебѣ до него, отвѣчалъ ей принцъ.

Проснувшись красавица на другое утро, видитъ, — принцъ уже умчался въ дальній замокъ, а сама она лежитъ въ темномъ, густомъ лѣсу на травѣ и подлѣ нея лежитъ ея узелокъ со старымъ тряпьемъ, взятымъ ею изъ дому. Наплакавшись до усталости, стала она выбираться изъ лѣсу, но проблуждала много, много дней, пока наконецъ не пришла къ высокой горѣ, у подножія которой сидѣла старушка и играла золотымъ яблокомъ.

Дѣвушка спросила у нея, не знаетъ-ли она дорогу къ принцу, который живетъ у своей мачихи въ замкѣ на востокъ отъ солнца и на западъ отъ луны; онъ принужденъ жениться на принцессѣ съ носомъ въ три аршина длиною.

— Ты-же почему его знаешь? — спросила ее старушка: ужъ не та-ли ты дѣвушка, на которой онъ самъ хотѣлъ жениться?

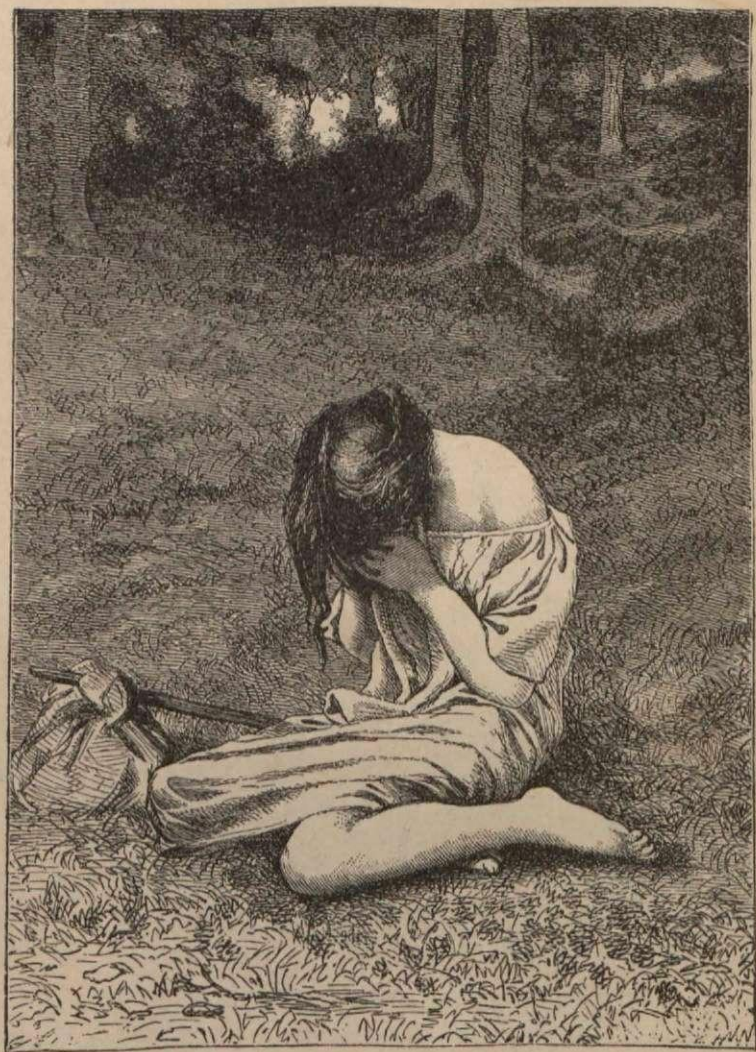
— Да, это я, отвѣчала красавица.

— Жаль мнѣ очень тебя, но не знаю я дороги къ тому замку; да если и доберешься ты туда, то слишкомъ поздно. Пожалуй, возьми мою лошадь и поѣзжай на ней до моей сосѣдки, можетъ быть она укажетъ тебѣ дорогу; только какъ доѣдешь до нея — ударь лошадь подъ лѣвое ухо и прикажи ей идти домой. Возьми себѣ также мое золотое яблоко.

Красавица сѣла на лошадь и поѣхала. Долго она ѣхала и пріѣзжаетъ къ горѣ, у которой сидитъ другая старушка съ золотымъ мотовиломъ. Но и эта не могла указать дорогу къ замку. Она увѣряла дѣвушку, что она или никогда не пріѣдетъ, или не поспѣетъ во время.

— На, возьми мою лошадь, сказала она наконецъ и доѣзжай на ней до моей сосѣдки, а потомъ ударь лошадь подъ лѣвое ухо и пошли домой!

И она дала ей на всякій случай свое золотое мотовило.

Опять пустилась красавица въ путь и опять долго, долго ѣхала, пока не добралась до новой горы, у которой сидѣла старушка и пряла на золотой прялкѣ. Спросила ее дѣвушка: не знаетъ-ли она гдѣ тотъ замокъ, что лежитъ на востокъ отъ солнца, на западъ отъ луны?

Но и эта старушка знала не больше прежнихъ двухъ. Узнавъ однако, что передъ нею стоитъ та самая дѣвушка, на которой заколдованный принцъ хотѣлъ жениться, старушка сказала: садись на мою лошадь и поѣзжай къ Восточному вѣтру, онъ навѣрное знаетъ дорогу къ замку и донесетъ тебя туда, да кстати возьми мою золотую прялку, можетъ быть она тебѣ пригодится.

Много дней ѣхала красавица, пока не доѣхала до жилища Восточнаго вѣтра.

— Слыхалъ я о принцѣ и о замкѣ, гдѣ онъ живетъ, сказалъ Восточный вѣтеръ, и дорогу туда знаю, но никогда не залеталъ такъ далеко. Если хочешь, садись мнѣ на спину и я донесу тебя до брата моего, Западнаго вѣтра, — можетъ быть, онъ тебя и доставитъ до мѣста: онъ сильнѣе меня. Дѣвушка согласилась и они помчались. Долетѣвъ до Западнаго вѣтра, Восточный вѣтеръ разсказалъ ему, что онъ принесъ невѣсту принца, которая пробирается къ нему въ его далекій замокъ и проситъ указать ей дорогу.

— Не леталъ я такъ далеко, сказалъ Западный вѣтеръ дѣвушкѣ; но если желаешь, готовъ донести тебя до Южнаго вѣтра: онъ сильнѣе насъ съ братомъ, больше и дальше насъ летаетъ, онъ тебѣ поможетъ. Садись мнѣ на спину!

Долго-ли, коротко ли летѣли они, и прилетаютъ наконецъ къ Южному вѣтру и просятъ указать дорогу.

— Бывалъ я около того замка, но до него не добрался, сказалъ красавицѣ Южный вѣтеръ. Хочешь, я тебя донесу до нашего старшаго и самого сильнаго брата, Сѣвернаго

вѣтра; если онъ тебѣ не поможетъ, не добратся тебѣ до замка во вѣки!

Сѣла красавица ему на спину и помчались они вихремъ къ жилищу Сѣвернаго вѣтра; но тотъ былъ дикъ и золь, еще издали такъ повѣялъ на нихъ холодомъ и такъ закричалъ—что вамъ надо? что у нихъ морозъ по кожѣ пошелъ.

— Не сердись,—сказалъ Южный вѣтеръ: я принесъ съ собою дѣвушку, невѣсту принца, что живетъ въ замкѣ на востокъ отъ солнца, на западъ отъ луны. Пожалуйста, помоги ей добратся до него.

— Былъ я тамъ разъ, отвѣчалъ Сѣверный вѣтеръ:—домчалъ туда осиновый листокъ, но до того усталъ, что много дней послѣ этого не могъ и дунуть. Если не боишься, красавица,—попробую донести тебя туда на своей спинѣ.

Дѣвушка обрадовалась и сказала, что ничего не боится и перенесетъ все, какъ-бы ни пришлось ей плохо.

— Тогда переночуй тутъ, рѣшилъ Сѣверный вѣтеръ;—намъ нужно быть въ пути цѣлый день.

Рано утромъ разбудилъ Сѣверякъ красавицу, а самъ такъ надулся, что страшно было глядѣть; и помчались они въ ураганѣ высоко—высоко, точно на край свѣта собрались. Пролетали-ли они надъ землею—дома и лѣса валились, летѣли-ли надъ огромнымъ моремъ—сотнями корабли тонули.

Все дальше и дальше мчались они надъ моремъ, а все ему конца не было. Усталъ Сѣверный вѣтеръ, истомился и едва дулъ. Все ниже и ниже опускался онъ, наконецъ гребни волнъ начали достигать ногъ дѣвушки.

— Не страшно-ли тебѣ, красавица? спросилъ Сѣверный вѣтеръ.

— Нѣтъ,—сказала она,—ничего не боюсь я.

Вотъ показалась земля, но вѣтеръ такъ ослабѣлъ, что едва имѣлъ силы бросить ее на берегъ подъ окна замка, что стоитъ на востокъ отъ солнца, на западъ отъ луны, и самъ

много дней тамъ пролежалъ отдыхая, прежде чѣмъ смогъ вернуться домой.

На другое утро сѣла дѣвушка подъ окно замка и стала играть золотымъ яблокомъ. Увидѣла ее длинноносая противная принцесса, на которой заставляли жениться принца, открыла окно и спрашиваетъ:

— Что стоить, дѣвушка, твое золотое яблоко?

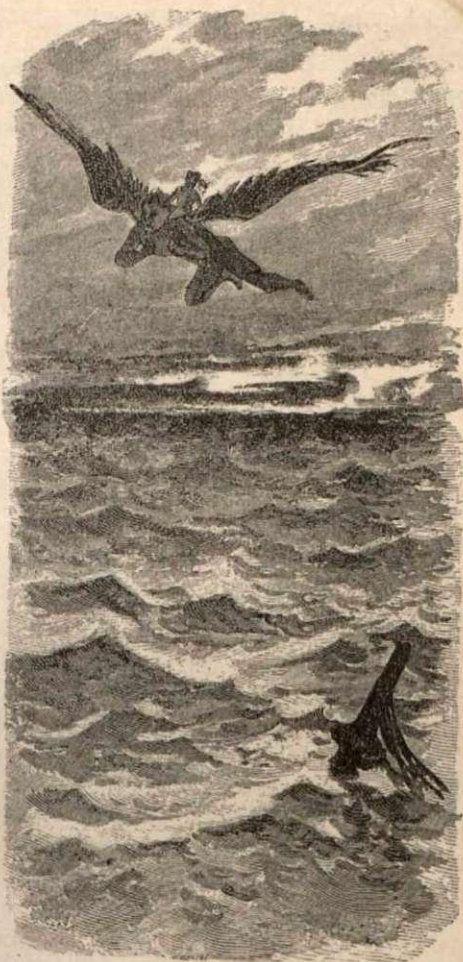
— Не возьму за него ни золота, ни серебра, отвѣчала та.

— Чего-же ты хочешь?—сказала принцесса;—требуй за него, чего только пожелаешь!

— Если-бы ты могла мнѣ добраться до принца, который живетъ здѣсь, я охотно отдала-бы тебѣ яблоко.

Принцесса тотчасъ же согласилась, но провела ее въ комнату принца только ночью.

Опять красавица увидала своего принца, но спящего, и какъ ни будила и ни звала его — онъ не проснулся, такъ что она опять горько, горько заплакала. Чуть забрезжилъ свѣтъ, явилась длинноносая принцесса и прогнала ее изъ дворца. Сѣла кра-

савица подъ окнами дворца и стала разматывать пряжу на золотомъ мотовилѣ. Длинноносая принцесса увидала золотое мотовило и опять стала просить ее продать его ей. Красавица согласилась уступить мотовило за позволеніе пройти еще разокъ въ комнату принца. Опять длинноносая принцесса провела ее ночью, когда онъ спалъ; и какъ красавица ни плакала, какъ ни звала его, какъ ни трясла за руки—онъ не проснулся; а на разсвѣтѣ пришла длинноносая принцесса и опять прогнала ее.

Взяла тогда красавица свою золотую прялку и стала прясть подъ окнами дворца. Увидала ее принцесса, отворила окно и спрашиваетъ:

— Что ты хочешь за прялку?

— Не хочу ни серебра, ни золота, а проводи меня еще разъ въ комнату принца!

Принцесса съ удовольствіемъ согласилась.

Между тѣмъ въ томъ замкѣ, кромѣ принца, томилось въ заточеньи еще нѣсколько христіанъ, они находились въ одномъ помѣщеніи рядомъ съ комнатою принца.

Они слышали, какъ двѣ ночи подъ рядъ женскій голосъ плакалъ и звалъ принца, и сказали ему объ этомъ.

Вечеромъ длинноносая принцесса подала принцу питье на ночь, но онъ сдѣлалъ только видъ, что выпилъ, а самъ вылилъ его себѣ черезъ плечо, сообразивъ, что принцесса давала ему каждый вечеръ сонное питье.

— Здравствуй, красавица, ты во время пришла! сказали радостно принцъ, лишь только вошла дѣвушка.—На завтра назначена моя свадьба, но теперь я низачто не женюсь на длинноносомъ уродѣ и ты одна можешь меня спасти. Дѣло вотъ въ чемъ: только христіанка можетъ вымыть три сальныхъ пятна, которыя ты сдѣлала на моей рубашкѣ, но никакъ не такія вѣдьмы, какъ моя нареченная невѣста,—на наше счастье, это не въ ихъ силахъ. Завтра я скажу, что.

прежде чѣмъ жениться на длинноносой принцессѣ, я хочу испытать сможетъ ли она вымыть эти пятна.

Когда на другой день приготовились отпраздновать свадьбу, принцъ и говорить своей мачихѣ:

— Позвольте мнѣ сначала испытать свою невесту?

Мачиха согласилась.

— У меня есть тонкая рубашка, которую я непременно хочу надѣть на свадьбу, только на ней три сальныхъ пятнышка—пускай моя невеста вымоетъ мнѣ ихъ; я далъ зарокъ, что только на той женюсь, которая съумѣетъ это сдѣлать.

— Ну, это не трудная задача, сказали всѣ женщины и принцесса начала мыть; но чѣмъ дольше она мыла, тѣмъ больше становились пятна.

— Не умѣешь ты совсѣмъ стирать, сказала ей старая вѣдьма—ея мать: дай-ка мнѣ попробовать. Но только она взяла ее въ руки, какъ рубашка сдѣлалась еще грязнѣе и какъ ни терла и ни стирала вѣдьма, пятна все росли и темнѣли.

Тутъ принялись стирать по очереди всѣ вѣдьмы и добились только того, что рубашка подъ конецъ ихъ стирки имѣла видъ такой, точно изъ трубы ее достали.

— Ни одна изъ васъ никуда не годится — сказалъ тогда принцъ:—позовите-ка нищенку, что стоитъ подъ окномъ, пускай она попробуетъ вымыть мою рубашку.

— Поди сюда, дѣвушка!—закричалъ онъ.

Красавица вошла.

— Можешь ты вымыть эту рубашку?—спросилъ онъ.

— Не знаю, отвѣчала она, но—постараюсь.

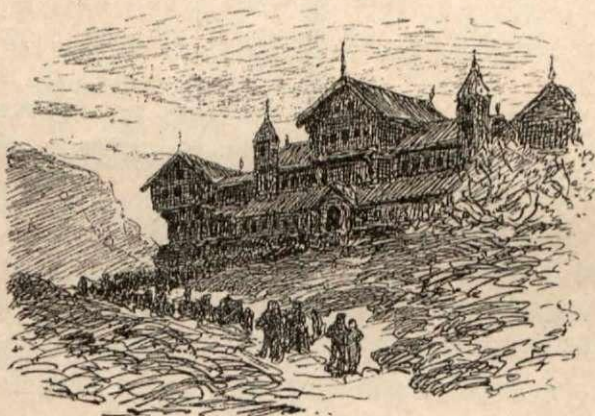
Едва взяла она рубашку въ руки и смочила водой, какъ та сдѣлалась бѣлѣе снѣга.

— На тебѣ я и женюсь, — сказалъ принцъ.

Тогда старая вѣдьма такъ разсердилась, что лопнула, да

кажется и длинноносая принцесса и всѣ остальные вѣдьмы тоже лопнули, потому что всѣ съ той поры пропали.

А принцъ со своею невѣстой красавицей освободили всѣхъ христіанъ, томившихся въ замкѣ, забрали оттуда золота и серебра столько, сколько могли увезти, и уѣхали навсегда изъ замка, что стоитъ на востокъ отъ солнца и на западъ отъ луны.

СКАЗКА ПРО ИВАНУШКУ-ДУРАКА, ПРЕВЗОШЕДШАГО ВО ЛЖИ ПРИНЦЕССУ

БЫЛА у одного короля дочь, да такая лгунья, что никто не могъ ее перецеголять во лжи.

Вотъ разъ король и объявилъ, что отдастъ ее тому въ жены да еще полъ-королевства дать въ приданное, — кто окажется болѣе ея искуснымъ лгуномъ.

Много нашлось охотниковъ, но всѣ потерпѣли неудачу.

Услышали объ этомъ три брата, — два умные, третій дурачекъ, — и задумали также попытать счастья. Сперва отправились два старшіе, но никакъ не могли превзойти во лжи

принцессу. Явился наконецъ Иванушка дурачекъ. Онъ за-
сталъ принцессу въ коровникѣ.

— Здравствуйте, — сказалъ Иванушка.

— Здравствуйте, — отвѣчала принцесса. — Не правда-ли,
что нигдѣ нѣтъ такого большого коровника, какъ у насъ? —
Когда въ одномъ углу пастухъ играетъ на рожкѣ, въ другомъ
углу ничего не слышать.

— Ну, нашъ-то побольше будетъ! — отвѣчалъ Иванушка: —
онъ такъ великъ, что коровы въ цѣлую недѣлю не могутъ его
перейти.

— Да, это большой коровникъ! — согласилась принцесса,
но такого быка у васъ навѣрное нѣтъ, какъ у насъ, — посмо-
трите-ка! Если ему сѣсть на одинъ рогъ, то до другаго
саженной палкой не достанешь!

— Это что! — у нашего быка на одномъ рогу на альпій-
скомъ рожкѣ играютъ, а на другомъ ничего не слышать!

— Вотъ такъ быкъ! Ну, а столько-ли у васъ молока,
какъ у насъ? Мы его доимъ въ большія ведра, потомъ сли-
ваемъ въ котлы и дѣлаемъ большіе, большіе сыры.

— А мы прямо доимъ въ огромные ушаты, вывозимъ
ихъ, сливаемъ въ пивные котлы и дѣлаемъ сыры въ домѣ
величиною, а нашъ Гнѣдко ихъ утаптываетъ. Разъ поѣхалъ
я на Гнѣдкѣ на мельницу и сломалъ ему какъ-то спину.
Но я пособилъ горю — приладилъ ему вмѣсто спины елку и
такъ Гнѣдко и жилъ у насъ съ елью вмѣсто спины; только
начала елка расти, — росла, росла — да до неба и доросла.
Влѣзь я туда по ней — вижу, сидитъ на небѣ твоя матушка
и вьетъ канаты изъ каши. Я заглядѣлся на ея работу, а
елка-то возьми, да и подломись, — хорошо, что твоя матушка
помогла мнѣ — спустила на канатѣ изъ каши на землю, прямо
въ лисью нору, гдѣ твой батюшка съ моей тетушкой чи-
нили старые башмаки. Только разсердилась на что-то моя

тетушка, да какъ примется бить башмакомъ твоего батюшку по пустой головѣ!...

— Ну, и врешь же ты!—вскричала принцесса:—никогда у моего батюшки не было пустой головы!

Такъ-то Иванушка-дурачокъ и превзошолъ во лжи даже лгунью—принцессу.

ВЕЧЕРЪ ВЪ ОДНОЙ НОРВЕЖСКОЙ КУХНѢ

НЕ веселый былъ вечеръ—на дворѣ свирѣпствовала мя-
тель; въ комнатѣ хозяина, гдѣ мы съ нимъ сидѣли
вдвоемъ, тускло горѣла свѣча; изъ всѣхъ предметовъ, окружа-
вшихъ насъ, можно было ясно различить только зеркало въ ста-
ромодной рамѣ, большіе часы да прадѣдовскую серебряную
кружку. Я сидѣлъ съ книгой въ углу дивана, а въ другомъ—
расположился хозяинъ съ пачкою номеровъ газеты, озаглавлен-
ной «Опытъ выраженія высокопатріотическихъ чувствъ для
блага родины» и подписанной изъ скромности—Анонимъ.

Серьезное изученіе этого сокровища, разумѣется, навело помѣщика на не менѣе глубокомысленныя размышленія, къ тому-же онъ во многомъ не соглашался съ авторомъ, чрезвычайно критически относился къ нему и, будучи отъ природы спорщикъ, пришелъ, наконецъ, въ такой азартъ, что мѣховая шапочка его слетѣла и онъ забѣгалъ по комнатѣ, размахивая руками и полами своего длиннаго фризоваго сюртука; Пламя свѣчи сильно колебалось и мѣшало мнѣ читать, а его «крылатыя слова» жужжали у меня въ ушахъ, какъ майскіе жуки на липѣ, и еще болѣе мѣшали чтенію. Я

зналъ наизусть всѣ его вычурныя выраженія, надутую рѣчь, и притворный пафосъ: все это приходилось слушать чуть не въ сотый разъ. Я далеко не отличался ангельскимъ терпѣніемъ, но отступленіе было мнѣ отрѣзано,—полъ въ моей комнатѣ только что вымыли для наступающаго праздника и она была полна пара.

Наконецъ, я не выдержалъ и убѣжалъ въ кухню, откуда уже давно доносился до меня веселый смѣхъ. Тамъ кузнецъ Христіанъ рассказывалъ сказки.

«Дѣтская забава и ложь», слышалось мнѣ въ догонку изъ гостиной; «это стыдъ для ученыхъ, но выражаясь, какъ здравомыслящій патріотъ....» болѣе я ничего уже не слышалъ, затворивъ за собой дверь.

Свѣтъ, веселье и жизнь царили въ обширной, чистой кухнѣ. На очагѣ пылалъ огонь, освѣщавшій самые дальніе уголки кухни, а передъ нимъ сидѣла добродушная, ласковая хозяйка, окруженная грызущими орѣхи дѣтьми, служанками и сосѣдками съ веретенами. Работники, вернушіеся съ молотѣбы, обчищались въ сѣняхъ отъ снѣга, входили въ кухню и усаживались за длинный столъ, на которомъ кухарка поставила ужинъ: миску съ молокомъ и горшокъ густой каши.

Кузнецъ стоялъ, прислонясь спиной къ очагу, и покуривалъ трубочку, при чемъ его испачканное сажей лицо ясно изображало, что онъ только что разсказалъ нѣчто и съ большимъ успѣхомъ.

— Добрый вечеръ, кузнецъ,—сказалъ я:—что это ты разсказывалъ такое веселое?

— Хи-хи-хи! засмѣялись мальчишки:—Христіанъ разсказывалъ о чортѣ и кузнецѣ, о мальчикѣ, поймавшемъ чорта въ орѣхъ, и теперь обѣщалъ разсказать про духовъ, удерживавшихъ лошадь Петра Саннума на Асмирерскомъ холмѣ.

— Ну, такъ слушайте-же, — началъ кузнецъ:—Петръ Саннумъ жилъ недалеко отъ кирхи. Онъ славился своими заклинаніями, не менѣе Берты Туппенгаугъ. За нимъ часто присылали сани, прося пріѣхать и помочь въ бѣдѣ; онъ лечилъ заговорами людей и скотину. Какъ бы тамъ ни было, его все-таки нельзя включить въ число умныхъ, такъ какъ духи его разъ такъ обошли, что онъ цѣлую ночь простоялъ на своемъ дворѣ со скошеннымъ на сторону лицомъ и съ тѣхъ поръ стало съ нимъ твориться что-то неладное. Онъ былъ всегда порядочный спорщикъ, задира и любилъ ссо-

рится, ну точь въ точь.... гм.... гм...! Былъ у него разъ процессъ въ Христіаніи и ему назначили явиться туда ровно въ десять часовъ утра. Петръ Саннумъ выѣхалъ изъ дому съ вечера, думая къ утру поспѣть въ городъ и явиться во время, но только что въѣхалъ онъ на Асмирерскій холмъ, какъ лошадь его стала, словно кто схватилъ ее подъ уздцы, и какъ Петръ ни билъ и ни погонялъ ее—лошадь кружилась и билась на одномъ мѣстѣ, ни взадъ, ни впередъ не двигаясь. Асмирерскій холмъ нечистое мѣсто — на немъ разъ былъ найденъ повѣсившійся и потомъ часто слышали тамъ подъ землей прекрасную музыку—ну вотъ такую, какая была у старосты въ 1814 году.—Правда это, Берта?—обратился онъ къ одной изъ женщинъ, сидѣвшей у очага и чесавшей шерсть.

— Чистѣйшая правда, батюшка,—отвѣчала та.

— И такъ, Петръ Саннумъ цѣлую ночь ничего не могъ подѣлать съ лошадыю. Наконецъ, на разсвѣтѣ онъ слѣзъ съ нея, отправился къ Ингебрету, что жилъ на Асмирерскомъ холмѣ, и попросилъ его принести горящую головешку и бросить въ лошадь, а самъ опять сѣлъ на нее. Только что Ингебретъ бросилъ головнею, лошадь, разумѣется, помчалась какъ бѣшеная, такъ что Петръ едва удержался въ сѣдлѣ, но прискакавъ въ городъ, бѣдная тварь упала и издохла.

— Я слыхивала объ этомъ и прежде—сказала старая Берта;—но не вѣрила, чтобы Петръ былъ до такой степени глупъ, ну а ужъ тебѣ—не могу не повѣрить.

— Да ужъ я лгать не стану,—отвѣчалъ кузнецъ;—мнѣ все это рассказывалъ самъ Ингебретъ

— Петру слѣдовало посмотреть черезъ узду, не такъ-ли, бабушка Берта?—спросилъ одинъ изъ мальчиковъ.

— Разумѣется,—отвѣчала Берта;—онъ тогда увидѣлъ бы, кто держитъ его лошадь, и этимъ заставилъ бы отпустить ее. Мнѣ передалъ это средство знатокъ этого дѣла; его звали

у насъ Гансъ Фреймутъ, а по сосѣдству его прозвали «Гансъ-по чести» изъ за его вѣчной поговорки «по чести...» Онъ былъ похищенъ духами и многіе годы находился у нихъ; они даже хотѣли его женить на одной изъ своихъ дочерей. Но такъ какъ за Ганса нѣсколько разъ трезвонили въ кирхѣ, они принуждены были его отпустить и съ досады сбросили его съ горы, кажется съ Хорде, да такъ искусно, что онъ чуть не скатился въ Фіордъ и послѣ этого сталъ совсѣмъ дурачкомъ—сидитъ, бывало, да вдругъ какъ захохочетъ:

— Хи, хи, хи! Кари-Карино, это ты! — это ему все видѣлась его прежняя невѣста. Она и на самомъ дѣлѣ всегда, невидимо для другихъ, ходила за нимъ.

Гансъ съ тѣхъ поръ только тѣмъ и кормился, что ходилъ изъ села въ село, рассказывая чудныя исторіи. Между прочимъ онъ рассказывалъ, что, живя съ духами, онъ постоянно ходилъ съ ними за хлѣбомъ и молокомъ, потому что они сами не могли брать того, что было осѣнено крестомъ во имя Іисуса Христа. И вотъ Гансъ забиралъ для нихъ цѣлыя кучи всякой-всячины, а одинъ изъ духовъ, силачъ Ваатъ, несъ все это. Иногда и самого Ганса нагружали ношей, особенно во время грозъ,—ихъ страшно духи боятся. Этотъ духъ-силачъ Ваатъ удержалъ разъ въ глубокой Галландской долинѣ Фогта изъ Рингерике, вѣхавшаго въ саняхъ. Чего только ни продѣлывалъ Фогтъ съ кучеромъ, чтобы заставить идти лошадь, какъ страшно ни били ее, ничего не могли подѣлать; наконецъ кучеръ догадался, соскочилъ съ саней и поглядѣлъ черезъ узду. Тутъ Ваатъ пустилъ лошадь, но за то духи проводили Фогта такимъ хохотомъ, что у него морозъ пробѣжалъ по кожѣ.

— Я слышалъ о такомъ-же приключеніи съ пасторомъ въ Льерѣ,—сказалъ одинъ изъ работниковъ, уроженецъ сосѣдняго округа:—пасторъ этотъ хотѣлъ напутствовать уми-

равшую старуху, бывшую всю жизнь страшной безбожницей. Только что въѣхалъ онъ въ лѣсъ, какъ кто-то остановилъ лошадь, но лѣрскій пасторъ былъ молодецъ, сейчасъ же вскочилъ верхомъ на лошадь прямо съ саней, поглядѣлъ въ узду и увидалъ кто держалъ его лошадь: это былъ отвратительный старикашка—чуть-ли не самъ чортъ, какъ говорили потомъ.

— Пусти закричалъ ему пасторъ,—не получишь ты на этотъ разъ души старухи. Чортъ пустилъ, но ударилъ лошадь и она полетѣла такъ, что искры сыпались изъ-подъ копытъ и кучеръ съ пасторомъ едва держались въ саняхъ, но все же пасторъ успѣлъ напутствовать умирающую.

— Какъ мнѣ быть съ коровами, матушка?—сказала служанка, входя съ ведромъ молока.—Коровамъ надо сѣна, а я не рѣшаюсь идти на сѣноваль: конюхи всегда бранятся.

— Вотъ что я тебѣ посоветую, Марья,—сказалъ одинъ мальчикъ, съ коварныѣмъ намѣреніемъ одурачить бѣднягу.—Свари кисель изъ прокислаго молока и поставь въ четвергъ вечеромъ подъ ясли въ стойло. Тогда домовой поможетъ тебѣ носить сѣно незамѣтно.

— Да, хорошо, если бы онъ былъ тутъ!—сказала, ничего не подозрѣвая, старая скотница. Но здѣсь нѣтъ ни одного домового, не то что у капитана въ Несѣ, гдѣ я служила прежде.

— А ты почему знаешь, что тамъ былъ домовой?—спросила хозяйка. Ты его развѣ видѣла?

— Конечно, видѣла, такъ-же ясно, какъ васъ вижу.

— Ахъ, Расскажи, Расскажи! стали просить ее дѣти.

— Съ удовольствіемъ. Это было въ воскресенье вечеромъ. Кучеръ попросилъ меня задать корму за него лошадямъ—самъ онъ торопился къ своей невѣстѣ. Я и отправилась; всыпала корму двумъ лошадямъ и подошла съ охапкой сѣна

къ верховому коню капитана, а онъ тутъ какъ разъ и свалился мнѣ на руки.

— Кто, кто? — верховой конь-то? засмѣялись мальчики.

— Боже упаси! не конь, а домовой. Испугалась я, бросила сѣно и убѣжала. Потомъ рассказываю Петру конюху, что со мною случилось и что «Гнѣдко» не кормлень, а Петръ

и говорить мнѣ: «Ну, объ «Гнѣдкѣ» нечего беспокоиться: за нимъ самъ домовой ухаживаетъ». И вѣрно—«Гнѣдко» былъ просто заглядѣнье что за конь, бока у него такъ и лоснились.

— А каковъ изъ себя домовой? спросила хозяйка.

— А вы думаете, я его такъ и разглядѣла? Вѣдь темъ

была страшная; но я ясно почувствовала, что онъ волосатый и видѣла его огненные глаза.

— Да вѣдь это была кошка! воскликнулъ одинъ изъ мальчиковъ.

— Кошка, какъ бы не такъ! презрительно возразила Марья, — нѣтъ, это былъ самъ домовый, у него всего четыре пальца, и онъ волосатый, — это такъ-же вѣрно, какъ-то, что я жива.

— Если у него было всего четыре пальца, разумѣется это былъ домовый, — подтвердилъ кузнецъ, — хотя я самъ и не имѣлъ съ домовыми никакого дѣла, но не мало слышалъ о нихъ. Они лучшіе конюхи и слуги; да не они одни, и другіе духи тоже услужливы, когда захотятъ. Въ Регли, на-примѣръ, былъ случай, вышелъ какъ-то разъ хозяинъ вечеромъ изъ Регли на поле посмотрѣть, высохъ-ли только что снятый ячмень (это было позднею осенью). Вдругъ слышитъ голосъ: — «Убирай ячмень, завтра будетъ снѣгъ». Хозяинъ послушался, до полуночи свозилъ хлѣбъ въ амбаръ. А на другой день снѣгъ выпалъ на цѣлый футъ!

— Но вѣдь духи не всегда такъ ласковы — замѣтилъ одинъ мальчикъ, — помнишь, какъ духъ поѣлъ все угощенье на свадьбѣ въ Эльштатѣ и забылъ еще свою шапку?

— Тамъ дѣло было такъ, — началъ снова кузнецъ, съ удовольствіемъ пользуясь случаемъ еще что-нибудь рассказать, — у нихъ въ Эльштатѣ не было печи и они все пекли и жарили у сосѣдей. Вечеромъ посылають туда слугу, но только что онъ уложилъ все жаркое и печенье въ сани, вдругъ слышитъ:

— «Скажи въ Эльштатѣ Дельдѣ, что Дильдъ сгорѣлъ!» Слуга помчался такъ, что вѣтеръ въ ушахъ посвистывалъ и все-таки въ слѣдъ ему нѣсколько разъ опять кто-то крикнулъ:

— «Скажи Дельдѣ, Дильдъ сгорѣлъ!»

Счастливо доставивъ свою кладь до дому, слуга вошелъ въ комнаты и подошелъ къ длинному столу съ того конца, у котораго закусывала прислуга въ выдававшіяся ей свободныя минутки.

— «Что это ты, парень, на чортѣ ѣздилъ или еще не отправлялся за жаркимъ?» спросилъ его кто-то изъ хозяевъ.

— «О, да, я уже вернулъся, отвѣчалъ слуга, — видишь, вонъ тамъ стоятъ привезенныя мною жаркія и печенья; я, по правдѣ сказать, испугался и страшно гналъ лошадь, потому что проѣзжая черезъ пустырь слышалъ, какъ кто-то закричалъ:

— «Скажи въ Эльдштатѣ Дельдѣ, что Дильдѣ сгорѣлъ!»

— «Ахъ, это мое дитя сгорѣло!» крикнулъ кто-то въ столовой и, выскочивъ оттуда, сталъ бросаться и бить всѣхъ по головамъ; наконецъ, шапка слетѣла съ невидимаго существа и всѣ узнали въ немъ русалку. Когда она убѣжала, забывъ въ попыхалъ шапку-невидимку и серебряный ковшъ, хозяева увидѣли, что она съѣла мясо, жиръ, масло и пирожное, выпила все пиво и водку — однимъ словомъ, истребила все самое вкусное. Шапку и ковшъ спрятали и кажется до сихъ поръ сохраняютъ въ Эльдштатѣ, впрочемъ, навѣрное не знаю, не видалъ!

— Да, духи ловко крадутъ, — сказала старая Берта Туппенгаухъ; — но хуже всего терпятъ отъ нихъ при пастьбѣ скота. Тутъ ужъ духамъ и русалкамъ раздолье, потому что пастушки часто вѣтренничаютъ и забываютъ перекрестить молоко, сыры, сливки и масло, а духи все это преспокойно забираютъ. Часто случается, что люди ничего этого и въ глаза не видятъ, вотъ какъ случилось на Небербергскомъ горномъ лугу, въ церковномъ лѣсу. Въ томъ лѣсу работали дровосѣки. Разъ вечеромъ приходятъ они въ хижину пастушекъ и говорятъ, что слышали въ лѣсу крикъ:

— «Скажите Кильдѣ, ея обонимъ дѣтямъ плохо, они обварились изъ котла супомъ.»

— «Бѣдныя мои малютки!» послышался отчаянный крикъ въ молочной и оттуда выбѣжала русалка съ ведромъ молока.

— Много люди болтають всякаго вздору, презрительно замѣтилъ кузнецъ, хотя самъ чистосердечно вѣрилъ въ духовъ и русалокъ, но оскорбленный тѣмъ, что его перебили. — его, лучшаго раскащика во всемъ округѣ? — Можно вѣрить только тому, что самъ или кто изъ родни видѣлъ, вотъ какъ мой свекоръ Джо изъ Строката. Онъ жилъ въ имѣньи Лоддингеръ въ Уллесакерѣ. Тамъ у него были и коровы, и лошади; зажиточный онъ, дѣльный былъ человекъ, къ тому же охотникъ и скрипачъ. Въ гостяхъ онъ охотно игралъ на скрипкѣ, но дома, бывало, ничѣмъ его не уговоришь сыграть танцы, будь хоть полонъ домъ молодежи. Только разъ подпоили его и уговорили играть, да и то онъ неохотно игралъ, зная, какъ духи не любятъ шума и гама. Наконецъ, разсердился и выгналъ всѣхъ гостей, а дочерей послалъ спать. Уже полураздѣтый подошелъ онъ къ очагу выкурить еще трубочку на сонъ грядущій; вдругъ вваливаетъ въ двери цѣлая толпа и старыхъ, и малыхъ.

— «А, вы опять, вотъ я васъ!» закричалъ старикъ, думая, что это вернулась резвеселившаяся молодежь, но увидавъ, что это не они, струсилъ. Сталъ онъ будить дочерей, но тѣ со сна ничего не понимали.

«Снялъ онъ тутъ ружье со стѣны и прицѣлился въ незнакомцевъ.»

— «Убирайтесь сейчасъ, или я такъ васъ выпровожу, что вы не будете знать, гдѣ у васъ голова, гдѣ ноги! закричалъ онъ.»

«Съ дикимъ крикомъ бросилась толпа вонъ, спотыкаясь и падая, точно куча клубковъ. Джо вернулся къ очагу и видитъ сидящаго тамъ крошечнаго старичка съ огромной бородой; онъ старался раскурить свою постоянно потухающую трубочку.»

— «А ты что? Тоже бродяга? откуда явился, гдѣ живешь?» закричалъ на него Джо.

— «Я живу не далеко отсюда и совѣтую тебѣ не поднимать тутъ болѣе такого шума, а то я отступлюсь отъ тебя, и тогда плохо тебѣ придется, потому что я стерегу и подерживаю твою старую сушильню.»

«Съ того дня о танцахъ въ имѣньи и помину не было,— Джо закинулъ даже свою скрипку.»

Въ эту минуту дверь, ведущая изъ кухни въ комнату, отворилась, и хозяйнѣ высунулъ голову со словами:

— Что, ты еще не кончилъ болтать чепухи, продолжаешь все врать?

— Врать! обиженно возразилъ кузнецъ,—я никогда не вру, а теперь особенно, потому что моя жена, Дарте, была тамъ и видѣла все сама. Правда, со сна она была, какъ одурѣлая.

— Одурѣлая? перебилъ его хозяйнѣ;—разумѣется такая-же, какъ ты всегда бываешь, кромѣ развѣ того случая, когда ты пьянъ и совсѣмъ уже осель. Пейдемте, мальчики, спать, нечего вамъ слушать пустословіе этого пустомели.

— Долженъ сознаться, возразилъ кузнецъ съ чувствомъ собственнаго превосходства, — что послѣдній разъ, когда я слышалъ глупости и вранье — это было семнадцатаго мая, когда вы ораторствовали на Небергскомъ холму.

— Проклятый болтунъ! ворчалъ хозяйнѣ, направляясь черезъ кухню со свѣчкой и своими драгоценными газетами въ рукахъ.

— Лучше сядьте съ нами и послушайте, я вамъ расскажу про драгуна, женившагося на русалкѣ! сказалъ кузнецъ.

Но помѣщикъ съ бѣшенствомъ захлопнулъ за собою дверь.

— Ну, такъ я вамъ разскажу, обратился кузнецъ къ своимъ прежнимъ слушателямъ.

— Давнымъ давно жили на фермѣ въ Голландѣ богатые помѣщики. Единственный сынъ ихъ, красавецъ собою, служилъ въ драгунахъ. Услышалъ онъ разъ, что въ домикѣ пастушекъ, на горахъ, поселились духи и между ними находится удивительная красавица. Молодой человекъ надѣлъ свою драгунскую форму, сѣлъ на коня, взялъ пистолеты и отправился. Подъѣхавъ къ домику, видитъ, что онъ ярко освѣщенъ. Слѣзъ онъ съ лошади, привязалъ ее къ соснѣ, взялъ въ руки пистолеты и вошелъ въ домъ. А тамъ сидѣли мужъ и жена, да такіе гадкіе, что хуже ихъ никогда онъ ничего не видѣлъ; за то тутъ-же стояла ихъ дочь, такая красавица, что онъ чуть не умеръ отъ восторга, глядя на нее. Бѣда была въ томъ, что у всѣхъ у троихъ были коровьи хвосты. Драгунъ быстро распахнулъ дверь и выстрѣлилъ въ дѣвушку. Она упала, и тотчасъ превратилась въ страшнаго урода.

— «Бери ее — она твоя, сказалъ тогда отецъ, но драгунъ стоялъ, точно окаменѣлый — пальцемъ не могъ шелохнуть. Тогда старикъ умылъ дѣвушку, она ожила и уродливость ея пропала, но красота не вернулась; что было, то было — лгать нечего.»

— «Бери ее, храбрый драгунъ, вези домой, но не забудь на свадьбѣ приготовить для меня съ женою угощенье въ чуланчикѣ, и зайти къ намъ выпить за здоровье молодыхъ.»

«Привезъ драгунъ невѣсту домой, обвѣнчался съ нею и во время свадьбы хвостъ ея исчезъ. Среди свадебнаго пира молодой зашелъ въ чуланчикъ, гдѣ все было приготовлено для приема стариковъ, и нашелъ тамъ цѣлыя кучи серебра и золота.»

«Долгое время молодые жили счастливо, и всякій праздникъ находили въ чуланчикѣ столько золота и серебра, что

наконецъ просто не знали, что съ нимъ дѣлать. Наконецъ, молодому надоѣла его некрасивая жена и онъ началъ ее поколачивать. Разъ собрался драгунъ въ городъ и сталъ передъ дорогой подковывать свою лошадь, потому что самъ отлично зналъ это дѣло; но на этотъ разъ какъ ни ста-

рался — ни одной подковы не могъ сковать: то выходила мала, то велика!»

— «Дай, ужъ я помогу тебѣ, сказала его жена, взяла маленькую подкову, разогнула ее, какъ будто она была изъ олова и сказавъ мужу:—«видишь, вотъ какъ надо дѣлать!» согнула ее опять, какъ разъ по ногѣ лошади.»

— «Видалъ? спросила она. Такъ вотъ, что я скажу тебѣ:

что если-бы я тоже стала бить тебя, какъ ты меня бьешь? Любя тебя, я не дѣлаю этого, — не обижай же и ты меня».

«И съ этого дня зажили они опять на славу, и драгунъ сдѣлался примѣрнымъ мужемъ».

— Однако пора и спать! сказала хозяйка, подымаясь. — Спокойной ночи!

— Спокойной ночи! Только не шумите, мальчики, — сказалъ кузнецъ; — старикъ нашъ уже спитъ!

Мальчики стали просить его придти на слѣдующій вечеръ опять рассказывать и сторговались за четверть фунта табаку, но увы! на другой день кузнецъ былъ мраченъ, молча жевалъ табакъ, и мальчики не могли его умилостивить ни табакомъ, ни водкой.

Служанки объяснили это тѣмъ, что онъ былъ въ ту ночь похищенъ духами и унесенъ ими на Асмирерскій холмъ, гдѣ его и нашли на разсвѣтъ, лежащаго и болтающаго чепуху.

СКАЗКА ПРО ИВАШКУ ДУРАКА, РАЗСМЪШИВШАГО ПРИНЦЕССУ

ЖИЛЪ-былъ король, а у него была дочь, да такая серьезная, гордая—никогда не засмѣется; больно ужъ она чванилась и всѣмъ сватавшимся за нее отказывала, хотя женихи были хорошіе: принцы и богатые дворяне. Короля это сердило и огорчало «Чего она ждетъ? думалось ему, она уже на возрастѣ, да и богата (поль-королевства шло ей въ приданое, какъ наслѣдство послѣ матери). Выходила бы лучше замужъ, чѣмъ чваниться да дуться». И приказалъ король объявить съ Киркѣ-горы, что отдастъ ее за того, кто ее насмѣшитъ; а кому не удастся этого сдѣлать, тому вырѣжутъ изъ спины три ремня и раны натрутъ солью.

Съ сѣвера и юга, съ востока и запада стали съѣзжаться женихи. Имъ казалось вовсе нетруднымъ насмѣшить принцессу; но какъ они ни остряли, какихъ смѣшныхъ выходокъ ни продѣлывали,—принцесса оставалась мрачной и грустной. И спины жениховъ болѣли невыносимо.

Близъ столицы жилъ одинъ старикъ съ тремя сыновьями. Услышали они о рѣшеніи короля, и старшій сынъ сейчасъ же отправился попытать счастья, попробовать, не съумѣтъ ли онъ насмѣшить принцессу.

Вотъ пріѣзжаетъ онъ къ королю и говоритъ: — Я хочу попытаться разсмѣшить твою дочь!

— Что-жь попробуй, сказалъ король: но едва ли тебѣ это удастся—столько уже молодцовъ потерпѣло неудачу; моя дочь что-то слишкомъ грустна,—и мнѣ не хотѣлось-бы, чтобы еще люди страдали изъ за нея.

Но женихъ былъ увѣренъ въ своей удачѣ. Какъ ему было не насмѣшить принцессу, когда всѣ офицеры и солдаты хохотали, бывало, глядя, какъ онъ учится военному артикулу подъ командой фельдфебеля Нильса. Онъ сталъ подъ окно и представилъ самого Нильса, но принцесса осталась мрачна.

Вырѣзали бѣднягѣ-жениху три ремня изъ спины и отправили его домой. Тогда явился ко двору короля второй братъ—хромой учитель, на длинныхъ тонкихъ ногахъ; сталъ онъ передъ окномъ принцессы и началъ передразнивать, какъ семь дьяконовъ и семь дьячковъ поютъ въ носъ и кривляются. Король такъ хохоталъ, глядя на него, что чуть съ балкона не упалъ, сама принцесса чуть было не улыбнулась! Но нѣтъ, пересилила-таки себя и осталась мрачна и грустна по прежнему, а бѣдному учителю вырѣзали три ремня изъ спины, натерли раны солью и отправили его домой.

Собрался тогда въ городъ Иванушка-дурачокъ, младшій сынъ старика, и какъ его братья ни дразнили, какъ отецъ ни отговаривалъ, онъ все просилъ и нылъ, и такъ, наконецъ, всѣмъ надоѣлъ, что его отпустили. Явившись въ городъ, Иванушка не пошелъ сейчасъ объявлять себя искателемъ руки принцессы, а сталъ просить себѣ мѣстечка. При королевскомъ дворцѣ никакого свободного мѣста не было, но Иванушка не смутился и продолжалъ надоѣдать своими просьбами, увѣряя, что въ такомъ большомъ хозяйствѣ, какъ у короля, навѣрное, найдется ему мѣсто: пусть заставятъ его хоть воду и дрова носить кухаркѣ. Чтобы отвязаться отъ него, король велѣлъ, наконецъ, дать ему это мѣсто. И сталъ онъ кухаркѣ воду и дрова таскать.

Только разъ пошелъ онъ на ручей за водой и увидаль подь корягой большую рыбу. Иванушка искусно поймалъ рыбу своимъ ведромъ и пошелъ домой. На пути встрѣтилась ему старушка съ золотымъ гусемъ.

— Доброе утро, матушка, сказалъ ей Иванушка-дурачокъ: вотъ у тебя гусь, такъ гусь! что за перышки, а какъ блестить то! Съ такой птицей и лучины не надо.

Старушкѣ межъ тѣмъ его рыба понравилась. Она и говоритъ ему:—вотъ если-бы ты мнѣ свою рыбу отдалъ, я бы тебѣ своего гуся уступила-бы. Это гусь волшебный, добавила она при этомъ: если кто до него дотронется, стоитъ только его хозяину промолвить: *дотронулся, такъ и держись*, и рука тотчасъ пристанетъ къ гусю.

Иванушка былъ не промахъ: тотчасъ согласился на мѣну, отдалъ старухѣ рыбу и взялъ гуся. Онъ тутъ же смекнулъ, какъ ему быть и что дѣлать съ гусемъ,—и отправился прямо во дворецъ. Встрѣчаетъ онъ по пути старушку. Какъ увидала она гуся, такъ и разъохалась: ахъ, какой гусь, дай мнѣ его погладить!—Ладно, говоритъ Иванушка: только не дергай перьевъ. Но только что дотронулась она до гуся, Иванушка крикнулъ: «дотронулась, такъ и держись крѣпче!»—и руки женщины пристали къ гусю. Женщина рвалась и металась, но ничего не могла подѣлать—Иванушка потащилъ ее за собою; а межъ тѣмъ мужъ той старухи, увидавъ, какъ жена прилипла къ золотому гусю, вздумалъ отомстить ей разомъ за все, подскочилъ и ударилъ ее сзади ногой. Въ ту-же минуту Иванушка сказалъ: «Дотронулся, такъ и держись крѣпче!» и бѣдняга заковывалъ на одной ногѣ, а другая приросла къ жениной юбкѣ. Они уже подходили ко дворцу, какъ повстрѣчался имъ кузнецъ, несшій большія кузнечныя щипцы. Онъ былъ веселый малый, готовый на всякое дурачество. Увидавъ странное шествіе, онъ такъ расхохотался, что у него въ бокахъ закололо.—Постой-

те-же, я еще лучше сдѣлаю—удержу все это гусиное стадо разомъ! закричалъ онъ и схватилъ мужа сзади щипцами; но лишь Иванушка молвилъ: «Держись крѣпче!»—приросъ и кузнецъ, и какъ ни упирался, долженъ былъ идти за Иванушкой и участвовать, волей-неволей, въ комичномъ хороводѣ.

Только подошли они ко дворцу, выскочили собаки и подняли такой лай, словно онѣ волковъ или бродягу увидали. Принцесса подошла къ окну, поглядѣть въ чемъ дѣло, увидала все, да какъ расхохочется!

Иванушка однако этимъ не удовольствовался.

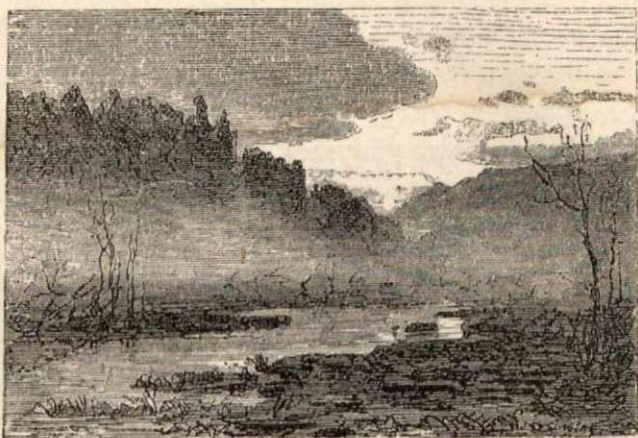
— Подождите, она еще не такъ захохочетъ, сказалъ онъ и потащилъ свою свиту во дворъ королевскаго дворца. Идутъ они мимо кухни, а въ той дверь настежь стоитъ, и кухарка мѣшаетъ ложкой кисель и мутовкой кашу подбиваетъ. Увидавъ такое необычайное шествіе, она выскочила, съ ложкой въ одной рукѣ и съ мутовкой въ другой, и залилась смѣхомъ. Нахохотавшись вволю, попросила она Иванушку, чтобы онъ ей далъ погладить гуся.

— Позволь ей лучше погладить меня, сказалъ кузнецъ.

— Ладно! согласился Иванушка.

Кухарка разозлилась,хватила кузнеца ложкой да и приросла! И вотъ вся эта компанія потащилась за Иванушкой мимо балкона, на которомъ стояли король и принцесса. Какъ увидѣла принцесса кухарку съ ложкой въ одной рукѣ и съ мутовкой въ другой, бѣгущею за всѣми, она такъ захохотала, что ей отъ хохота чуть дурно не сдѣлалось.

Такъ вотъ Иванушка-дурачокъ и женился на принцессѣ, а король на радостяхъ такой пиръ задалъ, что о немъ до сихъ поръ говорятъ.

ЛѢТНЯЯ НОЧЬ ВЪ КРОГЪ-ВАЛЬДѢ

Ложится туманъ надъ болотомъ глухимъ,
Лѣсъ сумрачно спитъ подъ покровомъ ночнымъ...
И призраковъ очи изъ мрака глядятъ,
И дикіе звуки намъ кровь леденятъ,
Смѣняясь молчаньемъ нѣмымъ.

Гейеръ.

Въ одинъ изъ вечеровъ подъ праздникъ, вскорѣ послѣ Иванова дня, добрался я пѣшкомъ до послѣдней мызы въ Серкетской долинѣ. Мнѣ тогда было четырнадцать лѣтъ. Въ то время я уже исколесилъ порядкомъ большую дорогу между Христіаніей и Рингерике, ходить по ней приходилось мнѣ и зимою, вотъ и вздумалось мнѣ, для разнообразія, отправиться черезъ Богштадъ въ Лизе, а оттуда пройти въ Керраденъ, въ Аасѣ, выючной тропинкой или прямо черезъ сѣверную часть Крогъ-вальдскаго лѣса.

Входя въ мызу, я не встрѣтилъ ни души: всѣ двери ея, стояли настежь. Я обошелъ всѣ комнаты, кухню и амбаръ, желая найти кого-нибудь, кто-бы далъ мнѣ напиться и кого я могъ

бы распросить о дальнѣйшей дорогѣ. Но въ домѣ оставались лишь—черная кошка, съ удовольствіемъ мурлыкавшая, сидя на очагѣ, да ослѣпительно бѣлый пѣтухъ, гордо расхаживавшій въ сѣняхъ и безъ умолку кричавшій, словно желая сказать: «Тутъ я теперь старшій!»

Ласточки безстрашно рѣзались вокругъ меня, щебетали и кружились въ солнечнымъ лучахъ. Привлеченныя обиліемъ насѣкомыхъ вблизи лѣса, онѣ налѣпили массу гнѣздъ на амбарѣ и подъ кровельнымъ жолобомъ.

Утомленный длинной дорогой въ жаркій день, я бросился на землю въ тѣни дерновой стѣны, окружавшей дворъ, и лежалъ въ полуснѣ, пока не испугалъ меня дикій концертъ: звонкій женскій голосъ старался успокоить ласковыми словами и ругательствами хрюкающее свиное стадо.

Подойдя на звуки, я встрѣтилъ сѣдую босоногую женщину, наклонившуюся надъ корытомъ; а подлѣ шумныя твари кусались, толкались, терлись и выли отъ нетерпѣнья и радости.

На мой вопросъ относительно дороги она отвѣчала во просомъ же, не подымаясь, а только повернувъ голову отъ своихъ любимцевъ:

— Откуда это вы?

Получивъ удовлетворительный отвѣтъ, она продолжала, поминутно прерывая рѣчь обращеніями къ стаду:

— Такъ, такъ — вы, значить, учитесь у Рингерикскаго пастора?.. Тише вы, буяны!.. Дорога къ Штубдалю въ Аасѣ, вы говорите?.. Эй какъ тебя, что-жъ ты другимъ ничего не хочешь оставить, противная тварь! Цыцъ, смирно!.. Ну, такъ слушайте-же: дорога идетъ черезъ лѣсъ такъ-таки прямо къ Керрадену.

Подобное описаніе лѣсной дороги въ добрыхъ двѣ мили длиной показалось мнѣ нѣсколько поверхностнымъ; я спросилъ, нельзя-ли нанять мальчика въ провожатые.

— Нѣтъ, этого никакъ нельзя! отвѣчала женщина, отходя отъ свинаго хлѣва,—у насъ столько дѣла съ сѣнокосомъ, что люди едва успѣваютъ поѣсть. Но дорога идетъ прямехонько черезъ лѣсъ, и я вамъ ясно ее опишу, словно бы вы сами ее видѣли. Сначала вы идете все въ гору, и дойдя до верху, у васъ будетъ широкая прямая дорога до Хеггели-Альпа. Рѣка все время остается влѣво, и если ее иногда не видно, то слышно. Близъ Хеггели дорога дѣйствительно немного запутана, и кто не знаетъ, не легко ее найдетъ. Но Хеггели-то ужъ вы найдете—онъ лежитъ при маленькомъ озерѣ. Оттуда идите вдоль озера, покуда не будетъ дамба, вродѣ моста; дальше надо забирать влѣво и оставлять всѣ дорожки вправо, и тогда попадете на широкую хорошую дорогу прямо въ Штубдаль въ Аасѣ.

Хотя и это объясненіе было не вполне достаточно, особенно для меня, рискнувшего въ первый разъ свернуть съ почтовой дороги, но я таки рѣшился двинуться въ путь.

Со склона горы, между елей и высокихъ сосенъ, по временамъ открывался видъ на долину съ ея лиственными рощами и лугами, по которымъ змѣилась узенькой серебряной лентой рѣчка. Красные крестьянскіе домики такъ мило и истинно по норвежски стояли на вершинахъ зеленыхъ холмовъ; парни и дѣвушки дѣятельно работали на сѣнокосѣ. Изъ нѣкоторыхъ трубъ вился легкій голубой дымокъ, ясно выдѣлявшійся на темномъ фонѣ покрытыхъ елями горъ. Всюду царили миръ и тишина, заставлявшіе забывать о близости столицы. Когда я достигъ вершины, раздались звуки охотничьяго рога и веселый лай; все это многократно повторялось эхомъ, постепенно удалялось и, наконецъ, замерло вдали.

Въ лѣсу налѣво дико ревѣла рѣка. Тропинка стала приближаться къ ней, горные хребты сдвинулись и я шель нѣсколько времени по дну глубокаго, темнаго ущелья, боль-

шая часть котораго примыкала къ руслу рѣки. Потомъ дорога снова удалилась отъ воды, кружась изъ стороны въ сторону и мѣстами совсѣмъ исчезая. Она шла въ гору, и когда я поднялся на маленькую возвышенность, среди сосновыхъ стволовъ засверкала пара лѣсныхъ озеръ; на берегу одного, на зеленомъ холмѣ, виднѣлась пастушья хижина, позлащенная вечернимъ солнцемъ. Въ тѣни холма подымались высокія заросли папоротника. Наперстнянка выставляла среди камней длинные колосья прелестныхъ красныхъ цвѣтовъ; рядомъ ядовитый аконитъ еще выше подымалъ кудрявую голову, мрачно и сурово глядя на свою миловидную сосѣдку, кивая въ тактъ кукушкѣ, словно желая сосчитать, сколько дней ему осталось жить. На зеленомъ скатѣ у воды красовались черемуха и рябина въ лѣтнемъ цвѣточномъ нарядѣ. Они наполняли воздухъ сильнымъ освѣжающимъ благоуханіемъ и грустно покачивали бѣлыми цвѣтами надъ отраженіемъ холма въ темной водѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ елями и скалами, обросшими мхомъ. Въ пастушьей хижинѣ никого не было. Я долго и тщетно стучалъ въ запертыя двери; наконецъ, присѣлъ на камень, чтобы немного подождать; но никто не пришелъ. Наступилъ вечеръ; ждать болѣе нельзя было; пришлось идти дальше. Въ лѣсу стало темнѣй, но я безъ труда дошелъ до деревянной дамбы черезъ рѣчку, соединявшую два озера, и рѣшилъ, что это здѣсь надо *забирать вѣuvo*. Перейдя дамбу, я нашелъ вѣuvo только плоскія, гладкія, сѣрыя скалы—и ни слѣда дороги; по правую сторону шла сильно утоптанная тропинка. Изслѣдовавъ нѣсколько разъ оба берега, я избралъ дорожку на правой сторонѣ воды, хотя это противорѣчило полученному мною наставленію. Вдоль темнаго озера тропинка была хороша и удобо-проходима, но вдругъ повернула, по моему соображенію, какъ разъ въ обратную сторону отъ цѣли моего странствія и

потерялась въ глубинѣ лѣса среди спутанной сѣти тропинокъ, проложенныхъ скотомъ.

Несказанно утомясь этими тревожными поисками, бросился я на мягкій мохъ, чтобы отдохнуть минутку; но усталость пересилила страхъ лѣсной глуши, и я не знаю, когда заснулъ и какъ долго спалъ. Проснулся я отъ какого-то дикаго крика, эхо котораго долго еще звучало у меня въ ушахъ. Вскочилъ я,—въ лѣсу все тихо, слышится нѣжное пѣнье малиновки и веселый бой дрозда: Эти знакомые звуки нѣсколько меня ободрили. Небо было облачно и мракъ въ лѣсу сгустился. Прошелъ мелкій дождикъ, пробудившій новую жизнь въ растительномъ мірѣ и наполнившій воздухъ свѣжимъ смолистымъ запахомъ; но вмѣстѣ съ этимъ проснулись всѣ ночные звуки лѣса. Среди вершинъ деревьевъ слышался то глухой металлическій звукъ, вродѣ кваканья, то пронзительный свистъ. Вокругъ меня послышалось такое жужжанье, словно сто прялокъ работало разомъ; къ моему ужасу, звуки эти то раздавались у самаго уха, то уходили вдаль; порой они прерывались дикимъ крикомъ, сопровождаемымъ хлопаньемъ крыльевъ, или далекимъ носовымъ зовомъ; затѣмъ наступала мгновенная тишина. Я былъ охваченъ неописаннымъ страхомъ и дрожалъ при каждомъ звукѣ. Между стволами было еще темнѣе,—тамъ всѣ предметы казались сверхъестественными, и тысячи рукъ тянулись ко мнѣ. Въ моей испуганной фантазіи ожили всѣ сказки дѣтства и явились въ окружавшихъ меня образахъ: я видѣлъ лѣсъ наполненнымъ привидѣніями, эльфами и насмѣшливыми карликами. Обезумѣвъ отъ страха, затаивъ дыханіе, бросился я впередъ, но при бѣгствѣ явились еще ужаснѣйшія видѣнія, и меня хватали ихъ цѣпкія руки. Вдругъ послышались тяжелые шаги—кто-то медленно шель по трещащимъ вѣтвямъ. Я увидѣлъ приближавшуюся темную массу и два глаза засверкали, какъ раскаленные уголья. Волосъ поднялся у меня на головѣ; я считалъ гибель мою неизбѣжной и безсознательно

закричалъ, для собственнаго ободренія: «Ей, кто тутъ, какъ пройти въ Штубдаль?!»

Глухой ревъ былъ мнѣ отвѣтомъ, и темная масса быстро удалилась съ трескомъ и шумомъ. Я долго стоялъ, прислушиваясь къ тяжелымъ шагамъ, и шепталъ: «будь посвѣтлѣй и если-бъ у меня было ружье, получилъ бы ты, Мишка, пулю за то, что меня такъ напугалъ!» При этой дѣтской угрозѣ исчезли мои страхи, и я спокойно пошелъ впередъ по мягкому моху. Нигдѣ не было ни слѣда тропинки. Между стволовъ скоро засвѣтлѣло, и я вышелъ на обрывъ берега большого озера, окруженнаго хвойнымъ лѣсомъ, на противоположномъ берегу исчезавшимъ въ ночномъ туманѣ. Пурпурное сіяніе на сѣверозападѣ отражалось въ темной водѣ; въ небѣ рѣяли дрожащимъ полетомъ летучія мыши и стрѣлой носились большія птицы, съ кваканьемъ и свистомъ, такъ напугавшимъ меня. Я понялъ, что забрался на сѣверовостокъ, когда надо было идти на западъ.

Раздумывая, остаться-ли мнѣ тутъ до восхода солнца или попробовать вернуться къ мосту, я, къ несказанной своей радости, замѣтилъ неподалеку блескъ огня между деревьями и поспѣшно пошелъ на него; но скоро убѣдился, что огонь гораздо дальше, чѣмъ показалось мнѣ сначала. Съ трудомъ пробравшись черезъ лабиринтъ бурелома и взойдя на крутую возвышенность, я долго шелъ по рѣдкому сосновому лѣсу, гдѣ деревья стояли рядами, какъ стройныя колонны, и сухая почва звенѣла подъ ногами. Тутъ вился маленькій ручеекъ, вокругъ него тѣснились ольхи и ели, а на лужайкѣ по ту сторону ручья пылалъ большой костеръ, бросавшій красный свѣтъ далеко въ лѣсъ. У огня сидѣла черная фигура, казавшаяся на свѣтломъ фонѣ почти сверхъестественной величины. Мнѣ вдругъ пришли на умъ старыя исторіи про разбойниковъ въ Крогь-вальдѣ, и одну минуту я былъ готовъ убѣжать. Но замѣтивъ у огня шалашъ изъ вѣтвей,

еще двухъ человѣкъ, сидѣвшихъ близъ него, и нѣсколько топоръ, воткнутыхъ въ пень подлѣ сваленной сосны, я понялъ, что это просто дровосѣки.

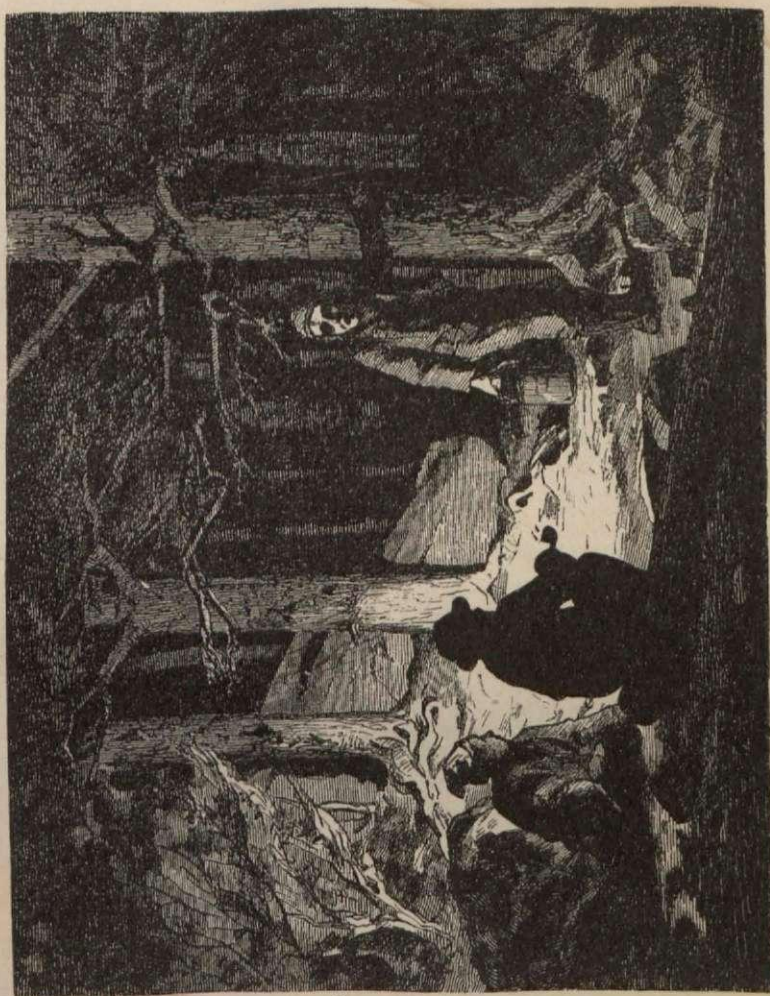
Старикъ говорилъ; это я заключилъ, видя, какъ двигались его губы. Въ рукѣ онъ держалъ короткую трубку и по временамъ подносилъ ее ко рту, чтобы сильными затяжками поддерживать въ ней огонь. Когда я приблизился, исторія кончилась или ее прервали, потому что старикъ, захвативъ трубкой горячаго пепла, усиленно попыхивалъ. Онъ внимательно слушалъ, что говорилъ четвертый, только что подошедшій человѣкъ, очевидно изъ той-же компаніи, потому что явился безъ шапки и на немъ была длинная, полосатая, исландская куртка. Это былъ большой, рыжій, невзрачный парень, чѣмъ-то испуганный; въ рукѣ онъ держалъ ведро воды.

Старикъ обернулся и огонь ударилъ ему въ лицо полнымъ свѣтомъ; онъ оказался человѣкомъ небольшого роста, съ длиннымъ кривымъ носомъ. Голубая, съ красной лентой, остроконечная шляпа едва сдерживала его лохматые, сѣдые волосы. Короткая рингерикская фуфайка изъ темносѣрой байки, съ изношенной бархатной обшивкой, дѣлала еще замѣтнѣе сутуловатость его спины.

Новоприбывшій что-то рассказывалъ о медвѣдяхъ.

— И я этому повѣрю? сказалъ старикъ: чего ему тутъ соваться? Что ты слышалъ трескъ, это вѣрно; только это не медвѣдь, потому что въ чистомъ сосновомъ лѣсу ему нечего ломать и онъ не трещалъ бы. Мнѣ сдается, ты просто напросто врешь, Петръ! Правду говорить, сосновый лѣсъ и рыжіе волоса не растутъ на доброй землѣ, тихо прибавилъ онъ: — будь еще это въ Стигдалѣ — я и Кнутъ, мы недавно слышали тамъ медвѣди — но здѣсь? нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, такъ близко къ огню онъ не подходитъ. Ты просто струсиль!

— Чортъ меня возьми, коли я не слышалъ, какъ онъ

LD

F

трещаль, пробираясь по сосновому лѣсу, любезный Торъ Лербергъ, обиженно возразилъ Петръ.

— Ну, такъ это была бѣлка, навѣрное, бѣлка, любезнѣйшій!

Тутъ я выступилъ впередъ и сказалъ, что, вѣроятно, это меня они слышали; затѣмъ разсказаль, какъ я заблудился и какого набрался страха. Послѣ этого я спросилъ, гдѣ я, и не можетъ-ли одинъ изъ нихъ провести меня въ Штубдаль; наконецъ, сталъ жаловаться на голодъ и усталость. Мое появленіе немало удивило компанію, что выразилось не въ словахъ, а во вниманіи, съ которымъ они меня слушали. Старикъ, Торъ Лербергъ, въ особенности заинтересовался и, по привычкѣ громко выражать свои мысли, вставлялъ отрывочныя замѣчанія въ мой разсказъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, не такъ — надо было перейти черезъ... да, черезъ мостъ; вотъ она, гдѣ дорога-то въ Штубдаль... онъ заблудился... молодъ еще — боится лѣса... а, это вальдшнепъ... это козодой; оно странно звучить, ежели кто еще не слышалъ... такъ, такъ, кайра отвратительно кричить, особенно когда дождь идетъ... ага, его почуялъ медвѣдь — мальчикъ пришелся бы ему по вкусу.

Я смѣло заявилъ: — будь свѣтло, будь я охотникъ, будь у меня заряженное ружье и умѣй я изъ него стрѣлять, — медвѣдь былъ бы убитъ наповаль.

— Вотъ это такъ, ха, ха, ха! громко засмѣялся Торъ Лербергъ и другіе съ нимъ: — это такъ, онъ навѣрно былъ бы убитъ наповаль!

— Но покуда, дѣло вотъ въ чемъ, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — теперь вы близъ Шторфлаатена; это самое большое озеро во всемъ лѣсу. Когда разсвѣтетъ, мы ужь какъ-нибудь отправимъ васъ дальше — у насъ есть лодка и, если перевести васъ на тотъ берегъ, будетъ недалеко до Штубдаля. Теперь-же надо отдохнуть и закусить... вотъ

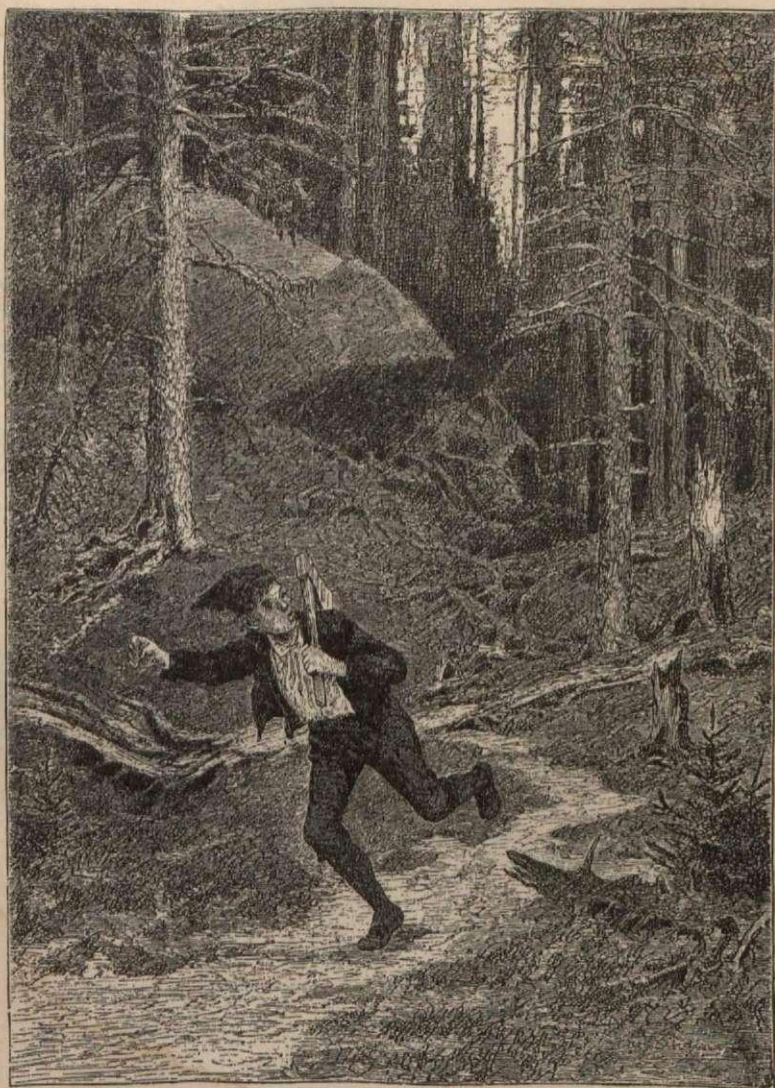
бѣда: у меня здѣсь только есть гороховый хлѣбъ съ прогоркшимъ саломъ, вы къ этому не привыкли; впрочемъ, голодь не тетка... да, а не хотите-ли свѣжей рыбки? я и забыть, что наловилъ сегодня чудесныхъ форелей — они тамъ, въ ручьѣ.

Я съ благодарностью принялъ предложеніе; онъ позвалъ младшаго парня и приказалъ ему выбрать самую вкусную форель и зажарить ее на угольяхъ.

Скоро я съ большимъ аппетитомъ принялся за ужинъ. Старикъ тѣмъ временемъ попросилъ одного изъ молодыхъ людей рассказать, что случилось съ его отцомъ на рубкѣ.

— Это можно рассказать въ двухъ словахъ, началъ плечистый парень съ здоровымъ, смѣлымъ лицомъ, не старше двадцати лѣтъ:—отецъ рубилъ лѣсъ въ Аскмаркѣ; вечеромъ онъ уходилъ въ хижину Хельги Мира, что стоитъ подъ горой, ближе къ селенью... ты, разумѣется, знаешь Хельгу, Торъ? Разъ отецъ слишкомъ долго проспалъ послѣ обѣда—ужь такой-то глубокій сонъ напалъ на него,—когда онъ проснулся, солнце уже сѣло за горы. А нужно было ему еще нарубить сажень — другую дровъ, и онъ продолжалъ работать. Сначала все шло ладно, и онъ такъ рубилъ, что щепки летѣли кругомъ. Становилось темнѣе и темнѣе. Отецъ собрался срубить еще одну молоденькую ель, но едва сдѣлалъ первый ударъ, — слетаетъ топоръ съ рукоятки. Долго искалъ онъ его и, наконецъ, нашелъ въ болотистой ямѣ. Вдругъ отцу показалось, словно кто зоветъ его по имени; не понимая, кто-бъ это могъ быть, онъ рѣшилъ, что ему просто послышалось. Началъ снова онъ рубить—опять слетаетъ топоръ. Поискавъ, нашелъ онъ его въ прежней ямѣ; но когда отецъ собрался подрубить дерево,—какъ разъ съ сѣверной стороны, изъ горъ, раздался явственный голосъ «Хальфоръ, Хальфоръ, рано ты являешься и поздно уходишь!»

«Когда, говорить, я это слышалъ, у меня подкосились

ноги... Вытащивъ топоръ изъ ели, я какъ побѣгу,—бѣжалъ до самой хижины Хельги».

— Эту исторію мы слышали, сказалъ Торъ Лербергъ.—А вотъ Расскажи, какъ онъ попалъ на свадьбу въ коровникъ близъ Килебака.

— Ага, знаю! дѣло было такъ, неумоимо продолжалъ рассказчикъ:—Въ 1815 году, незадолго до Пасхи, отецъ жилъ на Оппенской фермѣ. Снѣгъ тогда еще не сошелъ. Вздумалось разъ отцу пойти въ лѣсъ на Хеллингенскую гору, противъ Аадальской дороги, нарубить немного дровъ. Нашелъ онъ тамъ сухую сосну и принялся было рубить. Да едва только вонзилъ въ нее топоръ—весь лѣсъ, что онъ видѣлъ вокругъ, показался ему сухими соснами. Пока онъ стоялъ, протирая глаза и удивляясь, подѣхалъ свадебный поѣздъ на одиннадцати лошадахъ мышиного цвѣта.

— «Что за люди, откуда и куда?» спросилъ отецъ.

— «Мы изъ Естхалла близъ Ульснаббена, отвѣчалъ одинъ изъ поѣзжанъ:—Ѣдемъ въ Фейенгофъ на свадебный пиръ; вотъ тотъ изъ насъ, что впереди—пасторъ; за нимъ поѣзжане; а я свекоръ. Ты можешь стать ко мнѣ на запятки. Отецъ сталъ. Вдуть. Свекоръ и говоритъ моему отцу: «Не можешь ли ты сходить въ Фейенгофъ исыпать двѣ мѣры картофелю вотъ въ эти мѣшки, пока мы вернемся домой?»

— «Могу», сказалъ отецъ, взявъ мѣшки и сталъ опять на запятки. Онъ хотѣлъ доѣхать только до мѣста, откуда ему сподручнѣе было идти. Вотъ проѣзжаютъ они мимо сѣвернаго Килебакена, гдѣ стоитъ старый коровникъ; но того—какъ не бывало, а на его мѣстѣ стоитъ большое-пребольшое, славное зданіе. Изъ дверей вышло нѣсколько человѣкъ имъ на встрѣчу и стали всѣхъ угощать виномъ; поднесли и отцу. Но онъ сказалъ: «Спасибо, я пить не стану; я въ рабочемъ платьѣ и вамъ не компанія».

Тогда свекоръ сказалъ:—«Отпустите старика! возьмите ло-

шадь и отвезите его». Такъ и сдѣлали—посадили его въ сани, запряженные лошадейю мышинаго цвѣта, и одинъ изъ поѣзжанъ повезъ его. Доѣхавъ до маленькой долины, лежащей къ сѣверу отъ Оппенхагена—еще тамъ, знаете, холмъ наноснаго песку—отецъ замѣтилъ, что сидитъ на бочкѣ... глядь,—и она вдругъ исчезла. Только тогда отецъ пришелъ въ себя; сталъ искать свой топоръ и нашелъ его все еще торчащимъ въ сухой соснѣ. Онъ былъ такъ сбитъ съ толку, что вернувшись домой не зналъ, сколько дней пробылъ въ лѣсу; а въ дѣйствительности оставался тамъ лишь съ утра до вечера. Вотъ и все; и больше съ нимъ ничего не было.

— Да, здѣсь въ лѣсу бываютъ чудеса, подхватилъ Торъ Лербергъ:—и я могу кой что поразсказать:

«Лѣтъ десять или двѣнадцать тому назадъ былъ у меня угольный майданъ *) въ лѣсу близъ Кампенхауга. Жилъ я тамъ и зимой, держалъ двухъ лошадей и возилъ уголь на Берумерскій желѣзодѣлательный заводъ. Разъ случилось мнѣ запоздать на заводъ, встрѣтивъ знакомыхъ изъ Рингерике. Поболтали мы промежъ себя, разумѣется выпили при этомъ, и я попалъ на свой майданъ только къ десяти часамъ вечера. Было ужасно темно. Зажегъ я огня, чтобы нагррузить уголь въ мѣшки. А нагррузиться надо было съ вечера — въ три часа утра приходилось снова отпрапляться на заводъ, чтобы вернуться домой засвѣтло. Когда огонь разгорѣлся сталъ я накладывать уголь въ мѣшки. Повернулся къ огню и хочу взять еще бремя угля; вдругъ прилетѣла цѣлая охапка снѣга и засыпала костеръ, такъ что онъ затрещалъ и погасъ. Я и думаю»:

— «Ахъ чортъ подери, должно быть лѣшій сердится, что я такъ поздно его тревожу!» высѣкъ огня и снова разжегъ

*) Майданъ—мѣсто, гдѣ выжигаютъ уголь.

костерь. Гляжу, — лопата не желаетъ ссыпать уголь въ корбъ, — больше половины высыпалось назадъ. Съ грѣхомъ пополамъ окончилъ я нагрузку и хочу хорошенько завязать мѣшки, а надо вамъ сказать, я еще утромъ надѣлалъ свѣжихъ ивовыхъ вицъ, — и вдругъ, чортъ возьми, они стали рваться одна за другой, свѣжія вицы-то! Скрутилъ я новыхъ ивовыхъ прутьевъ и таки завязалъ угли. Потомъ задалъ лошадямъ корму на ночь, вползъ въ хижину и легъ спать. И ты думаешь, я проснулся въ три часа? — какъ бы не такъ! проснулся я не раньше солнечнаго восхода. Голова трещала, и во всемъ тѣлѣ были усталость и тягость. Закусилъ я немного и пошелъ покормить лошадей, но оба стойла оказались пустехоньки, а лошадки тю-тю! Тутъ ужъ я разсердился и принялся отчаянно ругаться, — досталось и лѣшему, и его матушкѣ; а затѣмъ отправился по слѣду. Ночью выпалъ свѣжій снѣжокъ, и слѣдъ былъ какъ печатный: лошади не пошли ни на заводъ, ни въ долину, а направились къ сѣверу; рядомъ со слѣдами копытъ шли оттиски двухъ широкихъ короткихъ ступней. Я прошелъ за ними съ полъ мили по совершенно непроѣзженной мѣстности; потомъ слѣды раздѣлились — одна лошадь пошла на востокъ, а другая на западъ, и слѣды человѣческихъ ногъ исчезли. Я сначала отправился за одной и, пройдя около трехъ-четвертей мили, наконецъ, увидѣлъ ее — она стояла и ржала. Отвелъ ее къ хижинѣ, привязалъ и накормилъ, а потомъ пошелъ за другой, за Буланкой. Когда привелъ ее на майданъ, былъ уже полдень. Поберегъ я лошадей и не заставилъ ихъ тащиться въ тотъ же день на заводъ. Съ тѣхъ поръ я далъ себѣ зарокъ не тревожить работой ночью лѣшаго. Однако, какъ не зарекайся, отъ напасти не уйдешь. На слѣдующій годъ, поздно осенью и въ самую худшую дождливую пору, случилось мнѣ быть въ Христіаніи. Было уже много позже полудня когда я выѣхалъ изъ города; хотѣлось попасть домой

непремѣнно къ ночи, вотъ я и поѣхалъ, свернулъ съ Серкедальской дороги у Бокштада и направился прямо черезъ лѣсъ. Это, какъ вамъ хорошо извѣстно, самая короткая дорога къ Аасфьердингу».

«Дуль рѣзкій и холодный вѣтеръ, и уже смеркалось, когда я вѣзжалъ въ лѣсъ. Миновавъ маленькій мостъ у Хеггели, увидѣлъ я человѣка, шедшаго прямо на меня. Онъ былъ небольшого роста, но страшно толстъ — косая сажень въ плечахъ, съ кулачищами по полъ-пуда. Держа въ одной рукѣ кожаный мѣшокъ, онъ тихонько крался впередъ. Когда я приблизился, его глаза (величиной съ тарелку) засверкали, какъ уголья, а волосы и борода встали дыбомъ. Я испугался и принялся черезъ силу молиться; но едва дошелъ до словъ: *«во имя Иисуса Христа, аминь!»* — призракъ провалился сквозь землю. Бормоча псаломъ, я поѣхалъ дальше; вдругъ на склонѣ горы снова появляется этотъ негодяй и опять крадется ко мнѣ; его волосы, борода и глаза сыпали искры. Я тотчасъ зашепталъ Отче-Нашъ; когда дошелъ до прошенія — *«и избави насъ отъ лукаваго»*, онъ снова исчезъ. Не проѣхалъ я и четверти мили — опять встрѣчаю жирнаго бездѣльника на одномъ мостикѣ. Тутъ ужъ у него буквально сыпались молніи изъ глазъ, волосъ и бороды, и онъ трясъ мѣшокъ, откуда съ ужаснымъ трескомъ вылетали синіе, желтые и красные огненные языки. Я, наконецъ, разсердился. — Эй ты, проклятый оборотень, маршь сейчасъ же въ адъ на вѣчную муку! закричалъ я, и онъ мгновенно исчезъ. Бѣду дальше, а мнѣ все кажется, что за мной кто-то гонится, и я ужасно боялся, какъ бы снова не встрѣтить мнѣ стараго оборотня.

«Въ Левли, куда я пріѣхалъ, жилъ одинъ мой знакомый, занимался онъ рубкой лѣса. Я постучался къ нему и просилъ позволенія остаться до разсвѣта. Что-жъ вы думаете, меня пустили? Петръ отвѣтилъ, что я могу прекрасно ѣхать до

разсвѣта, какъ всѣ люди, и потому нечего мнѣ тутъ ночевать. Какъ я ни упрашивалъ, ничего не могъ подѣлать. Должно быть, страшный старикъ побывалъ и здѣсь, отъучивъ Петра отворять дверь по ночамъ; пришлось ѣхать дальше. Чтобъ ободрить себя я началъ пѣть, такъ что эхо вторило съ горныхъ хребтовъ, и продолжалъ это до самаго Штубдаля, гдѣ добился ночлега, хотя ночь была наисходѣ».

Все это Торъ Лербергъ рассказывалъ медленно и выразительно, часто повторяя отдѣльные слова и эпизоды, и прибавляя массу ненужныхъ поясненій для слушателей. Вообще, онъ прибѣгалъ къ подобнымъ поясненіямъ, акуратно послѣ каждого усилія поддержать огонь въ своей потухающей трубкѣ; это такъ меня смѣшило, что его рассказы далеко не произвели на меня впечатлѣнія, какого можно было ожидать послѣ того, что я самъ пережилъ.

Во время рассказа стараго дровосѣка изъ шалаша появился еще человѣкъ, очевидно, спавшій тамъ. Онъ удивительно подходилъ къ моему представленію о лѣсовикѣ: маленькій, сухощавый, съ криво поставленной головой, красными глазами и носомъ вродѣ клюва попугая. Ротъ у него кривился, точно онъ все собирался плюнуть кому нибудь въ лицо. Физіономія его поминутно двигалась, сильно выдающаяся нижняя губа строила гримасы, и онъ кивалъ головой на одинъ бокъ, словно билъ тактъ къ разсказу Лерберга. Когда же онъ открылъ ротъ и заговорилъ, все сверхъестественное въ его фигурѣ исчезло—осталась простая карикатура.

Онъ прищелкивалъ языкомъ, шепелявилъ и еще усерднѣе кивалъ головой. Въ его разсказѣ царили такая путаница всѣхъ понятій, такое смѣшеніе чиселъ, вѣзовъ и мѣръ, такія постоянныя оговорки, что для непривычнаго слушателя сначала было очень трудно его понять. Притомъ, онъ гово-

рилъ мѣстнымъ нарѣчіемъ, чрезвычайно быстро, хотя и заикался.

— Ты, конечно, считаешь насъ дьявольски глупыми, если воображаешь, что мы не принимаемъ всего этого за вранье и бабьи сказки? началъ чудакъ.

— Разумѣется, я именно это и воображаю, усмѣхнулся Торъ Лербергъ.

— Не понимаю, какъ ты можешь увѣрять, что самъ что-то такое видѣлъ... вѣдь ты не глупый человѣкъ, хотя брешешь лучше моей вороной кобылы, продолжалъ мой лѣсовикъ.

Окружающіе засмѣялись, но Торъ, повидимому, отлично знакомый съ его странностями, спокойно навелъ рассказчика на иную тему, спросивъ: — А кстати, жива-ли еще та славная кобылка, которую ты получилъ за женой въ приданое?

— Что вздоръ спрашиваешь, чортъ тебя-бы побралъ, развѣ беззубый конь можетъ жить? Давно ужъ палъ отъ старости. А славный конекъ былъ.

— Еще бы! замѣтилъ Лербергъ при общемъ смѣхѣ: — Не на ней ли ты ѣздилъ въ Бранэсъ, на Берюмерскій заводъ за большой печной плитой? Расскажи-ка намъ объ этомъ.

— Что-жъ, расскажу, сказалъ чудакъ, захватилъ горячаго пепла только что набитой трубкой, и началъ:

— Когда я женился у меня была славная лошадка, и я вздумалъ съѣздить на ней въ Бранэсъ. А я общалъ моей женѣ новое платье подарить. Ты знаешь, Торъ, мою жену, она отличная баба, а какая мастерица хлѣбы печь! Она перепекла весь овесъ, что я изъ Бранэса привезъ; пекла по 15, по 16 и по 20 хлѣбовъ, ежедневно, напекла до семи вороховъ; когда-же стали считать, пришлось на недѣлю сотенъ пять. За такое умѣнье печь хлѣбы, я общалъ ей купить платье, еще когда начиналъ къ ней свататься. Итакъ, я купилъ матеріи на платье да еще всякой всячины, такъ что навью-

чилъ на кобылку девяносто фунтовъ груза, а потомъ поѣхалъ на Бэрюмерскій заводъ и купилъ плиту, мѣрой въ пять четвертей по краю, и въ толщину столько же, сколько въ ширину, какъ оно и полагается плитѣ. Оттуда поѣхалъ дальше черезъ всѣ Йонсрудерскіе холмы, кобылка знай бѣжитъ да бѣжитъ себѣ. И вотъ, пріѣхалъ я къ Ола въ Галенъ; это такой удивительно хорошій человѣкъ, а жена его еще лучше. Я сталъ привязывать коня къ возу, какъ оно и слѣдуетъ путнику. Вышелъ Ола: «Не дѣлай этого! А ты возьми его лошадь въ стойло!» говоритъ онъ работнику. Вошелъ я въ кухню, подошелъ къ очагу и сталъ грѣться, такъ какъ и слѣдуетъ путнику.

— «Нѣтъ, пойдемъ въ комнату», говоритъ мнѣ Ола. И вотъ, вошелъ я въ комнату и сѣлъ къ печкѣ. Тутъ является его жена съ тарелкой: на каждой сторонѣ тарелки лежитъ по толстому буттерброду, а посрединѣ стоитъ стаканъ водки. Я выпилъ водку и сѣлъ одинъ буттербродъ.

— «Кушай и другой», говоритъ хозяйка.

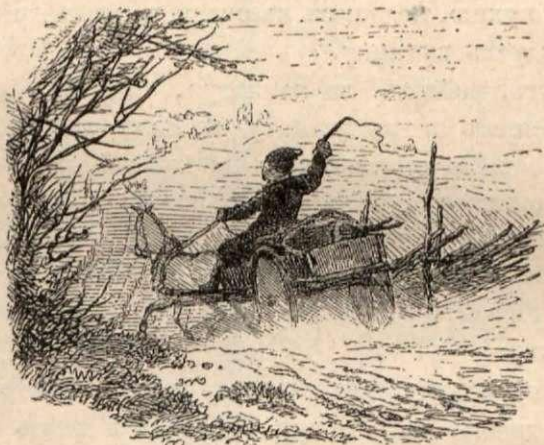
А Ола говоритъ ей: «принеси намъ выпить чего-нибудь горяченькаго!»

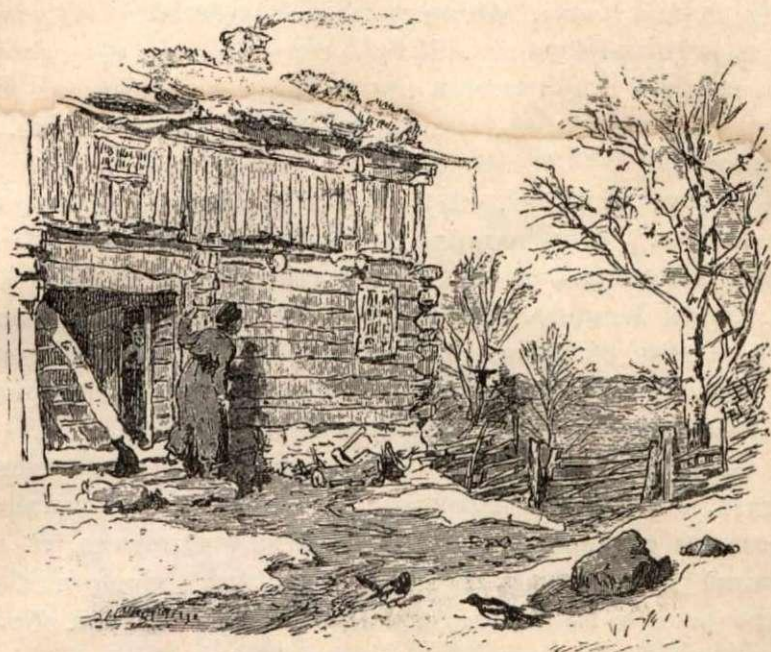
Жена тотчасъ принесла чаю съ водкой, такого крѣпкаго, что мнѣ ударило въ голову. Собрался я ѣхать дальше.— «Нѣтъ говоритъ Ола: оставайся обѣдать». Я остался и, надо вамъ признаться, все думалъ, что такое будетъ за обѣдомъ. Вдругъ хозяйка вноситъ поросенка, зажареннаго такъ-таки со шкурой и щетиной. Потомъ принесла двѣ большія бутылки водки, поставила ихъ на столъ и сѣла прямо противъ меня, а не противъ мужа, какъ, натурально, слѣдуетъ женѣ. И начала она кромсать и рѣзать; вдругъ ножъ выскользнулъ у ней изъ руки и одинъ кусокъ упалъ на полъ.

— «Возьми себѣ, Ола», говоритъ жена.

— «Позвольте, я возьму», говорю я, какъ оно и слѣдовало гостю.

Съѣли мы жаркое и все прочее, а потомъ принялись попивать водочку да водочку. Ола стало нехорошо, а я— все ничего; и покуда ему было нехорошо, я ѣлъ да ѣлъ. Я все держался, хоть мнѣ и не совсѣмъ было хорошо, а Ола и ѣсть-то ужь не могъ. Такъ-то поѣвъ, какъ слѣдуетъ, поблагодарилъ хазяевъ и поѣхалъ я съ тяжелой поклажей изъ Галена прямо въ Скарудъ, и еще дальше черезъ скарудерскій холмъ, а кобылка моя бѣжить да бѣжить.

ЗНАХАРКА

Въ Гудрунской долинь, на холмѣ, въ сторонѣ отъ большой дороги, стояла нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а можетъ быть и до сихъ поръ стоять, хижина.

Быль апрѣль мѣсяцъ, таяло, ручьи съ шумомъ стремились съ горъ, поля почернѣли, лѣса оглашались пѣніемъ птицъ — все предвѣщало скорую весну. Высокая береза и кленъ простирали надъ крышей хижины свои обнаженные вершины, залитыя яркимъ солнцемъ; по ихъ вѣтвямъ прыгала скворецъ, а на самой макушкѣ березы сидѣлъ щеголь, заливаясь пѣснями.

Темно и неуютно было въ хижинѣ; некрасивая и тупая

на видъ крестьянка, среднихъ лѣтъ, старательно раздувала огонь подъ кофейникомъ. Когда, наконецъ, это ей удалось, она выпрямилась, протерла глаза, въ которые, во время хлопотъ съ кофейникомъ, попало не мало сажки и копоти, и сказала:

— Люди говорятъ, что заговоры не помогутъ, — тутъ дѣло не въ порчѣ, а въ подмѣнѣ моего ребенка. Недавно былъ здѣсь кожевникъ — и онъ тоже самое говорить, потому что видѣлъ въ Рянгебу вѣдьмовскаго подкидыша; и тотъ былъ, точь-въ-точь, такой-же слабый и вялый, какъ мой ребенокъ.

Горькое выраженіе лица бѣдной женщины ясно говорило, до какой степени она вѣритъ словамъ кожевника.

Собесѣдницей ея была плотная женщина лѣтъ шестидесяти, необычайно высокаго роста, за что ей приклеили прозвище «Длинноногая Губьеръ»; между цыганами, съ которыми она постоянно кочевала, у ней было другое имя. Ея сѣдые волосы выбивались изъ подъ головного платка, обрамлявшего густыя брови и крючковатый носъ; смуглое лицо представляло странную смѣсь хитрости, ограниченности и пронырства. Судя по платью, она была сѣверянка; лицо-же и всѣ манеры сразу выдавали ее за знахарку или, по крайней мѣрѣ, бродягу — то нахальную и дерзкую, то льстивую и приниженную, смотря по обстоятельствамъ.

Пока хозяйка возилась съ кофейникомъ, она сидѣла и покачивала люльку больного ребенка; хотя сверкающіе глаза и дрожащіе уголки рта и выдавали ея гнѣвъ на кожевника за его совѣты, она отвѣчала довольно спокойно:

— Мало-ли народъ языкомъ мелеть, милая моя Марита Рогнехаугъ, особенно про то, въ чемъ ничего не смыслить. Кожевникъ навѣрно знаетъ толкъ въ кожахъ, но ужъ насчетъ порчи и вѣдьмовскихъ подкидышей онъ круглый дуракъ — могу тебя завѣрить: подкидышей-то я не мало видѣла на своемъ вѣку. Онъ, должно быть, болталъ про ребенка

Бриты Брискебратъ изъ Фро, у которой вѣдьмы подмѣнили прекраснаго первенца и подкинули ей дикаго и злаго вѣдьменка. Онъ ни слова не хотѣлъ вымолвить, только и зналъ, что ѣлъ да ревѣлъ... а она еще нѣжничала съ нимъ. Наконецъ, ей посовѣтовали одно чудесное средство, съ помощью котораго она-таки заставила его говорить, и тутъ-то ясно поняла, что у ней за чертенокъ. Тогда она вышла изъ себя и сказала: «пусть бы черти побрали такое адское исчадіе!» да какъ хватить его вѣвникомъ по головѣ! Въ ту же минуту дверь съ шумомъ распахнулась и вошелъ нѣкто (хоть его, слава Богу, никто не могъ видѣть), схватилъ подкидыша и бросилъ ей ея кровнаго ребенка, да такъ, что тотъ громко заплакалъ. Или, можетъ, кожевникъ говорилъ про того вѣдьменка, что былъ у Сири Стремхугъ. Но и тотъ столько же походилъ на твоего ребенка, какъ моя старая шанка. Я видала его не разъ (тогда я служила еще у пономаря) и отлично знаю, какъ его подбросили и какъ Сири отъ него избавилась. Она была изъ здѣшнихъ окрестностей, въ молодости служила въ Квамѣ, а затѣмъ поступила въ Стремхугъ; тутъ на ней и женился Ола, сынъ помѣщика. Едва родился у нея ребенокъ, какъ вошла въ комнату чужая женщина, схватила его и положила вмѣсто него другаго. Бѣдная больная Сири всячески стералась отнять свое дитя, но отъ слабости съ мѣста не могла тронуться; хотѣла кричать, звать свою тетку на помощь — голосъ измѣнилъ. Что подкидышъ былъ вѣдьменокъ, въ этомъ и сомнѣнія не было: онъ только и дѣлалъ, что кричалъ, да рычалъ, точно его на вертелъ надѣли, дрался, царапался, какъ дикая кошка, ѣлъ цѣлый день и былъ гадокъ, какъ смертный грѣхъ.

Наконецъ, одна разумная старушка посовѣтовала три четверга подрядъ носить ребенка на сорную кучу и крѣпко бить тамъ березовымъ прутомъ, что Сири и исполнила. Только на третій вечеръ прилетаетъ туда вѣдьма съ ея

ребенкомъ, бросила его на сорную кучу, а своего вырвала изъ рукъ Сири и исчезла съ нимъ. Да такъ ударила бѣдную мать по палцамъ, что до сихъ поръ на нихъ пятна оста-

лись, прибавила знахарка въ подтвержденіе своихъ словъ.— Да и какъ было подмѣнить твоего ребенка?!

— Вотъ этого я и сама не могу понять, простодушно отвѣчала хозяйка: я всѣ предосторожности приняла: въ люлькѣ всегда была бобровая струя, въ рубашечку я вдѣла запонку, надъ дверью воткнула ножъ, выстрѣлила надъ ребен-

комъ изъ ружья и ежеминутно крестила его... просто не придумаю, какимъ образомъ вѣдьмы могли подмѣнить мнѣ мое дитя.

— Ну, если такъ, то вѣдьмы тутъ ни причемъ,—подхватила знахарка: я знаю это навѣрное, потому что одна женщина, жившая около Христіаніи, приняла тѣ же мѣры, что и ты, для охраны своего ребенка и тѣмъ спасла его. Разъ какъ-то ночью ея мужъ проснулся отъ яркаго освѣщенія комнаты. Вглядѣвшись, онъ увидѣлъ, что какой то отвратительный длиннородый старикъ разгребалъ и раздувалъ уголья на очагѣ. Когда комната достаточно освѣтилась, ужасный старикъ началъ тянуться къ ребенку, лежавшему на кровати подлѣ отца и матери; однако, какъ ни тянулся, онъ не могъ сойти съ мѣста и, хотя его руки такъ вытянулись, что хватали до половины комнаты, ему не удавалось схватить ребенка. Долго старался поймать ребенка старикъ, такъ долго, что мужу жутко стало; наконецъ, послышался стукъ въ окно и голосъ:

— «Петръ, выходи же!»

— «Ахъ, зажми, пожалуйста, свой болтливый ротъ! — сердито отвѣчалъ старикъ:—надъ ребенкомъ наколдовали, и я не въ силахъ притронуться къ нему».

— «Но, я думаю, выйти-то ты, все-таки, въ силахъ!» сказала старикова жена, поджидавшая его съ ребенкомъ...

Тутъ знахарка прервала свой рассказъ, взяла проснушагося ребенка на руки и, цѣлуя его, хотя онъ отбивался и дѣлалъ гримаски, сказала матери:—нѣтъ, ты посмотри, матушка, на этого красавчика,—видишь, какой онъ бѣленькій, точно ангелочекъ; правда, что слабовать, но ужь никакъ не вѣдьменокъ. Онъ просто испорченъ!

— Тише, тише, мнѣ кажется—стучатся. Ахъ, Господи упаси, не Трулъ ли мой вернулся! съ безпокойствомъ сказала Марита Рогнехаугъ, боясь, какъ бы мужъ не засталъ у нея знахарки. Она выбѣжала за дверь и

поглядѣла наружу: но тамъ никого не было, кромѣ пестрой кошки, сидѣвшей на лѣсенкѣ и умывавшейся послѣ охоты по ольховымъ кустамъ.

Трутъ не приходилъ. Стукъ же раздавался съ солнечной стороны хижины, гдѣ сидѣлъ дятель, старательно постукивая, и, ежеминутно повертывая голову, высматривалъ насѣкомыхъ.

— Что, есть тамъ кто? спросила знахарка и, получивъ отрицательный отвѣтъ, посоветовала:—ты оставь дверь—то отворенной—и солнышко насъ согрѣетъ, да и видно будетъ сейчасъ, какъ явится твой благовѣрный. Онъ вѣдь съ этой стороны придетъ?

— Да, онъ уѣхалъ на большихъ саняхъ за листьями для козь, — отвѣчала хозяйка; но я боюсь, какъ бы онъ не подкрался къ намъ: — ужасно разсердился прошлый разъ, узнавъ, что ты была у меня. Онъ обѣщалъ дать мнѣ нѣсколько шиллинговъ, чтобы я сходила къ доктору, а про заговоры и другія чудесныя средства и слышать не хочетъ; онъ вѣдь у меня ученый и ни во что не вѣритъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ подружился съ учителемъ Юганусомъ.

— Къ доктору? Тьфу! — даже плюнула знахарка. Пожалуй, ступайте къ нему, сдѣлайте одолженіе, одно скажу: толку изъ этого никакого не выйдетъ, — знатный вельможа-докторъ на всѣхъ бѣдняковъ кидается, точно бѣшеная собака; да къ тому же ни одинъ докторъ не умѣетъ лечить отъ порчи — они сами въ этомъ сознаются, отказываясь прописывать отъ порчи порошки, горькія травы или еще какую-нибудь свою чертовщину. Нѣтъ, одно только и есть средство отъ порчи — это литье олова. Ну-ка, мать, давай ложку для растапливанія олова, — скомандовала знахарка совершенно другимъ тономъ: — скоро полдень. Мы уже два раза лили, нужно въ третій разъ лить, не то плохо намъ будетъ. Ребенокъ испорченъ, нужно теперь узнать, какая у него порча. На свѣтѣ девять порчъ. Олово указало на двѣ: порчу отъ

воды и отъ вѣдмъ. Въ первый четвергъ олово вылилось въ видѣ рогатаго человѣка съ длиннымъ хвостомъ—это означало вѣдмовскую порчу; во второй, въ видѣ русалки—значить, была и водяная порча. Что-то будетъ сегодня, потому что именно въ третій четвергъ узнають настоящую порчу. Ну, бери же ребенка,—повторила она, подавая женщинѣ младенца,—и выпьемъ-ка кофейку.

Выпивъ кофе, убравъ со стола и помолившись Богу, знахарка торжественно подошла къ очагу и достала коробочку.

— Съ прошлаго четверга я побывала въ семи приходахъ и ночью отламывала понемногу олова отъ церковныхъ оконъ, а это трудное дѣло,—ворчала она, бросая въ ложку кусочекъ олова.

— Принесла ты въ полночь воды изъ рѣчки или ручья, текущихъ на сѣверъ? продолжала она.

— Да, я сходила на рѣку, на которой стоитъ мельница, въ Гарнатѣ; здѣсь только эта рѣчка и течетъ на сѣверъ,—отвѣчала хозяйка, осторожно внося ведро воды и наливая ее въ кружку; затѣмъ она прикрыла воду ячменной лепешкой съ дырочкой въ середкѣ. Когда олово растопилось, Губеръ вышла за двери и, глядя на солнце, медленно вылила расплавленный металлъ черезъ дырочку лепешки въ кружку, приговаривая:

«Заклинаю порчу и болѣзни,

Прогоняю ихъ на всѣ четыре вѣтра:

Вы ступайте въ воду и подъ землю,

Въ крѣпкій утесъ и сыпучій песокъ,

Въ корень ольховый, въ ногу коня,

Въ рѣку, что къ сѣверу воды несетъ,

Въ полымя адское, для всессоженья—

Будетъ младенцу тогда облегченье!»

Олово, капая въ воду, естественно, шипѣло и брызгало.

— Слышишь, слышишь, какъ выходитъ порча!—сказала

знахарка Маритъ Рухнехаугъ, со страхомъ и надеждой стоявшей подлѣ, держа ребенка на рукахъ. Когда лепешку сняли, на днѣ кружки оказались какія то фигурки изъ олова. Губьеръ долго разглядывала ихъ, наклонивъ голову на сторону; наконецъ, одобрительно кивнула и сказала:

— Эта порча отъ мертвецовъ! Слушай, я тебѣ скажу, какъ все было: шла ты по лѣсу и были тамъ вѣдьмы, но ты помолилась во время; потомъ шла черезъ воду—и опять твоя молитва оградила ребенка; но затѣмъ, проходя мимо кладбища до пѣтуховъ, ты забыла призвать благословенье Господа Бога на твое дитя, и вотъ мертвецы его испортили...

— Господи Боже мой, какъ ты это узнала?! — съ удивленьемъ воскликнула хозяйка:—всякое твое слово правда! Возвращаясь въ этомъ году съ горныхъ луговъ, мы замѣшались съ ловлей овецъ, и поздно вечеромъ намъ пришлось проходить черезъ лѣсъ, гдѣ мнѣ почудились огоньки; потомъ мнѣ померещилось, будто двери Везетской горы открылись—(а вѣдь тамъ живутъ горные духи). — Христе Боже, помилуй насъ,—сказала я сейчасъ же надъ ребенкомъ. Когда мы переходили черезъ рѣчку, раздался страшный крикъ; я опять призвала имя Господне на свое дитя, хотя другіе пастухи говорили мнѣ, что это просто кричалъ куличекъ, предвѣщающій дурную погоду.

— И куличка довольно: это онъ-то и накликалъ порчу на твоего ребенка, замѣтила знахарка.

— Слыхала я это, да такъ же вѣдь оно и вышло, — продолжала бѣдная Марита:—около полуночи намъ пришлось миновать кладбище; тутъ быкъ забуянилъ, и такая поднялась возня со всею скотиной, что я забыла благословить ребенка.

— А мертвецы этимъ и воспользовались, чтобы его испортить. Вотъ, погляди въ кружку—гробъ, кладбище, а тутъ видишь—въ гробу лежитъ мертвецъ и всѣ пальцы растопы-

риль!—торжественно объявила знахарка, указывая на таинственные фигурки изъ олова.

— Гм, гм... есть отъ этого средство, есть...—проворчала она, но достаточно громко, чтобы быть услышанной хозяйкой, которая радостно спросила:

— Какое средство?

— Хорошее средство, да не легкое,—отвѣчала Губьерь; нужно сдѣлать куклу, вродѣ ребенка, и закопать на кладбищѣ,—мертвецы тогда успокоются, думая, что испорченный ими ребенокъ умеръ... а ребенокъ-то поправится. Но для этого мнѣ надо стариннаго серебра. Есть оно у тебя?

— Да, крестный отецъ подарилъ мнѣ нѣсколько серебряныхъ монетъ и я очень дорожу ими, но если дѣло идетъ о жизни ребенка... дѣлать нечего, отдамъ!—И она принялась вынимать монеты изъ уголка стараго сундука.

— Ну, хорошо,—одну я положу на гору, другую въ воду, третью зарюю въ освященную землю на кладбищѣ, гдѣ испортили дитяtko. Итакъ, дай мнѣ три монеты и тряпокъ для куклы, рѣшила знахарка.

Получивъ требуемое, она живо свертѣла куклу, взяла свою палку и промолвила, подымаясь со скамьи:

— Пойду, зарюю ее на кладбищѣ. Черезъ два четверга на третій я опять приду къ тебѣ. Если ребенокъ будетъ жить—погляди ему въ глаза и увидишь въ нихъ себя; а если умереть—глазки будутъ темны и мутны. Я теперь иду въ Йорамо, меня звали лечить испорченнаго вѣдьмами мальчика—это у меня живо: стоитъ вынести его на солнце на лопатѣ для торфа, и онъ опять будетъ здоровешенекъ.

— Какъ-такъ!—съ удивленьемъ вскричала хозяйка:—въ Йорамо, что въ Лесое? да вѣдь это страшно далеко!

— Довольно таки далеко. Я тамъ родилась и выросла,—сказала Губьерь:—да, видала я всего на своемъ вѣку... а

было времячко, что Губьеръ славно жилось! прибавила она со вздохомъ, снова опускаясь на лавку.

— Знаешь, мнѣ вспомнилось—въ Йорамѣ, у прабабушки моей бабушки былъ вѣдьмовскій подкидышъ, съ лица точно старикъ; глаза у него горѣли въ темнотѣ, какъ угли, голова была длинная, какъ у лошади, и толстая, что кочанъ капусты; ноги точно у овцы, и все тѣло въ складкахъ и морщинахъ. Цѣлые дни онъ ревѣлъ, вылъ, кричалъ и все, что попадалось подъ руку, швырялъ матери въ лицо. Ълъ такъ, что чуть не разорилъ отца съ матерью, и все-таки былъ вѣчно голоденъ, какъ собака. Бѣда была съ нимъ! Наконецъ, кто-то научилъ мать, постоянно ласкавшую его, думая, что это ея дитя, чтобы она сказала, что скоро придетъ король, потомъ развела бы на очагѣ большой огонь, разбила бы яйцо и скорлупу бросила въ огонь, а кочергу поставила однимъ концомъ въ скорлупку, другимъ въ трубу. Какъ только вѣдьменокъ это увидѣлъ, онъ поднялся въ люлькѣ и устоялся на огонь. Мать выбѣжала изъ комнаты и стала наблюдать въ замочную скважину, что будетъ. Вѣдьменокъ вылезъ на рукахъ изъ люльки и поползъ къ очагу, а его ноги стали расти, расти и выросли такъ, что онъ вытянулся черезъ всю комнату и залѣзъ въ трубу

— «Лесьерскій лѣсъ семь разъ уже мѣнялъ листву послѣ моего рожденія, но ни разу еще не видалъ я такой большой веселки въ такомъ маленькомъ горшкѣ!»—сказалъ онъ, заползъ обратно въ люльку и свернулся какъ червякъ.

«Поняла тутъ мать, что это не сынъ ея, а вѣдьменокъ, и вотъ, въ первый же четвергъ, унесла она его на сорную кучу и сильно побила, и все время, что била, кругомъ гремѣлъ громъ и сверкала молнія. На другой четвергъ, только начала она бить вѣдьменка, какъ ей послышался голосокъ ея малютки:—«Мама, мама, меня бьютъ въ горѣ всякій разъ, что ты бьешь Тыюстула Гаутштига!» Въ третій четвергъ мать

опять принялась бить вѣдьменка. Вдругъ прилетаетъ, какъ бѣшеная, какая-то женщина:

— «Отдай мнѣ Тьюстула, на тебѣ твоего урода!» и бросила ей ея ребенка. Мать схватила его за ножку, да только ее и удержала — все же тѣльце ребенка разбилось въ дребезги, такъ сильно швырнула его проклятая вѣдьма.

Во время этого разсказа хозяйка не могла скрыть своего возраставшаго безпокойства, такъ что, наконецъ, знахарка это замѣтила и спросила:

— Въ чемъ дѣло? ага, твой муженецъ идетъ! сказала она, выглянувъ за дверь:—теперь Губьеръ у тебя не мѣсто; но не бойся,—я пойду окольной дорогой за кладбищемъ, и онъ меня не увидить.

УГОЛЬЩИКЪ

ЖИЛЪ однажды угольщикъ; у него былъ сынъ, тоже угольщикъ. Когда отецъ умеръ, сынъ женился, но работать совсѣмъ не хотѣлъ. О своемъ майданѣ онъ не заботился, такъ что, подь-конецъ, никто не сталъ поручать ему выжигать уголь. Какъ-то разъ удалось ему, впрочемъ, выжечь костеръ угля; отвезъ онъ его въ городъ и, продавъ тамъ, пошелъ шляться по улицамъ да глазѣть по сторонамъ. На возвратномъ пути сошелся онъ съ земляками; они стали пить и болтать о видѣнномъ въ городѣ.

— Больше всего мнѣ понравилось то, сказала угольщикъ, что тамъ столько духовенства, и всѣ снимаютъ передъ нимъ шляпы; желалъ бы я быть пасторомъ—можетъ, и мнѣ тогда начали бы кланяться; а теперь меня словно и не замѣчаютъ.

— Тебѣ и чернаго пасторскаго платья не надо — и такъ ты черенъ, отвѣчали сосѣди:—кстати, зайдемъ на аукціонъ у покойнаго пробста; ты можешь купить себѣ его рясу и воротникъ. Такъ они и сдѣлали, а когда вернулись, у угольщика не осталось ни шиллинга.

— Принесъ ты денегъ? спросила его жена, лишь только онъ явился домой.

— Да, баба, ужъ теперь-то мы заживемъ! отвѣчалъ угольщикъ:—Я сдѣлался пасторомъ—видишь рясу и воротникъ?

— Вижу только одно, проворчала жена, — тебѣ всегда наплевать, что дома дѣлается.

— Нечего горевать оба угольяхъ, пока не остыль костеръ, назидательно замѣтилъ мужъ.

Вскорѣ мимо его жилья прошло много духовенства въ столицу короля.—Что-нибудь тамъ не ладно, подумалъ угольщикъ. Онъ сразу рѣшилъ надѣть пасторское платье и хотѣлъ идти туда же.

Жена говорила, что умнѣй бы остаться дома: здѣсь, можетъ быть, удастся получить хоть на водку, подержавъ лошадь какому-нибудь знакомому барину.

— Экъ васъ—всѣ заладили одно: на водку да на водку; а чѣмъ больше ее пьешь, тѣмъ больше пить хочется, отвѣтилъ мужъ и поспѣшилъ въ столицу. Тамъ всѣхъ пришельцевъ позвали къ королю; пошелъ съ ними и угольщикъ. Король объявилъ имъ, что онъ потерялъ самый дорогой перстень и убѣжденъ, что его украли. Поэтому онъ собралъ ученыхъ богослововъ со всей земли, авось они помогутъ

найти вора. За открытіе преступника обѣщана хорошая награда: если это удастся кандидату, онъ будетъ пасторомъ; пробствъ сдѣлается епископомъ; а епископъ станетъ первымъ лицомъ послѣ короля. Король началъ спрашивать бого-слововъ одного за другимъ и, дойдя до угольщика, спросилъ:

— А ты кто?

— Я то? я мудрый изъ мудрейшихъ, можно сказать, даже всевѣдущій! ляпнулъ угольщикъ.

— Значить, ты легко можешь сказать, кто укралъ мое кольцо? сказалъ король.

— Ну нѣтъ,—вывести на свѣтъ Божій, что сдѣлано въ потьмахъ, это не такъ-то легко, возразилъ угольщикъ:—не каждый годъ лосось на соснѣ икру мечетъ! Вотъ я, напри-мѣръ, семь лѣтъ учусь, а еще не имѣю должности. Если хочешь найти вора, дай мнѣ достаточно времени и побольше бумаги, потому что надо много вычислять и писать во всякія страны.

Все это ему обѣщали,—только укажи вора.

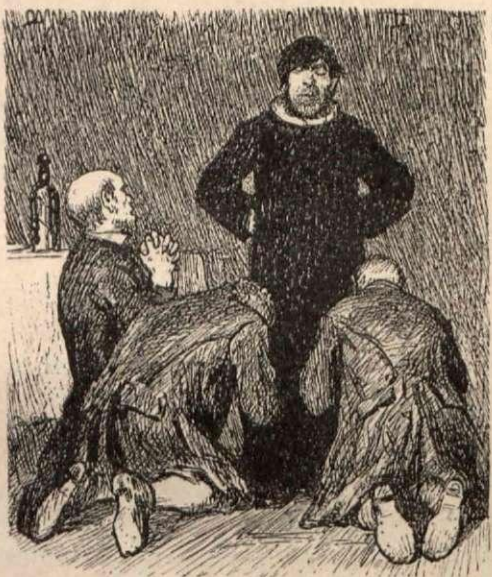
Получилъ онъ отдѣльную комнату и принялся за работу. Скоро всѣ замѣтили, что онъ знаетъ побольше, чѣмъ Отче-Нашъ, — столько изводилъ бумаги, что она лежала вокругъ него грудами, и ни единая душа не могла разобрать ни слова изъ всѣхъ его писаній. Очень ужъ мудроно писалъ онъ—точно курица царапала. Но время шло, а воръ не обрѣтался.

Королю, наконецъ, это надоѣло, и онъ объявилъ, что если ученый не представитъ вора черезъ три дня, то пусть распро-щается съ своею головою.

— Поспѣшишь — людей насмѣшишь. Нельзя таскать углей, пока костеръ не остылъ, попробовалъ возразить угольщикъ; но король слова не перемѣнилъ, и бѣднякъ замѣ-тилъ, что его жизнью не очень-то дорожатъ. Между тѣмъ, ему прислуживали по очереди трое королевскихъ слугъ—

каждый по одному дню—и они-то всѣ втроемъ и украли кольцо. Когда вошелъ первый слуга, убралъ со стола ужинъ и снова вышелъ, угольщикъ тяжело вздохнулъ и сказалъ ему вслѣдъ: Прощель ужь одинъ! (т. е. первый день изъ трехъ оставшихся).

— Эге, погѣ-то умѣеть не только, что хлѣбъ ѣсть! сказалъ слуга товарищамъ:—сейчасъ онъ объявилъ обо мнѣ, что я воръ.

На слѣдующій день второму слугѣ поручили хорошенько замѣтить, что скажетъ угадчикъ; и дѣйствительно, когда онъ снималъ ужинъ, угольщикъ пристально взглянулъ на него и горестно промолвилъ: Прощель и второй!

Велѣли смотрѣть третьему, и опять вышло то-же: едва слуга взялся за дверь, чтобы вынести посуду, угольщикъ простоналъ, ломая руки: вотъ прощель и послѣдній!

Помертвѣвшій слуга прибѣжалъ къ товарищамъ и ска-

залъ имъ, что попъ, очевидно, все знаетъ; тогда они пошли всѣ трое, упали передъ нимъ на колѣни и умоляли не говорить, что они украли перстень; они охотно дадутъ ему каждый по сто таллеровъ, лишь бы только овозбудилъ онъ ихъ извѣды. Угольщикъ клятвенно обѣщалъ, что никто ничего знать не будетъ и все сойдетъ ладно, если они ему дадутъ денегъ, украденное кольцо и большое блюдо каши. Закопавъ перстень въ кашу, угадчикъ велѣлъ скормить все это самому здоровому королевскому борову и понабюсти, чтобы онъ какъ-нибудь не выронилъ кольца.

Наутро пришелъ король и потребовалъ имя вора.

— Вотъ теперь я все вычислилъ и списался со всякими странами, сказалъ угольщикъ:—но ни единый человекъ не красть вашего кольца.

— А кто же украсть его? удивился король.

— Кто? а вашъ большой боровъ, вотъ кто, отвѣчалъ угольщикъ. Взяли тогда борова, зарѣзали его и, дѣйствительно, нашли въ немъ пропавшее кольцо.

За это угольщикъ получилъ мѣсто пастора; король на радостяхъ подарилъ ему лошадь, домъ и еще сто талеровъ въ придачу.

Угольщикъ, ни мало не медля, отправился къ своей паствѣ и, на слѣдующее-же воскресенье по вступленіи въ должность, хотѣлъ прочесть въ церкви ставленную грамоту.

Передъ самой службой началъ онъ закусывать, положилъ грамоту на блинъ, потомъ по разсѣянности ошибся и, сунувъ все это въ горшокъ съ супомъ, отдалъ собакамъ, а та живо слопала и супъ, и грамоту. Что тутъ было дѣлать? А въ церковь идти надо—прихожане ждутъ. Нечего дѣлать, отправился онъ, тотчасъ взмогся на кафедру и такъ ударилъ себя въ грудь, что всѣ подумали: какой превосходный проповѣдникъ! но увы, дальше дѣло вышло дрянно:

— Возлюбленные слушатели, началъ угольщикъ:—про-

повѣдью, предназначенною вамъ, я угостилъ собаку; но приходите въ слѣдующее воскресенье и тогда, любезныя чада, вы услышите кое-что другое; а теперь проповѣди конецъ и аминь!

«Вотъ такъ пасторъ!» думали прихожане, «никогда не слыхивали ничего подобнаго; ну, да подождемъ, можетъ быть, онъ исправится, а въ крайнемъ случаѣ, можно его и побоку».

На слѣдующее воскресенье въ церкви собралось столько народа, желавшаго послушать новаго пастора, что яблоку упасть негдѣ было.

Угольщикъ, войдя, сейчасъ-же поднялся на кафедру; постоявъ минуту въ молчаніи, онъ вдругъ началъ проповѣдь, заоравъ во всю глотку:—Эй ты, старая Буке-Берить, почему сидишь ты такъ далеко сзади?

— У меня, батюшка, рваные башмаки, отвѣчала старушка.

— Что-жь, возьми старую свиную кожу и шей себѣ новые башмаки, тогда садись на первое мѣсто, рядомъ съ прочими почтенными женщинами. Кромѣ того, замѣтьте, любезные слушатели, по какой дорогѣ вы идете: я вижу, когда вы приходите въ церковь, овые грядутъ съ юга, овые-же съ сѣвера; это повторяется, когда вы оставляете церковь; притомъ, вы долго мѣшкаете въ пути.

«Спрашивается, что-жь изъ васъ дальше будетъ? Да кто знаетъ, что съ нами со всѣми дальше будетъ?»

«Къ сему считаю необходимымъ присовокупить, что у старой пасторши околѣла вороная кобыла. У ней были густыя щетки надъ копытами, длинная грива и еще много такого, о чемъ не подобаетъ здѣсь распространяться. Наконецъ, у меня дыра въ карманѣ моихъ старыхъ штановъ, и я это знаю, а вы нѣтъ; можетъ быть, у кого и есть ло-скутокъ на заплатку, но этого никто не знаетъ».

Нѣкоторые изъ паствы остались вполне довольны этой

проповѣдью; они полагали, что со временемъ изъ ихъ пастора выйдетъ отличный проповѣдникъ. Но большинство приняло его за помѣшаннаго. Когда проѣзжалъ пробѣсть, они пожаловались на пастора, говоря, что еще нигдѣ не слыхано такихъ проповѣдей; кто-то кстати припомнилъ послѣднюю и передалъ ее пробѣсту.

— Что-жь, это прекрасная проповѣдь, удивился пробѣсть: — нужно только понимать, что онъ говорилъ уподобленіями: онъ сказалъ, что надо стремиться къ свѣту, убѣгая тьмы и ея дѣлъ; сказалъ объ идущихъ по широкой и узкой стезѣ. Въ особенности заявленіе о вороной кобылѣ было превосходной аллегоріей конца, ожидающаго насъ. Карманъ съ дырой означаетъ бѣдность проповѣдника, а заплатки—добровольныя приношенія отъ паствы.

— Это точно, послѣднее то и мы поняли—видѣли, видѣли, куда онъ гнетъ! воскликнули прихожане.

Въ заключеніе, пробѣсть объявилъ, что у нихъ такой славный и разумный пасторъ, что нельзя на него пожаловаться. Другаго они такъ и не получили.

Но чѣмъ дальше, тѣмъ дѣла угольщика шли хуже, и прихожане пожаловались на него епископу. Много времени спустя, епископъ отправился на ревизію. За день до его пріѣзда угольщикъ тайкомъ пробрался въ церковь и подпилилъ каѳедру, такъ что она еле держалась. Когда настала минута проповѣдывать въ присутствіи епископа, угольщикъ осторожно взобрался на каѳедру и началъ, по обыкновенію, нести чужъ; но вотъ онъ напрягся, ударилъ кулаками и воскликнулъ: «Аще есть здѣсь нѣкто, умыслившій злое, абіе да покинетъ сію храмину; ибо будетъ днесь паденіе, ему же подобнаго не видано есть отъ созданія міра!» и при этомъ загрохоталъ кулаками по каѳедрѣ. Съ трескомъ полетѣли и каѳедра, и проповѣдникъ, а прихожане бросились, другъ черезъ друга, вонъ изъ церкви, словно настало свѣтопреставленіе.

Тогда епископъ сказалъ: «Удивляюсь, какъ можно жаловаться на человѣка, обладающаго такимъ даромъ слова и такой прозорливостью, что предузнаетъ грядущія событія». По его мнѣнію, ему бы слѣдовало быть по крайней мѣрѣ пробстомъ; скоро оно такъ и вышло. Тутъ ужъ нечего было дѣлать—пришлось съ нимъ примириться.

Случилось, что у короля и королевы долго не было дѣтей; наконецъ, королю сказали, что онъ въ скоромъ времени сдѣлается отцомъ. Чтобы рѣшить важный вопросъ, кто родится — наслѣдникъ-ли престола или только принцесса—въ королевскій замокъ собрали всѣхъ ученыхъ королевства. Но никто ничего путнаго не могъ сказать; тогда король съ епископомъ вспомнили объ угольщикѣ и вытребовали его.

— Нѣтъ, ничего не знаю! отвѣчалъ онъ, потому что и въ самомъ дѣлѣ довольно трудно отгадать, чего никто знать не можетъ.

— Ладно, ладно, сказалъ король:—знаемъ мы тебя! На то ты мудрейшій изъ мудрыхъ, чтобы предсказывать будущее; а не скажешь, снимай,—расу. Впрочемъ, это все пустяки — я сначала испытаю тебя.

Онъ взялъ самую большую серебряную кружку изъ всей своей посуды, сходилъ на берегъ моря и скоро вернулся, плотно прикрывъ кружку крышкой.

— Если угадаешь, что въ кружкѣ, сказалъ король:—то, разумѣется, тебѣ нипочемъ сказать мнѣ и о ребенкѣ.

Угольщикъ ломалъ руки и жалобно причиталъ:—Ахъ, бѣдняга, несчастнѣйшая тварь на землѣ, вотъ какая тебѣ награда за всѣ твои труды! Ахъ, ты жалкій ракъ, все-то ты пятишься назадъ.

— Видишь, вѣдь знаешь же! воскликнулъ король, вынимая изъ кружки большого рака.

Затѣмъ ввели угольщика въ залу къ королевѣ. Онъ взялъ

стулъ и сѣлъ посреди залы, а королева ходила взадъ, и впередъ.

— Нечего строить стойла для неродившагося теленка и нечего спорить объ имени для будущаго ребенка, началъ прорицать угольщикъ: — но такой штуки я еще не видалъ: идетъ королева на меня, — я почти увѣренъ, что родится принцъ, а идетъ отъ меня, — мнѣ кажется, что будетъ принцесса.

Родились двойни: угольщикъ опять угадалъ!

За это онъ получилъ груды денегъ и сталъ первымъ лицомъ послѣ короля. Вотъ оно куда пошло!

2011146940